

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР

AN DER KREUZUNG

DER KULTUREN

Трёхязычный
литературный

альманах

Dreisprachiger

literarischer

Almanach

№2

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.

Printed in Germany

2015



AN



Dreisprachiger
literarischer
Almanach

DER



HA



Wuppertal

Трёхязычный
литературный
альманах



КУЛЬТУР



KULTUREN

2015

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für ihre Unterstützung:



Најо
ЈАНН

Хайо
ЯН

ELSE LASKER-SCHÜLER – DIE DICHTERIN DER DEUTSCHEN MODERNE

Dass Russen in Deutschland einen Almanach mit Übersetzungen der unnachahmlichen Gedichte Else Lasker-Schülers in ihre Muttersprache übersetzt haben und in einem Almanach herausgeben, dürfte der Dichterin gefallen, wo immer sie uns vielleicht zuschaut (sie ist am 21. Januar 1945 in Jerusalem gestorben). Ihre Sympathie hätte es auch gefunden, dass es ein »Elternverein« ist, der dieses Buch herausgibt. Denn Else Lasker-Schüler, geboren am 11. Februar 1869 in Elberfeld, war mit Leib und Seele »Elternteil«: Als alleinerziehende Mutter unter schwierigen finanziellen Umständen hat sie sich für ihren Sohn Paul aufgeopfert. »Der Fels ist morsch / dem ich entspringe / und meine Gotteslieder singe.« So beginnt das wahrscheinlich erste expressionistische deutsche Gedicht. Geschrieben von Else Lasker-Schüler. Titel: »Mein Volk«. Sie gilt als erste Dichterin der Moderne in Deutschland. Genial und einfach zugleich fasste sie nach dem Ersten Weltkrieg im Gedicht »Weltende« das Elend der Zeit in den zwei Eingangszeilen zusammen, gültig



ЭЛЬЗА ЛАСКЕР-ШЮЛЕР – ПОЭТЕССА НЕМЕЦКОГО МОДЕРНА

То, что русские в Германии выпустили альманах с переводами неподражаемых стихов Эльзы Ласкер-Шюлер, написанных на её родном языке, вне всяких сомнений понравилось бы поэтессе, где бы та ни находилась (умерла она в Иерусалиме 21 января 1945 года). Ей также было бы по нраву, что существует «Общественная организация родителей», которая этот альманах выпускает. Потому что Эльза Ласкер-Шюлер, родившаяся 11 февраля 1886 года в Эльберфельде, была истинное дитя своих родителей: оставшись матерью-одиночкой, в тяжёлом финансовом положении она пожертвовала всем ради своего сына Пауля.

«Несётся плач по всей Земле, как если бы пресветлый умер Бог...»

«Когда пишу стихи, вещаю правду – оставьте все сомненья и внимайте!»

Хотя это и проза Эльзы Ласкер-Шюлер, которая также писала и пьесы (среди них «Вуппер»), но каждое слово в её прозе вибрирует. Может быть, это похоже на блюз, вдохновляющий переводчиков Испании и Италии, Греции и Франции, России и Китая переводить стихи немецко-еврейской поэтессы на родные языки.

nicht nur nach den Verbrechen des Holocaust, sondern für alle Diktaturen: »Es ist ein Weinen in der Welt als ob der liebe Gott gestorben wär«. Wegen solcher Versformen lieben Komponisten in vielen Ländern die Weltbürgerin Else Lasker-Schüler. Sie erreicht dabei die Klasse von Heinrich Heine: Mehr als 300 Tonschöpfer haben ihre Lyrik vertont, darunter Musiker aus Weißrussland. Und der weltbekannte Paul Hindemith. Laien unter den Bewunderern von Else Lasker-Schüler schätzen ebenso wie Fachleute von Rang ihre Lyrik, weil sich ihre Gedichte nicht oberflächlich genießen lassen. In ihnen kann sich der Rezipient nicht nur sonnen. Diese Texte enthalten dunkle Momente, Schmerz und Trauer, die zu einer zwischenmenschlichen Beziehung gehören wie der unterschwellige Erzählton von Else Lasker-Schüler. Sie konfrontiert in ihren Gedichten die Außenwelt mit der Seelenwelt »Und da die Wahrheit ich berichte wenn ich dichte, lasst allen Zweifel außer Acht!« Das ist zwar Prosa von Else Lasker-Schüler, die neben Romanen auch drei Theaterstücke geschrieben hat, darunter »Die Wupper« – aber jeder Satz schwingt. Vielleicht ist es dieser Blues, der Übersetzer von Spanien über Italien, Griechenland, Frankreich und Russland bis China so fasziniert, um Texte der deutsch-jüdischen Dichterin in ihre Sprachen zu übertragen. Allzu gerne wird Else Lasker-Schüler weggeordnet in die apolitische egozentrische Phantasiewelt schrullig-romantischer Poeten, die sich dem Leben übergangslos in die Dichtung entziehen. Doch schrieb sie mit dem »Malik« (1919) den Antikriegs- und Kaiserroman schlechthin, und mit ihrem späten Drama »IchundIch« (1941) eine Antifaschismus-Tragikomödie, welche Faust vor die Gretchenfrage der Deutschen Kultur angesichts des Grauens stellt. »IchundIch« ist kühn, Chaplins und Lubitschs Faschismus-Satire ebenbürtig, Brechts und Becketts Theaterästhetik wegbegleitend und weg-bereitend. 1932 erhielt sie die höchste deutsche Literaturauszeichnung, den Kleistpreis. Mit bereits 63 Jahren ist Else Lasker-Schüler die älteste Preisträgerin. Immerhin: Sie hat sich gegen hochkarätige Kandidaten wie Hans Fallada, Rudolf Leonhard und Ernst Wiechert durchgesetzt. Gottfried Benn, ihr vielleicht geliebtester Geliebter, telegrafiert ihr am 11. November 1932: »Ein Glückwunsch der deutschen Dichtung.« Als größte Lyrikerin, die Deutschland je hatte, wurde sie von Benn lange nach ihrem Tod gefeiert. Sie selbst sagt über sich: »Bin entzückt von meiner bunten Persönlichkeit, von meiner Urschrecklichkeit, von meiner Gefährlichkeit, über meine goldene Stirn, meine goldenen Lider, die

Слишком часто обвиняли Эльзу Лаксер-Шюлер в причастности к аполитичному эгоцентрическому миру причудливых фантазий поэтов-романтиков, которые избегали в своём творчестве непосредственного отражения жизни. Тем не менее она написала однозначно антивоенный роман об императоре «Малик» (1919), а в её пьесе, написанной позднее, «ЯиЯ», по сути антифашистской трагикомедии, Фауст, отвечая на вопрос Гретхен, показывает бесчеловечное лицо немецкой культуры той эпохи. «ЯиЯ» – дерзкая пьеса, написанная в духе антифашистской сатиры Чаплина и Любича, сопровождаемая и подготовленная театральной эстетикой Брехта и Беккета.

В 1932 она получает наивысшую в Германии литературную награду – премию Клейста. В свои 63 года Эльза Ласкер-Шюлер является старейшим лауреатом этой премии. Тем не менее она была выдвинута на соискание наряду с такими признанными кандидатами, как Ханс Фаллада, Рудольф Леонард и Эрнст Вихерд, и одержала победу. Готфрид Бен, самый любимый из всех её возлюбленных, шлёт ей 11 ноября 1932 года телеграмму: «Сердечные поздравления немецкой поэзии».

Она говорит о себе: *«Я сама в восторге от многоцветья своей личности, жути и исходящей от меня опасности, от моего золотого чела и моих золотых песен, хранящих моё лазерное стихосложение. Мои уста алы, как дикая ягода, на моих щеках красуется танцующее голубое небо, а мой нос направлен на Восток – боевое знамя, и мой подбородок – копьё, отравленное копьё. Так пою я мою высочайшую песню... клянусь... пророком Дарвином, я – единственная моя бессмертная любовь».*

Фридрих Дюрренматт ценил её как драматурга, потому что ей удалось в пьесах о древних временах варваров сохранить красоту немецкого языка. И всё же по-настоящему на своей немецкой родине она получила истинное признание лишь в кругу небольшого литературного объединения. И тем симпатичнее, что именно русские эмигранты в её родном городе Вуппертале отдают должную дань поэтессе, публикуя переводы её стихов в этом двуязычном альманахе.

«Вечная жизнь тому, кто многое может сказать о любви. / Только в любви человек возродиться способен! / Чем ненависть убийственной, / тем выше пламя мести». С момента преступного теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года и всё возрастающей после этого ненависти к чу-

mein blaues Dichten überwachen. Mein Mund ist rot, wie die Dickichtbeere, in meiner Wange schmückt sich der Himmel zum blauen Tanz, aber meine Nase weht nach Osten, eine Kriegsfahne, und mein Kinn ist ein Speer, ein vergifteter Speer. So singe ich mein hohes Lied...ich schwöre es... bei dem Propheten Darwin, ich bin meine einzige unsterbliche Liebe.« Als Dramatikerin wurde sie von Friedrich Dürrenmatt geschätzt, weil sie die Schönheit der deutschen Sprache in barbarischer (NS-)Zeit bewahrt habe. Und dennoch ist sie in ihrer deutschen Heimat nur einer kleinen Gemeinde von Kennern wirklich bekannt. Um so sympathischer, dass russische Einwanderer in ihrer Geburtsstadt Wuppertal die Dichterin mit diesem zweisprachigen Almanach ehren. *Das ewige Leben dem, der viel von Liebe weiß zu sagen. / Ein Mensch der Liebe kann nur auferstehen! / Haß schachtelt ein!, / wie hoch die Fackel auch mag schlagen.* «Dieses »Herbst«-Gedicht ist nicht nur hochaktuell seit dem verbrecherischen Anschlag vom 11. September 2001 in New York und dem immer stärker werdenden Hass auf fremde Kulturen und Menschen. Sondern dieses Zitat zeigt auch die gesamte Lebenseinstellung der Dichterin. Schriftsteller wie sie waren nicht selten auch die einzigen, welche die Wahrheit kannten, zur Sprache brachten und ihr Worte verliehen. Wahrheit und Freiheit sind zumeist Synonyme.

»Du! wir wollen uns tief küssen... / Es pocht eine Sehnsucht an die Welt, / An der wir sterben müssen«, heißt es in dem Gedicht »Weltende«, das Herwarth Walden, wie zahlreiche andere Gedichte seiner Frau, vertont und später im ersten Jahrgang des »Sturm« publiziert hat. Darunter »Ein alter Tibetteppich«. Für Karl Kraus eine »neunzeilige Kostbarkeit«. Der österreichische Schriftsteller hätte »den ganzen Heine« für dieses Gedicht hergegeben. Welch ein Kompliment für die Dichterin.

жим культурам и эмигрантам, это стихотворение «Осень» наполнилось острой актуальностью. В особенности эта цитата отражает в целом жизненную позицию поэтессы. Писатели, подобные ей, были нередко единственные, кто понимал истинную правду, превращая её в слово и пытаясь донести до общества.

Правда и свобода являются в большинстве случаев синонимами.

«Послушай, давай горячо поцелуем друг друга!.. Тоска стучится в мир,/ Погибнем от неё» – пишет она в стихотворении «Конец мира», которое Херварт Вальден выделил в числе других стихов своей жены и опубликовал позже в первом издании альманаха «Штурм». Среди многих других стихов было опубликовано также стихотворение «Старый тибетский ковёр» – именно его Карл Крауз назвал «драгоценностью из девяти строк». Австрийский писатель отдал бы за него «всею Гейне». Достойный комплимент поэтессе!

Перевод: Татьяна Ивлева

Грета ИОНКИС

Grete
IONKIS

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Эльза Ласкер-Шюлер (1869–1945) – великая немецкая поэтесса. Блестящий австрийский сатирик, эссеист, журналист и памфлетист Карл Краус, чья фигура не имеет аналогов в немецкоязычной культуре первой трети XX века, назвал Эльзу Ласкер-Шюлер «сильнейшим и неординарным дарованием современной Германии», «единственным мужественным лириком современности», при этом он утверждал, что «в ней уживаются архангел и рыночная торговка». Явно хватая через край, он уверял, что готов за одно её бесценное девятистишие отдать всего Гейне.

Её жизнь и творчество предлагают множество загадок. Она родилась в Эльберфельде (это часть нынешнего Вупперталя). Её дед был главным раввином Вестфалии, отец – банкиром и архитектором, мать – родом из Испании. Ласкер – фамилия её первого мужа, доктора медицины, за которого Эльза вышла в 1894 году. Разойдясь с ним, Эльза сохранила его фамилию. В 1901 году она вышла замуж за талантливого музыканта из семьи состоятельных берлинских врачей Георгия Левина. Эльза



DIE ERSTE SCHWALBE DES EXPRESSIONISMUS

Else Lasker-Schüler (1869–1945) ist eine große deutsche Dichterin. Der brillante österreichische Satiriker, Essayist, Journalist und Pamphletist Karl Kraus, dessen Persönlichkeit sich einzigartig in der deutschsprachigen Kultur im ersten Drittel des XX. Jahrhunderts hervortut, nannte sie »die stärkste und unwegsamste lyrische Erscheinung des modernen Deutschlands«, »den einzigen mannhaften Lyriker der Moderne«. Dabei merkte er an, in ihr lebe ein Erzengel und ein Marktweib nebeneinander. Offenkundig zu hoch greifend, beteuerte er sogar, er hätte für ihren einzigen unschätzbaren Neunzeiler das Gesamtwerk Heines hergegeben.

Ihr Leben und Schaffen bergen eine Vielfalt von Rätseln. Sie wurde in Elberfeld (heute ein Stadtteil von Wuppertal) geboren. Ihr Großvater war der Oberrabbiner von Westfalen, der Vater ein Bankier und Architekt, die Mutter stammte aus Spanien. Lasker ist der Nachname ihres ersten Ehemannes, eines Doktor der Medizin, den sie 1894 heiratete. Nach der Scheidung behielt Else seinen Namen. 1901 heiratete sie Georg Lewin, einen talentierten Musiker und Schriftsteller aus einer wohlhabenden Berliner Ärztfamilie. Else hat für ihren 9 Jahre jüngeren Ehemann das Pseudonym »Herwarth Walden« erdacht. Später wurde er unter diesem Namen bekannt. Als ein Mann mit radikalen

придумала мужу, который был на 9 лет младше неё, псевдоним – Герварт Вальден. Под этим именем он приобрёл известность. Будучи человеком радикальных взглядов, он в дальнейшем стал издателем экспрессионистского журнала «Штурм». Но и союз с Вальденом оказался недолгим. Рождение сына в 1899 году не утихомирило Эльзу. Она вела божественный образ жизни, переезжая из Берлина в Вену, оттуда – в Мюнхен, затем вновь в Берлин. Своего дома у неё не было, но была попытка найти успокоение на дне Шпрее. Её спасли.

Эльза влюблялась всегда романтично, пламенно, явно преувеличивая масштаб и значение объектов своей любви. Она водила дружбу с самыми разными представителями современных литературных кругов: это были пятидесятилетний поэт и журналист Петер Хилле и юный Георг Тракль, начинающий поэт Готфрид Бенн и Франц Верфель, Карл Краус и Рене Шикеле. Она придумывала им загадочные имена, под которыми они появлялись в её стихах.

Готфрид Бенн, которого она называла не иначе как Гизельхер (имя младшего из трёх бургундских королей в «Песне о Нибелунгах»), в своих воспоминаниях так описал свою экстравагантную возлюбленную: «Она была маленького роста, тогда ещё по-мальчишески тоненькая. Чёрные как смоль волосы коротко острижены, что в то время было редкостью, глаза иссиня-чёрные с уклончивым взглядом. Ни тогда, ни позже с ней невозможно было пройти по улице, чтобы весь свет не остановился и не посмотрел ей вслед: экстравагантные широкие юбки или брюки, умопомрачительные верхние облачения, шея и запястья увешаны броскими украшениями». В случае Эльзы часть творческой энергии и внутреннего опыта воплотилась в творчестве, а часть ушла в жизнь, в ней растеклась, там и осталась. Чтобы восстановить целое, нужно знать жизнь поэта.

Эльза Ласкер-Шюлер дебютировала поэтическими сборниками «Стикс» (1901) и «Седьмой день» (1905). Её ранние стихи ещё связаны с поэзией импрессионизма, отсюда мистические образы и упоённая красочность стиха. Она много писала об античной Греции. Мифы фиванского цикла её завораживали своим трагизмом. В своей автобиографической книге она напишет: «Я родом из Фив». Петер Хилле называл её Сапфо. Не менее значительным был её интерес к Древнему Востоку. Влечение к персидскому, японскому, китайскому родилось ещё в

Ansichten wurde er bald zum Herausgeber der expressionistischen Zeitschrift »Der Sturm«. Aber auch dieses Bündnis war nicht von Dauer. Die Geburt des Sohnes im Jahr 1899 konnte Elses stürmisches Gemüt nicht bändigen. Sie führte das Leben der Boheme, wechselte von Berlin nach Wien, dann nach München und schließlich wieder nach Berlin. Sie hatte kein Zuhause und versuchte sogar, Ruhe am Grund der Spree zu finden, wurde aber gerettet.

Else verliebte sich oft romantisch und leidenschaftlich und übertrieb dabei die Ausmaße der Persönlichkeit ihrer Geliebten. Sie war befreundet mit unterschiedlichsten Vertretern der zeitgenössischen Literaturkreise: mit dem 50-jährigen Dichter und Journalisten Peter Hille und dem jungem Georg Trakl, dem angehenden Dichter Gottfried Benn und Franz Werfel, mit Karl Kraus und Rene Schickele. Sie erfand für ihre Freunde mysteriöse Namen, unter denen sie in ihren Gedichten erschienen.

Gottfried Benn, den sie immer Giselher nannte (Name des jüngsten der drei burgundischen Könige aus dem »Nibelungenlied«), hat seine extravagante Geliebte in seinen Memoiren so beschrieben: »Sie war klein, damals noch knabenhaft schmalhüftig. Pechschwarze Haare, kurz geschnitten, was zu der Zeit noch selten zu sehen war, blauschwarze Augen mit ausweichendem Blick. Weder damals noch später konnte man mit ihr ausgehen, ohne das alle Welt sie mit Blicken verfolgte: extravagante, weite Röcke oder Hosen, umwerfende Oberteile, Hals und Handgelenke mit auffallendem Schmuck behängt.« In ihrem Inneren brodelte so viel Lebensenergie, dass nur ein Teil davon sich in Schöpferkraft verwandelte; der andere schwappte über und ergoss sich in ihr tägliches Leben. Um ihr Wesen zu begreifen, muss man nicht nur ihre Werke kennen, sondern auch ihre Lebensgeschichte.

Else Lasker-Schüler debütierte mit den Gedichtbänden »Styx« (1901) und »Der siebente Tag« (1905). Ihre frühen Werke sind noch durchdrungen von der Poesie des Impressionismus, daher die mystischen Gestalten und die berauschte Bildlichkeit der Gedichte. Sie schrieb viel über Altgriechenland. Die Mythen des thebanischen Zyklus faszinierten sie mit ihrer Tragik. In ihrem autobiografischen Buch wird sie schreiben: »Ich komme aus Theben«. Peter Hille nannte sie »Sappho«. Nicht weniger interessierte sie sich für den antiken Orient. Der Hang zum Persischen, Chinesischen, Japanischen zeichnete sich schon im XIX. Jahrhundert bei Goethe ab, dann bei den deutschen Romantikern und war besonders ausgeprägt bei den französischen Symbolisten. Else

XIX веке у Гёте, романтиков и особенно – у французских символистов. Но она и здесь была независима, никого не повторила. Внимание ценителей привлекло её стихотворение «Старинный тибетский ковёр». А в 1913 году вышел её сборник «Еврейские баллады», посвящённый Карлу Краусу, в журнале которого «Факел» она часто печаталась (журнал выходил с 1899 по 1936 год). Библейская тематика немцами, выросшими на Библии, не воспринималась как экзотика. «Авраам и Исаак», «Иаков и Исаав», «Фараон и Иосиф», «Моисей и Иисус Навин», «Давид и Ионафан» – всё это были знакомые с детства истории и герои. Поэтесса не излагает их, а выхватывает из мрака времён отдельные, но всегда значимые фрагменты, наполняет их лирическим светом, заставляет их звучать волшебной музыкой, придаёт им удивительную современность. Библейские истории становятся близкими. Дело даже не в том, что поэтесса на «ты» с самим Богом (это не удивляет, потому что евреи знают лишь одно обращение – ты). Но она жаждет вступить с Ним в любовный союз.

Традиция представляет Бога Саваофа седобородым старцем – грозным или просветлённым, Пантократором-Вседержителем. Таков он на фреске Микеланджело «Сотворение Адама» на плафоне Сикстинской капеллы, таков на фреске Феофана Грека в новгородской церкви Спаса Преображения. В стихотворении «Саваоф», которое вошло в «Еврейские баллады», он предстаёт юным, внушающим любовную страсть:

*Боже, люблю тебя, когда в плаще из роз,
Саваоф, ты мне являешься из вертограда,
Бог – юноша, Бог – отрок,
О песнопевец,
Я в одиночестве твои впитываю ароматы.*

*Цвет первый мой, плоть пылкая тобою бредит,
Так снизойди,
Сладящий Бог,
Бог – резвых игр товарищ,
Глянь: плавит золото врат твоих
Жар моего томленья.*

(Пер. А. Парина)

Lasker-Schüler blieb auch hier einzigartig, ahmte niemanden nach. Ihr Gedicht »Ein alter Tibetteppich« zog die Aufmerksamkeit der Poesiekenner auf sich. Im Jahr 1913 erschien ihr Gedichtband »Hebräische Balladen«, gewidmet Karl Kraus. Seine Zeitschrift »Die Fackel« (1899–1936) veröffentlichte oft ihre Werke.

Die biblische Thematik war für alle mit der Bibel aufgewachsenen Deutschen nichts Exotisches (nicht exotisch). »Abraham und Isaak«, »Jakob und Esau«, »Der Pharao und Josef«, »Moses und Jesus Navin«, »David und Jonathan« – dies waren (für alle) von Kindheit auf bekannte Figuren und Geschichten. Die Dichterin erzählt sie nicht nach, sondern greift aus der Finsternis der Jahrtausende Fragmente von besonderer Bedeutsamkeit auf und erfüllt sie mit romantischem Licht, entzaubert ihre herrliche Musik, um sie in erstaunliche Gegenwartigkeit zu bringen. Die Leser erleben die biblischen Geschichten hautnah. Die Dichterin duzt nicht nur Gott (was nicht verwundert, da die Juden nur die Anrede »Du« kennen) – sie sehnt sich nach einem Liebesbund mit Ihm!

In der Tradition wird Gottvater (oder: der Herrgott) als graubärtiger Greis dargestellt, streng oder verklärt – als Pantokrator, der Allmächtige. So erscheint Er auf Michelangelos Deckenfresko »Die Schöpfung Adams« in der Sixtinischen Kapelle oder auf der Freske von Theophanes in der Kirche der Verklärung Christi in Nowgorod. In dem Gedicht »Zebaoth« aus dem Zyklus »Hebräische Balladen« wird der Herrgott als ein begehrenswerter junger Mann dargestellt:

*Gott, ich liebe dich in deinem Rosenkleide,
enn du aus deinen Gärten trittst, Zebaoth.
O, du Gottjüngling,
Du Dichter,
Ich trinke einsam von deinen Düften.*

*Meine erste Blüte Blut sehnte sich nach dir,
So komme doch,
Du süßer Gott,
Du Gespiele Gott,
Deines Tores Gold schmilzt an meiner Sehnsucht.*

Любопытно, что Петер Хилле, ушедший в мир иной раньше, чем появились «Баллады», дал ей имя еврейской пророчицы Деборы и назвал её «чёрным лебедем Израиля».

К её дружескому кругу кроме вышеназванных поэтов и литераторов принадлежал и художник-экспрессионист Франц Макс, погибший под Верденом в 1916 году, которого она называла то полубратом, то своим голубым рыцарем. Ему посвящено одно из лучших её стихотворений «Молитва»:

*Повсюду я разыскиваю град,
Где ангел на часах стоит у врат,
Громаду крыл его бескровных
Я на плечах несу, как клад.
Его звезда – меж дуг моих надбровных.*

*Привычна мне ночная мгла.
Любовь как дар я миру принесла,
Чтобы вдохнуть биенье жизни в плоть.
Бессонницей себя я извела,
Но каждый вздох мой охранял Господь.*

*Господь, **покрой** твой – мой надёжный дом.
Я – донный слой в бокале шаровом.
Когда ты всех навеки успокоишь,
Меня не бросишь в хаосе пустом
И новый шар вокруг меня построишь.*

(Пер. А Парина)

Эльза Ласкер-Шюлер – автор двух пьес. Одна из них – «Вуппер» (1909) – имитация натуралистического спектакля об отчуждённости бюргерства от элементарных побуждений народа, а на самом деле драма о религиозном пробуждении была поставлена Максом Рейнхардом, но успеха не имела. Другая – «Артур Аронимус и его отцы» (1932) – биографические сцены в 15-ти картинах из жизни её деда и отца, рисующие весьма напряжённую совместную жизнь хрис-

Merkwürdig, dass Peter Hille, der noch vor dem Erscheinen der »Balladen« ins Jenseits abberufen worden war, Else den Namen der biblischen Prophetin Debora gab und sie »den schwarzen Schwan Israels« nannte.

Zu ihrem Freundeskreis gehörte neben den bereits genannten Dichtern und Literaten auch der Kunstmaler und Expressionist Franz Mark, der 1916 bei Verdun fiel, und den sie ihren »Halbbruder« oder ihren »Blauen Ritter« nannte. Ihm hat sie eins der besten ihrer Gedichte gewidmet, »Gebet«:

*Ich suche allerlanden eine Stadt,
Die einen Engel vor der Pforte hat.
Ich trage seinen großen Flügel
Gebrochen schwer am Schulterblatt
Und in der Stirne seinen Stern als Siegel.*

*Und wandele immer in die Nacht ...
Ich habe Liebe in die Welt gebracht –
Daß blau zu blühen jedes Herz vermag,
Und hab ein Leben müde mich gewacht,
In Gott gehüllt den dunklen Atemschlag.*

*O Gott, schließ um mich deinen Mantel fest;
Ich weiß, ich bin im Kugelglas der Rest,
Und wenn der letzte Mensch die Welt vergießt,
Du mich nicht wieder aus der Allmacht lässt
Und sich ein neuer Erdball um mich schließt.*

Else Lasker-Schüler schrieb auch zwei Theaterstücke. »Die Wupper« (1909), auf den ersten Blick eine naturalistische Darstellung über die Entfremdung des Bürgertums von den grundlegenden Bedürfnissen des Volkes, in Wirklichkeit aber ein Drama des geistigen, religiösen Erwachens. Es wurde von Max Rheinhardt in seinem Theater aufgeführt, hatte aber keinen Erfolg. Das zweite – »Arthur Aronymus und seine Väter« (1932) – ein biographisches Theaterstück in 15 Bildern über das Leben ihrer Großvaters und Vaters – schildert die Spannungen zwischen nebeneinander lebenden Christen

тианских и еврейского народов, написанные в духе подлинной народности, исполненные юмора и любви, – была с успехом поставлена в Цюрихе в 1936 году.

Ласкер-Шюлер – автор нескольких сборников новелл и эссе и единственного романа «Моё сердце» (1912), написанного в виде писем и отрывков из дневника. Она сама называет его любовным романом, в котором фигурируют, как указано в подзаголовке, «действительно живые люди» под настоящими именами (её муж Герварт, Оскар Кокошка, Адольф Лоос, Леонгард Франк, д-р Альфред Дёблин), а также вымышленные герои из её рассказов, среди которых – шейх, он же принц фиванский. В романе новости из божемного житья-бытья берлинских литераторов венских художников соседствуют с бытовыми зарисовками, повседневность соединена с эксцентричностью, всё приправлено остротами и афоризмами, игра метафорами сплетена с самоиронией, к тому же роман украшен рисунками автора, которые мы приведём. Проза Ласкер-Шюллер в высшей степени лирична, она выдаёт в авторе большого поэта. В 1932 году она была удостоена высшей литературной награды Германии – премии имени Генриха фон Клейста – «за вечные ценности её поэзии, которые не уступают бессмертным творениям наших величайших немецких мастеров». Правда, нацистская газета «*Фолькишер беобахтер*» откликнулась на событие однозначно: «Мы считаем, что чисто еврейская поэзия Эльзы Ласкер-Шюлер к нам, немцам, никакого отношения не имеет».

В 1933 году ей удалось эмигрировать вначале в Швейцарию, затем в Палестину, оттуда – в Египет, вновь – в Цюрих, и, наконец, в 1937 году она оказалась вновь на земле праотцов. Судьба начала наносить ей удары значительно раньше: умерли родители, рано ушёл из жизни младший брат. Смерть сына в 1927 году от туберкулёза (несмотря на безденежье, она делала всё, чтобы спасти его) стала для неё страшным потрясением. Оправиться от этого удара она не смогла, пошла череда болезней. Заводила и затейница стала затворницей. Более всего она страдала от одиночества. Умерла она в Иерусалиме в полной нищете и забвении.

Последний её поэтический сборник «Мой голубой рояль» (1943) вышел за два года до смерти. Война была в разгаре. Сборник открывается стихотворением «Моим друзьям». Чувствуя приближение конца,

und Juden. Das Stück ist mit viel Liebe und Humor geschrieben, im Geist echter Volksverbundenheit, und wurde im Jahr 1936 in Zürich erfolgreich aufgeführt.

Else Lasker-Schüler ist auch Autorin zweier Sammelbände mit Kurzgeschichten und Essays und des Romans »Mein Herz« (1912), in Form von Briefen und Tagebuchausschnitten gestaltet. Sie selbst bezeichnet ihn als einen Liebesroman, in dem, wie auch im Untertitel vermerkt, einige Figuren »wirklich lebende Menschen« sind, die unter ihrem echten Namen auftreten (ihr Ehemann Herwarth, Oskar Kokoschka, Adolf Loos, Leonhard Frank, Dr. Alfred Döblin), die anderen hingegen – frei erfundene Figuren aus ihren Erzählungen, darunter auch ein Scheich, den sie »Prinz von Theben« nennt. Bilder aus der Boheme der Berliner Literaten und Wiener Künstler finden sich in diesem Roman Seite an Seite mit den Bildern aus dem Dasein gewöhnlicher Bürger. Exzentrizität und Alltagsleben. Metaphernspielerei verflochten mit Selbstironie. Das Ganze gespickt mit Zitaten und Witzen und obendrein mit Elses eigenen Zeichnungen, hier auch zu sehen. Die Prosa von Lasker-Schüler ist im höchsten Grade poetisch und lässt in ihrer Schöpferin eine große Dichterin erkennen.

Im Jahr 1932 wurde Else Lasker-Schüler mit dem Heinrich-von-Kleist-Preis – dem höchsten literarischen Preis Deutschlands – ausgezeichnet. Sie bekam ihn für »die ewigen Werte ihrer Poesie, die den unsterblichen Schöpfungen unserer größten Meister in nichts nachstehen«. Die nazistische Zeitung »Völkischer Beobachter« allerdings reagierte auf dieses Ereignis ultimativ: »Wir meinen, dass die rein jüdische Poesie von Else Lasker-Schüler keinerlei Bezug zu uns Deutschen hat«.

1933 gelang es Else, zuerst in die Schweiz auszuwandern und von dort nach Palästina. Dann kam sie nach Ägypten, kehrte zurück nach Zürich. 1937 fand sie sich letztendlich im Land der Urväter wieder. Das Schicksal war nicht gnädig mit ihr: zuerst starben ihre Eltern, denen – viel zu früh! – folgte ihr kleiner Bruder. Am schlimmsten aber traf sie der Tod ihres Sohns. 1927 starb er an Tuberkulose. Trotz Geldmangels hat sie alles nur Mögliche getan, um ihn zu retten. Vergebens ... Von diesem Schlag konnte sie sich nicht erholen. Ihre Widerstandskraft war gebrochen, eine Krankheit folgte der anderen. Eine sprudelnde Quelle war versiegt und wurde zum stillen Wasser, eine unermüdliche Übersiedlerin – zur Einsiedlerin. Gerade die Ein-

она противится мёртвому покою, не приемлет сон смертельный. Друзья – пусть они далеко! Пусть за облаками скрылись звёзды! – они ей не просто заменяют жизнь, они и есть её жизнь: «Уже в беседе с вами / Небесные играют музыканты.../ И снова жизнь дудит / Неясный напев в сердце моём».

*Не мёртвый покой –
Я так люблю на себе ощущать дыханье!..
С вами земля мне небесами мнится.
Многоцветьем рисует на синем фоне
Вечная жизнь.*

Из близких друзей уцелел лишь Готфрид Бенн (Ахерон), которому она когда-то посвятила стихотворный цикл. Но пути их давно разошлись.

В начале 1930-х годов в его жизни произошёл сбой. Отступив от позиции «рыцаря безнадёжного стоицизма», Бенн, не выносивший застойного европейского филистерства, всерьёз воспринял лозунги нацистской пропаганды о новом человеке, о новой культуре. На мгновение ему почудилось, что нацисты и почитаемый им Ницше говорят на одном языке. Он не покинул Германию и даже вступил в полемику с Клаусом Манном, который обратился к нему с письмом. Бенн ответил резко, что остаётся со своим народом, а беглецам-эмигрантам – счастливо оставаться в изгнании. Автобиографическая проза «Жизненный путь интеллектуала» (1934) объясняет многое в метаморфозе Бенна. Прельщённый властью, от которой он ожидал осуществления чего-то важного, он надеялся в условиях «нового порядка» сохранить свою интеллектуальную независимость. Но вписаться в «коллектив тевтонов, действующий на основе устава преступной корпорации», он не смог и не захотел.

Уже к 1936 году поэт понял всю глубину своей ошибки и правоту молодого Манна, который предостерегал: талант его не будет востребован новыми хозяевами и он доживёт до оскорблений и издевательств. И впрямь в 1938 году Бена выгнали из Прусской академии художеств (принят был в 1932 году, когда её возглавлял художник Либерман), те-

samkeit machte ihr am meisten zu schaffen. 1945 starb sie in Jerusalem in bitterer Armut und Vergessenheit.

Ihr letzter Gedichtband »Mein blaues Klavier« erschien 1943, zwei Jahre vor ihrem Tod. Die Welt war mitten im Zweiten Weltkrieg. Der Band beginnt mit dem Gedicht »An meine Freunde«. Ihr Ende ahnend, widersetzt sie sich der »toten Ruhe«, lehnt den »Todesschlaf« ab. Die Freunde – und seien sie auch weit in der Ferne! und seien die Sterne von Wolken verdeckt! – sind für sie nicht nur der Kern ihres Lebens, sie sind ihr Sinn und Zweck.

*Schon im Gespräch mit euch – himmlisch Konzert –
Ruhe ich aus ...
Und neu' Leben anstimmt
In meinem Herzen.
Nicht die tote Ruhe,
So will ich Liebe im Odem sein;
Auf Erden mit euch im Himmel schon
Allfarbig malen auf blauem Grund –
Das ewige Leben.*

Aus ihrem engsten Freundeskreis ist nur noch Gottfried Benn (Acheron) geblieben, dem sie einmal einen Gedichtzyklus gewidmet hatte, aber ihre Wege haben sich längst getrennt. Anfang der 1930-er Jahre erlitt sein Schicksal einen Knick. Benn, der seit je die flaue europäische Spießigkeit verabscheut hatte, nahm die nazistischen Parolen vom neuen Menschen, von der neuen Kultur ernst. Für einen Augenblick schien es ihm so, als sprächen die Nazis und der von ihm verehrte Nietzsche dieselbe Sprache. Er hat Deutschland nicht verlassen und führte sogar einen Federkrieg mit Klaus Mann, der sich mit einem Brief an ihn gewandt hatte. Benn antwortete barsch, er würde bei seinem Volk bleiben und den Geflüchteten alles Gute im Exil wünschen. Die autobiographische Prosa »Lebensweg eines Intellektualisten« erklärt Vieles in Bezug auf seine Metamorphose. Geblendet von den neuen Mächten, von denen er die Verwirklichung der für ihn wichtigen An- und Grundsätze erwartet hatte, hoffte er, unter der »Neuen Ordnung« seine intellektuelle Unabhängigkeit bewahren zu können. Aber sich verbünden mit der »Gemeinschaft von Teutonen, die nach dem Reglement einer Verbrecherorganisati-

перь она именовалась Имперской палатой словесности. Ему запретили публиковаться. Он вернулся к профессии военного врача, но и здесь его не оставляли в покое. В прессе появились статьи, где Бенна аттестовали как «культурбольшевика» и припомнили его любовный союз с еврейкой Ласкер-Шюллер.

Он не отрекался и не каялся, а в стихах, что писал теперь в стол, вспоминал о своей возлюбленной, сумевшей избежать газовой камеры и идущей путями изгнания:

*Ты снилась мне. Ты шла в толпе теней,
Ведомая невидимую нитью
В круговороте бликов и огней,
И шествия не мог остановить я.*

*Усопших привлекала пустота,
Прельщая наркотическими снами;
Шли мальчики с закрытыми глазами
И пятнами распада возле рта.*

*Ты двух детей вела – кто их отец?
У нас с тобой такого не бывало.
Ты шла и шла, покуда не пропала,
Как все, кто рядом, как любой мертвец.*

*Но ты – царица греческого хора –
Со смертью, а не с жизнью наравне,
Шла в караване скорби и позора
И – сон таков! – страдала в этом сне.*

1937

(Пер. В. Топорова)

Эльзе не доведётся услышать этот прощальный привет её Гизельхера.

Стихотворение «Голубой рояль», которое дало название её последнему сборнику, это её реквием, её прощание и надгробное слово самой себе:

on agiert« konnte und wollte er nicht. Aber Glied einer »Gemeinschaft von Teutonen, die nach dem Reglement einer Verbrechergesellschaft agiert...« konnte und wollte er nicht sein.

Schon 1936 erkannte der Dichter die Schwere seines Fehlers und gab dem jungen Thomas Mann Recht, der ihn gewarnt hatte, sein Talent würde von den neuen Machthabern nicht gefordert, vielmehr würde er Beleidigungen und Schikanen ertragen müssen. Und diese Prophezeiung hat sich bestätigt: 1938 wurde Benn aus der Preußischen Kunstakademie verjagt (»ausgeschlossen«), in die er 1932 aufgenommen worden war, als dort noch der Kunstmaler Liebermann an der Spitze stand. Die Akademie hieß nun Reichsliteraturkammer. Er bekam Veröffentlichungsverbot, kehrte als Militärarzt in seinen Beruf zurück, wurde aber weiterhin nicht in Ruhe gelassen. In der Presse erschienen Artikel, in denen er als »Kulturbolschewist« gebrandmarkt und der Liebesbeziehung mit einer Jüdin (Lasker-Schüler) bezichtigt wurde.

Er leugnete nichts und bereute nichts... In seinen Gedichten, die er nun »für die Schublade« schrieb, erinnerte er sich an seine Geliebte, die den Gaskammern entronnen war und jetzt auf der Flucht war:

*Ein Traum – von Dir! Du Tote schrittst kühl
im Durcheinander streifender Gestalten,
die ich nie sah – ein wogendes Gewühl,
mein Blick, der suchte, konnte dich nicht halten.*

*Und Alles starrte wie aus fremder Macht,
denn Alles trank sich Rausch aus weißen Drogen,
selbst Kindern war ein Lid herabgezogen
und in die Falte Salbe eingebracht.*

*Zwei Knaben führtest du – von mir doch nicht,
von dir und mir, – nein, ich erhielt doch keine,
auch liebest du mich dann nicht so alleine
und zeigtest mir nur flüchtig dein Gesicht.*

*Nein, du – Diana einst und alabastern,
ganz unvermischbar jedem Fall und Raum, –*

.....
Разбиты клавиши, сорван строй.
Голубое оплачу тело.

О, ангел меня уведёт за собой
(Я ль горького хлеба не ела?),
В небесные двери я вниду живой –
И тут я запреты презрела.

(Пер. А. Парина)

Именно Готфрид Бенн уже в 60-е годы, когда произошёл второй взлёт его поэтической славы, скажет: «Эльза Ласкер-Шюлер была величайшим немецким лириком».

*schwandest in diesem Zug aus Schmach und Lastern
und littest – sah ich so – in diesem Traum.*

1937

Else wurde nicht beschert, den letzten Gruß von ihrem Giselher zu bekommen... Das Gedicht »Mein blaues Klavier«, nach dem ihr letzter Lyrikband benannt ist, ist ihr Requiem, ihre eigene Grabrede:

*Zerbrochen ist die Klaviatur...
Ich beweine die blaue Tote.*

*Ach liebe Engel öffnet mir
– Ich aß vom bitteren Brote –
Mir lebend schon die Himmelstür –
Auch wider dem Verbote.*

Es war Gottfried Benn, der – als er in seinen 60-er Lebensjahren zum zweiten Mal auf dem Gipfel seines literarischen Ruhmes stand – sagte: »Else Lasker-Schüler war die größte deutsche Lyrikerin«.

Übersetzung: Eugenia Komarova

Christiane

GIBIЕС

Кристиана

ГИБИЕЦ

AUS DEM ROMAN »ELSE BLAU«

Der Roman »Else blau« zeichnet das Leben der Dichterin Else Lasker-Schüler (1869–1945) nach, so wie es gewesen sein könnte. Der Text schöpft aus den Sprachwelten der Dichterin, die durch ihr Werk und ihre Briefe zugänglich sind.

C.G.

I 1874

L

ott es doot, Lott es doot, Liesken leegt om Sterwen, dat et god, dat et god, gäwt et wat tu erwen!

Immer im Takt auf und nieder sausten die roten Hosenbeine und die silbernen Tressen ihrer kleinen Stiefel, stocksteif streckte sie die Arme an den Seiten herunter und presste sie gegen den mit bunten Steinen besetzten grünen Gürtel, den Mama sorgfältig durch die Schlaufen ihrer Knabenjacke gezogen hatte. Auf dem kurz geschnittenen schwarzen Haar trug sie eine Kappe mit einem Büschel aus rot-weißem, in fedrige Streifen geschnittenem Glanzpapier, das bei jedem Schritt fröhlich wippte. Im Stechschritt stampften ihre Beine auf das Pflaster der Sadowastraße, grimmig entrückt richtete sie

30



ИЗ РОМАНА КРИСТИАНЫ ГИБИЕЦ «ЭЛЬЗА ГОЛУБАЯ»

Кристиана Гибиец, известный немецкий писатель и журналист, живет в городе Вуппертале. Пишет книги, занимается театральными и литературными проектами, сняла ряд документальных фильмов, ведет курсы по креативному написанию в школах и университетах. Среди ее книг – «Tatort Krankenhaus – Der Fall Michaela Roeder», «Türkischrot», «Katzensprung», детская книга «Marlene und das Krokodil» и многие другие. Четыре года работала Кристина Гибиец над биографическим романом о великой поэтессе родом из Вуппертале Эльзе Ласкер-Шюлер «Эльза голубая». Шаг за шагом, от детства Эльзы в Вуппертале до ее последних дней в Иерусалиме, повествует Кристиана Гибиец об этой уникальной личности. Автор смотрит на мир глазами своей героини, погружает нас в её жизнь, раскрывая всю палитру своенравного характера Эльзы в контрасте со временем, которое Ласкер-Шюлер, не только замечательный поэт, но и удивительная женщина, значительно опередила: такой была только она одна...

В романе все время идет параллель между реальностью и миром фантазий. Он представляет собой текстовую смесь отрывков из деревенского разговорного, живых документов времени и литературных разделов с большим количеством прозаических и стихотворных цитат.

ihre schwarzbraunen, mandelförmigen Augen auf einen fernen Punkt, hinweg über die blanken Stiefel, den wogenden Rücken, den wackelnden Kopf, die kreisenden Arme ihres lauthals Ho-o-Ide Ai-ii-da, schmetternden Vaters, der zusammenschrumpfend die steile Straße hinunterwedelte und die Nachbarn mit seinem Gebrüll an die Fenster lockte.

Guck ens, dä Aron mit dat Elskén, nee, guck ens, reine doll isser widder, un dat schwatte Düwelchen, nä, exerzieren dut et, als wollt et bei de Grenadiere.

Immer Krach und Getöse, immer musste man sich für ihn schämen. Wie ein Sturmwind sauste er in der Stadt herum, um seinen Geschäften nachzugehen: Da waren die Bank, der Handel mit Westenstoffen, die Wohnungsvermietungen. Ständig war er in Bewegung und überall dabei, ersann Späße, sang und deklamierte, erzählte Geschichten, trieb Schabernack mit den Kindern. An guten Börsentagen wuselte er durch die Aue und rief die Kurse aus, dabei stopfte er den johlenden Gassenjungen Bonbons in die zerfetzten Hemdentaschen oder gleich in die schmutzigen Mäuler.

Else hätte schon wieder lachen können, aber sie wollte den Papa noch eine Weile schmoren lassen und startete böse an dem stockschwenkenden Zwerglein vorbei, das sich immer wieder umdrehte und mit der knatternden Tüte und den zusammengerollten Bauplänen, die es in der Hand trug, in ihre Richtung winkte.

Heut is Zahhtag, dat Elskén geht mit Papa op de Marienstrot!

Beim Frühstück hatte er es verkündet und keinen Widerspruch geduldet, persönlich hatte er darüber gewacht, dass sie Hosen anzog und die Knabennütze aufsetzte, worin er sie am liebsten sah. Die große Schwester Martha

Christiane Gibiec und der israelische Autor Nathan Wassermann am Grab von ELS auf dem Ölberg in Jerusalem.

Кристиана Гибиец и израильский автор Натан Вассерманн у могилы Эльзы Ласкер-Шюлер.



Перед нами лишь несколько отрывков из романа – несколько отрезков из времени и жизни Эльзы Ласкер Шюлер, но они позволяют почувствовать, какая она была, дают ощущение духа того времени.

В тексте встречаются имена родных и близких Эльзы: **Арон** – отец, **Жаннетта Шюлер** – мама, **Пауль** – младший брат, который вскоре умрет от туберкулеза, **Мориц и Альфред** – два других ее брата, а также **Анна и Марта** – две ее сестры.

Н.Ф.

Роман «Эльза голубая» рассказывает о жизни поэтессы Эльзы Ласкер-Шюлер (1869–1945) так, как это могло быть. Тексты наполнены языковой лексикой времени поэтессы, доступ к которой стал возможным благодаря ее произведениям и письмам.

К.Г.

I 1874

...Лотта умерла, Лотта умерла, бегония при смерти, это хорошо, это хорошо, будет что получить в наследство...¹

Всегда в такт, вверх и вниз, свистели красные штанишки и серебряные застёжки ее маленьких сапог, она вытянула руки, прямые как палки, и уперлась ими в отделанный цветными камнями ремень, который мама заботливо продела сквозь лямки ее мальчишеской куртки. На коротко подстриженных волосах она носила берет с хохолком из красно-белой вперьевую полоску нарезанной глянцевой бумаги, который при каждом шаге радостно покачивался. Мелким шагом семенила Эльза по выстланной мостовой на Садоваштрассе, зло и отрешенно направила она свои коричневые миндалевидной формы глаза вдаль – прочь от до блеска начищенных сапог, волнующейся спины, качающейся головы, вращающихся рук... (во все горло: Милая Аида²), грохочущего отца, **виляющего** вниз по съезжившейся крутой улице, и соседа у окна, привлекающего внимание своим ревом...

¹ Отрывок из песенки (здесь и далее примечания переводчика).

² Ария из оперы «Милая Аида».



Christiane Gibiec vor dem letzten Wohnhaus Else Lasker-Schülers in Jerusalem in der Ha'Ama'lot-Street.

Кристиана Губиец перед последним домом Эльзы Ласкер-Шюлер в Иерусалиме на Х'Ама' лот-стрит.

hatte ihre Mandelaugen verdreht, Else auf die Wange geküsst und geflüstert, dass sie sich um den Krawall des dumrigen Kerls einfach nicht kümmern solle. Die Lieblingsschwester Anna mit den runden Papas Augen hatte ihr Bonbons in die Tasche gesteckt und eine Tüte voller Rosinenwecken mitgegeben, die Else an die Kinder der Mieter verteilen sollte.

II 1880

Der Abendhimmel leuchtete zum Fenster herein und ließ die schneeweiße Tischdecke und das milchige Porzellan rosig aufschimmern. Im oberen Stockwerk rumorte und polterte es, Jeannette war schon vor einer Weile händeringend die Treppe heruntergekommen, weil es weder ihr noch Aron gelungen war, den Knopf seines frisch gestärkten Hemdkragens in das dafür vorgesehene Loch zu schieben. Jetzt mühte sich das Hausmädchen Elise unter lautem Jammern, während der Bankier ununterbrochen rief, fluchte und hin- und hertrapste.

Смотри, это Арон с Эльзочкой, нет, ты только посмотри, он снова, такой сумасшедший и черный дьяволенок, нет, он снова марширует, как будто бы хочет стать гренадером.

Все время грохот и шум, все время было за него стыдно. Как штормовой ветер, он носился и свистел по городу, занимаясь своими делами: банк, торговля западными тканями, аренда квартир... Все время в движении и повсюду при деле, придумывал шутки, пел и декламировал, рассказывал истории и проказничал с детьми. В хорошие биржевые дни он бегал по Ауэ и объявлял курсы, при этом набивал леденцами порванные карманы рубашек кричащим в переулках мальчишкам или сразу запихивал конфеты в их грязные рты.

Эльза была готова снова рассмеяться, но она решила еще какое-то время не трогать его и сердито уставилась мимо качающегося на палке гнома, который, все время крутясь, с шуршащим пакетом и скрученными в трубочку строительными планами, помахал в ее направлении.

Сегодня платежный день, Эльзочка идет вместе с папой на Мариенштрассе.

Отец сообщил об этом за завтраком, никто не был против. Лично он заметил, что она надела штаны и мальчишескую кепку, в чем он любил ее видеть больше всего. Старшая сестра Марта закатила глаза и поцеловала Эльзу в щеку, прошептав, что она не должна волноваться из-за проделок глупого мальчишки. Любимая сестра Анна с круглыми папиными глазами спрятала в ее сумку конфеты и дала полный пакет булочек с изюмом, которые Эльза должна была поделить среди детей их квартирантов.

II 1880

...Вечернее небо осветило комнату через окно и окрасило в розовый белоснежную скатерть и молочный порцелан. На верхнем этаже шумело и громыхало, Жаннетта некоторое время назад, заломив руки, спустилась вниз по лестнице: ни ей, ни самому Арону не удалось застегнуть пуговицу на воротнике его накрахмаленной рубашки. Сейчас уже старалась домработница Элиза под громкие жалобы, во время которых банкир непрестанно кричал, ругался и тяжело шагал туда-сюда. Жаннетта, охая, проверила декорации на столе, Марта и Анна не сидели без

Jeannette überprüfte seufzend die Tischdekoration, Martha und Anna agierten, assistiert von Else, auf ihrer Fensterbühne, spähten hinaus, flüster-ten, kicherten, zischelten mit heißem Atem von Julius Cäsar, einem Oberpri-mer, der Marthas sanfter Schönheit hoffnungslos erlegen war. Als sie am Vorabend alle zusammen in die Synagoge gegangen waren, promenierte er wie zufällig über die SadowasträÙe, hin und her mit schaukelnder Schulta-sche, schwärmend, rezitierend. *Ich hab dein Bild im Traum gesehn...*

Am anderen Fenster schlummerte Paul im großen Ohrensessel, das Ge-sicht im Schatten. Auf den feinen weißen Händen verblasste allmählich ein rötlicher Streifen der untergehenden Sonne.

Pscht, nicht so laut am heiligen Tag, Pülle glüht wieder.

Pauls Krankheit, eine nicht heilen wollende fiebrige Bronchitis, war ein Grund für Jeannette Schülers eigenes schlechtes Befinden, ein weiterer ihre zunehmende Schwäche und die damit verbundenen Ängste, ihrer lärmenden Familie eines Tages nicht mehr standhalten zu können.

Aron polterte die Treppe herunter, in seinem Schlepptau Alfred und Mo-ritz, steifhalsig mit schneeweißen Kragen. Jeannette läutete im Flur das Glöck-chen, Paul schreckte hoch. Else lief zu ihm und geleitete ihn an den Tisch.

Mama zündete andächtig die Kerzen an, der milde Glanz des Jom Kippur erleuchtete ihre Augen und Herzen.

Sch'ma Jisrael, Adonai Elohenu, Adonai Echod.

Aron wölbte die Hand über dem Kopf, um die fehlende Kippa zu markie-ren, er sprach das höchste Gebet schnell und beiläufig und schielte wie alle anderen – außer Paul, der seinen Kopf inbrünstig beugte – schon nach der Terrine mit der duftenden Markklößchensuppe. Nach der Suppe trug Elise

Fisch in ButtersoÙe auf, und alle warte-



Christiane Gibiec mit einem Originalmanuskript ELS in der National Library of Israel in Jerusalem.

1005 - Кристиана Гибиец с рукописью Эльзы Ласкер-Шюлер в национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме.

дела тоже, под руководством Эльзы, на их «оконной сцене», высматривали что-то за окном, шушукались, хихикали и перешептывались с горячим придыханием о Юлиусе Цезаре, об ученике 9 класса, о скромной Мартиной красоте, которая была безнадежно убита.

Когда они все вместе поздним вечером пошли в синагогу, он (речь об ученике 9 класса – прим. переводчика) прогуливался как будто случайно по Садоваштрассе туда-сюда с качающейся школьной сумкой, мечтающий, декламируя: *Я видел твой образ во сне...*

У другого окна дремал Пауль в большом кресле, лицо в тени. На белой тонкой руке постепенно бледнела красная полоска заходящего солнца.

Т-с-с, не так громко в Святой день... Пюлле горит снова.

Болезнь Пауля – бронхит с температурой, который никак не проходил, – была причиной плохого самочувствия самой Жаннетты Шюлер, ее усиливающейся слабости и связанными с этим страхами не выдерживать больше свою шумную семью.

Арон с грохотом спустился вниз по лестнице, за ним на буксире Альфред и Мориц с накрахмаленными воротниками. Жаннетта позвонила внизу в колокольчик, сильно напугав при этом Пауля. Эльза сопровождала его к столу. Мама задумчиво зажгла свечи, мягкий глянец Йом-Киппур¹ осветил их глаза и сердца. Sch'ma Jisrael, Adonai Elohenu, Adonai Echod...

Арон рукой обозначил над головой недостающую кипу, он проговорил молитву быстро и мимоходом, при этом косился в сторону еды, так же как и другие, кроме Пауля, который в молитве страстно склонил свою голову, – уже после Тергине над ароматным супом с клецками на мозговых косточках. После супа Элиза внесла рыбу в масляном соусе, и все ждали неизбежного вопроса Арона «не акула ли это?», поскольку она питается мертвечиной и Моисей запретил ее есть. Под крики и шум и под обычные взрывы хохота, в которых Арон, Альфред и Мориц стремились перещеголять друг друга, – следовало филе и мирабелла, между ними настроение, призывающее Жаннетту к спокойствию и созерцанию: оно проникло в дом, лишь когда стемнело и принесли горящий Plumpudding².

¹ Йом-Киппур – День искупления, Судный день – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

² Английское блюдо

ten auf die unvermeidliche Frage Arons, ob es auch kein Aal sei, denn der lebe von Aas, daher habe Moses verboten, dieses Tier zu essen. Unter Geschrei und Gebrüll und den üblichen Lachsalven – bei denen Aron, Alfred und Moritz einander übertrumpften – folgten Filet und Mirabellen, dazwischen Jeannettes zur Ruhe und Besinnlichkeit mahnende Stimme, die erst durchdrang, als abgedunkelt und der brennende Plumpudding hereingetragen wurde.

III 1890

Oben im Zimmer tiefste Reue wegen Mama, aber sie kann nicht wieder hinuntergehen und läuft vor dem Fenster auf und ab mit eingekrachtem Herzen, bis es zu dämmern beginnt. Dann muss sie hinaus, um nicht zu zerspringen. Mama schläft, Anna ist nach Köln gefahren, Aron und Moritz kommen jeden Abend später nach Hause und sind meistens angesäuselt, sodass niemand merkt, wenn sie ausgeht. Sie zieht den Mantelkragen vor das Gesicht und senkt den Kopf, es muss ja nicht jeder gleich sehen, dass Schülers Else am Abend allein herumspaziert.

Zuerst will sie über das vom Regen schimmernde Kopfsteinpflaster bis zum Wald gehen, wo sich der Abendhimmel mit Schlieren aus blauschwarzen Wolken orangerot über die unbelaubten Baumwipfel spannt und durch ihre filigranen Spitzen das Auge Gottes auf Elberfeld schaut.

Aber dann wendet sie sich talwärts, Dampf aus den Ziegelschornsteinen lockt mit von Purpur durchzogenen Schleiern. Sie läuft die Briller Straße hinunter und biegt am Wupperufer nach links ab in die dämmerige Aue, eilt bis zum Island, wo die Armen in stinkenden Gassen wohnen und Wasser an der dicken grünen Pumpe holen. Aus zahllosen Branntweinstuben fiedelt und schrammt es, lärmern raue Münder, kreischen Stimmen. Verhärmte Frauen huschen durch die Gasse, Kinder spielen im Rinnstein.

Elses Ziel am Ende des Islandufers ist ein Karussell mit springendem Leopard, hochsteigendem Holzross und einem weißen Elefanten, der den Rüssel schwenkt, Tum Tingelingeling. Die Orgelpfeifen jaulen und stampfen, man hört es schon von Weitem: *Lott es doot, Lott es doot*. Das Karussell dreht sich, kleine Jungen jauchzen auf den Rücken der Panther und Leoparden hinauf und hinab, in Else summt und singt es.

III 1890

...Наверху в комнате глубокое раскаяние из-за мамы, но она не может снова пойти вниз и ходит перед окном с разбитым сердцем, пока не начало смеркаться. Но она должна выйти, пока ее не разорвало на части. Мама спит, Анна уехала в Кельн, Арон и Мориц каждый вечер приезжают поздно и навеселе, поэтому никто не заметит, что она уйдет. Она прячет голову в поднятый воротник – никто не должен видеть, что ученица Эльза одна гуляет по вечерам. Сначала она хочет пойти по заплесневевшей от дождя булыжной мостовой в лес, где небо из скользящих сине-черных облаков натягивается оранжево-красным на непокрытые листвой верхушки деревьев и через их филигранные кончики смотрит на Эльберфельд Божье око. Но затем она поворачивает в направлении долины, из черепичных дымовых труб

завивается пронизанный пурпуром пар. Она идет по Бриллерштрассе вниз и поворачивает на берег Вуппера налево на туманную Ауэ, торопится к Исланд, где живут бедные в вонючих тупиках и набирают воду толстой зеленой помпой.

Из бесчисленных водочных трактиров – скрип и скрежет, кричат пьяные рты, визжат голоса. Удрученные горем женщины пробегают через переулок, дети играют в сточной канаве. Цель Эльзы в конце Исландсуфер – карусель с прыгающим леопардом, поднимающимся вверх деревянным конем и белым слоном, который качает хоботом, *тум тингелингелин*¹. Трубы органа взвизгивают и «топают», слышно уже издали: *Лотта умерла, Лотта умерла*. Карусель крутится, маленькие мальчики ликуют на спинах пантеры и леопарда, вверх и вниз, внутри Эльзы всё гудит и поет. Возле домика с кассой коптит масляная лампа и высвечивается резкий мужской профиль, на который падает прядь черных волос. С танцующей легкостью он парит на крутящейся площадке, его рука с гладкой, оливково-золотой мускулатурой касается Эльзы, скользя по ней. Запах мускуса, его глаза впиваются в ее черные светящиеся миндалины через поднятый вверх воротник, он спрыгивает с легкостью перышка.

¹ Слова песни.

Am Kassenhäuschen blakt eine Öllampe und lässt ein scharfes Männerprofil aufscheinen, eine schwarze Haarsträhne fällt darüber. Mit tänzelnder Leichtigkeit schwingt der Karussellbesitzer sich auf das drehende Rondell, sein Arm mit glatten, olivgoldenen Muskeln streift Else im Vorbeisausen. Moschusduft, seine Augen saugen sich in ihren schwarz glühenden Mandeln über dem hochgeschlagenen Mantelkragen fest, dann springt der Mann federnd ab.

Sie steht bewegungslos, schielt schräg hinüber, brodelndes Rot im Bauch.

Er zischt und weist mit seinem Prinzenkopf in die Finsternis hinter dem Kassenhäuschen, sie tritt vorsichtig näher.

Brüst hat es schon, wie junge Salatköpfe.

Een Jroschen, mehr nich für so 'n Jerippe.

Nach der obszönen Handbewegung, die folgt, weiß sie es, rennt los, an der unter dem aufgehenden Vollmond rosa aufschäumenden Wupper entlang, die riecht wie ein Giftfass. Auf der Aue kommt ihr ein Trupp Sozialdemokraten mit grauen Schirmmützen entgegen. Denn unsre Fahn' ist rot, schmetterten aufgerissene Münder.

IV 1894

Nach Annas und Franz' Verlobung hatte Aron weiteren Grund zur Freude, denn ein Freund Franz Lindners, der Wundarzt Doktor Jonathan Berthold Barnett Lasker, der sich gerade an der Klotzbahn als praktischer Arzt und Geburtshelfer niedergelassen hatte, war bei der Feier zu Gast gewesen und Else nicht von der Seite gewichen. Lasker war gebildet und hatte einen fortschrittlichen geistigen Horizont, sodass er ihren Ansprüchen genügen konnte. Sie rümpfte auch nicht gleich die Nase über sein Äußeres, sondern fand ihn klug und sympathisch, wie Anna erleichtert registrierte. Für den Arzt sprach auch, dass sein Großvater wie Arons Großvater Rabbiner und sein Vater Kantor gewesen war. Sein Bruder war der englische Schachmeister Emanuel Lasker, der die Weltmeisterschaft anstrebte. Berthold spielte ebenfalls leidenschaftlich und erzählte der beeindruckten Else, er wolle an einem per Brief ausgetragenen Wettkampf zwischen dem Elberfelder und dem Amsterdamer Schachverein teilnehmen.

Она стоит не шевелясь, косится по диагонали в ту сторону, красный чад в животе. Он шепчет и кивает своей головой принца в темноту позади домика с кассой, она осторожно делает несколько шагов. (*Грудь уже есть у нее, как молодой вилок капустного салата. Не больше гроша за такого скелета...*¹)

Что он имеет в виду?

После непристойного жеста, который затем следует, она понимает и убегает прочь под восходящей полной луной, вдоль розовой пенящейся реки Вуппер, которая пахнет как бочонок с ядом. На улице Ауэ ей навстречу идет «труппа» социал-демократов в зеленых фуражках. «Наш флаг красный», – бросают надрывными ртами.

IV 1894

После помолвки Анны и Франца у Арона было еще больше причин для радости, поскольку друг Франца Линднерса, чудо-доктор Йонатан Бертольд Варнет Ласкер, который только что на Клотцебан открыл свой кабинет как практикующий врач и акушер, был на празднике в гостях и от Эльзы не отступал ни на шаг. Ласкер был образован и имел глубокий интеллект, так что он вполне подходил Эльзе. Она также не разбивалась в лепёшку по поводу его внешности, скорее, находила его умным и симпатичным, что Анна отметила с облегчением. В пользу доктора говорило также и то, что его дед, также как и дедушка Арона, был раввином, а его отец – регентом в церковном хоре. Брат, английский гроссмейстер по шахматам Эммануил Ласкер, стремился принять участие в чемпионате. Бертольд был тоже страстным игроком и рассказывал впечатленной Эльзе о его желании поучаствовать в состязании между шахматными обществами Ельберфельда и Амстердама, о котором он узнал из недавнего письма. Ласкер в свою очередь тоже не казался отпугнутым – Анна облегченно заметила, что его не шокирует причудливость Эльзы, скорее, наоборот, он с удовольствием наблюдал за ней, в то время как она за кофепитием новобрачных с ее типичными гримасами и крутящимися глазами прекрасно рассказала одну своеобразную историю о двух обезьянах,

¹ Цитата из «Die Wupper».

Lasker seinerseits schien – Anna stellte auch das erleichtert fest – vor Elses Wunderlichkeit nicht zurückzuschrecken, sondern beobachtete sie amüsiert, als sie beim Verlobungskaffee mit ihren typischen Grimassen und rollenden Augen eine absonderliche Geschichte von zwei Affen zum Besten gab, die sie angeblich im Garten auf den Kieswegen hatte herumturnen sehen. Sie erkundigte sich bei Lasker ausführlich nach dem literarischen Leben und der Künstlerszene in Berlin, wo er bisher gelebt hatte, und nach seinen Aktivitäten in Elberfeld, nicht nur als Arzt, sondern auch als Mitgründer der Freien Literarischen Vereinigung, die endlich die alten Zöpfe der Bergischen Heimatdichter abschneiden und den modernen literarischen Strömungen ein Forum verschaffen wollte. Er lud Else zu einem Vortrag über die Ziele der Modernen ein und betonte, dass in der Vereinigung auch Frauen als Vortragende gerne gesehen seien.

Aron war glücklich, als Else strahlte und mit Anna beratschlagte, was sie anziehen würden, wenn sie am Samstag zusammen mit Lasker und Franzens nächste Premiere gingen.

Bei einem Waldspaziergang stellte Else ihn auf die Probe und rezitierte zwei ihrer Gedichte. Er konnte zunächst gar nicht glauben, dass sie von ihr stammten, sprach von erstaunlicher Qualität und wollte sie gleich zum nächsten Treffen der Vereinigung einladen, aber sie wollte vor den Muckern erst einmal nicht vortragen.

Ich glaube, der kann so 'n Luftikus wie mich vertragen, sagte Else zu Anna, und meistens gefällt er mir auch, nur manchmal sieht er aus wie ein Marder.

Lasker hielt noch vor Annas und Franzens Hochzeit um Elses Hand an. Sie war zwar nicht so übergücklich wie Anna, machte sich aber aufgeregt an die Vorbereitungen für die Verlobung.

Aron kündigte seinen Mietern in der Herzogstraße zweiundvierzig. Damit wurde eine komfortable Wohnung mit sechs Zimmern für das junge Paar frei, in der Lasker auch seine Praxis einrichten konnte.

Ein Schwiegersohn, der heilt, und einer, der heult, gab Aron abends im Weidenhof zum Besten und lachte selbst am meisten über das Bonmot. Zentnerlasten fielen ihm von der Seele, dass er seine beiden Jüngsten endlich unter der Haube hatte.

которых она, предположительно, видела в саду на грунтовой дорожке, занимающихся гимнастикой. Она подробно расспросила Ласкера о литературной жизни в Берлине, где он до этого жил, а также о театральной сцене. Ласкер был активен в Эльберфельде не только как врач, но и также как член свободного литературного объединения, который хотел наконец-то «отрезать старые косы» бергских домашних поэтов и создать форум в духе современных литературных течений. Он пригласил Эльзу послушать один доклад о целях модернистов и подчеркнул, что в объединении с удовольствием приветствуют как докладчиков, так и женщин.

Арон был счастлив, когда Эльза, вся светясь, советовалась с Анной, что бы ей надеть в субботу на выход с Ласкером во Франценсом посмотреть ближайшую премьеру. Во время одной из горных прогулок Эльза проверила его, продекламировав два собственных стихотворения. Он сначала не мог поверить, что это ее, говорил об удивительном качестве стихов и хотел сразу же пригласить ее на следующую встречу объединения, но ей не хотелось выступать перед ханжами.

«Мне кажется, он может меня переносить», – сказала Эльза Анне, – к тому же он почти мне нравится, только иногда он выглядит как куница».

Ласкер еще до свадьбы Анны и Франценса попросил руки Эльзы. Она была не так счастлива, как Анна, но взволнована в связи с подготовкой к помолвке. Арон дал отступного своим квартирантам на Герцогштарссе 42, и для юной пары освободилась комфортабельная квартира с шестью комнатами, в которой Ласкер также мог организовать свой врачебный кабинет.

Один зять, который лечит, другой, который «воет»¹, – это дало Арону вечером в Вайденхоф повод для смеха и красного словца. Тяжелое бремя упало с его души, потому что его обе младшие наконец-то вышли замуж.

V 1913

Годы он вел собачий образ жизни, томился, заживо погребенный с тысячами таких же, как и он, в тюрьмах России. Сенна Хой, он же Йоханнес Хольцман, Саша, товарищ по играм ее ранних лет, штормовой

¹ Игра слов: по-немецки «heilt-heult» – другой его зять был оперным певцом.

V 1913

Seit Jahren vegetierte er wie ein Hund, schmachtete, lebendig begraben, mit hunderttausend anderen in den Kerkern Russlands – Senna Hoy alias Johannes Holzmann, Sascha, der Spielgefährte ihrer frühen Jahre, der Sturmwind, der hohe, schlanke Kämpfer, der heilige Feldherr, dessen Schatten Else in den letzten Jahren ständig begleitet hatte. Er hatte aus Moskau geschrieben, dass es ihm schlecht gehe, er darbe bei Wasser und Brot, der Lungenbazillus raffte ihn dahin. Else war herumgelaufen, um Hilfe für den Todgeweihten zu finden, Geld, einflussreiche Verbindungen, um ihn freizubekommen. Wie hatten sie sich alle herausgeredet und mit den Schultern gezuckt.

Nur die hochverehrte Malerin und russische Baronin Marianne Werefkin nicht, die große Kunstförderin und Muse von Jawlensky, die den Blauen Reiter mitbegründet hatte und Künstler wie die Pawlowa, Nijinski, Diaghilew und die Duse in ihrem rosa Salon in München empfing. Else verehrte die Werefkin, deren künstlerische Kraft so beeindruckend war wie ihr Temperament. Man nannte sie den russischen Rembrandt, denn sie malte wie eine Göttin, obwohl ihre rechte Hand von einem Schuss verstümmelt war. Mit Mut und Hartnäckigkeit hatte Marianne Werefkin in den letzten zwei Jahren alle ihre russischen Verbindungen spielen lassen, um Senna Hoy aus der Irrenanstalt von Metscherskoje bei Moskau freizubekommen, der letzten Station seiner schon sieben Jahre währenden Kerkerhaft. Man hatte sie verhängt, weil er sich an der Expropriation russischer Kaufleute beteiligt hatte, der Höhepunkt seiner radikalen, ungestümen Aktionen im Dienste der anarchistisch-kommunistischen Bewegung, die letzte Tat des romantic rowdy, wie ihn die bürgerliche Presse getauft hatte. Erschüttert betrachtete Else immer wieder das wunderschöne Jugendfoto von ihm, das sie in ihrer Schatzkiste bewahrte: d'Artagnan mit der Zigarette zwischen trotzig aufgeworfenen Lippen.

Marianne Werefkin hatte über ihren Cousin, der im russischen Innenministerium arbeitete, mehrere Gnadengesuche für Johannes Holzmann eingereicht, die alle abgelehnt worden waren, weil es, so hatte sie unter der Hand erfahren, Einwände von deutscher Seite gegeben hatte wegen der absurden Befürchtung, der Anarchist könne dem deutschen Kaiser nach dem Leben trachten. Als sich nach Holzmanns Hilferuf im Herbst herausstellte, dass alle

ветер, высокий стройный борец, святой полководец, тень которого в последние годы всегда сопровождала Эльзу. Он написал из Москвы, что дела его плохи. Он бедствовал, сидел на хлебе и воде, к тому же легочная инфекция сгребла его в охапку. Эльза избегалась, чтобы хоть как-то помочь обреченному на смерть, найти деньги, влиятельные знакомства, чтобы его освободить. Как они все оправдывались и пожимали плечами... И только глубокоуважаемая художница и русская баронесса Марианна Веревкина — не осталась в стороне. Большая покровительница искусства и муза Явленского, она помогала основать «Голубого рыцаря» и принимала у себя в «Розовом салоне» в Мюнхене таких художников, как Павлова, Нижинский, Дягилев и Дузе. Эльза боготворила Веревкину: ее изобразительная сила была настолько же впечатляющей, как и ее темперамент. Веревкину называли русским Рембрандтом, потому что она рисовала как богиня, несмотря на то, что ее правая рука была изуродована выстрелом. Мужественно и настойчиво Марианна использовала в последние два года все ее русские связи, чтобы вызволить Сенну Хой из психиатрической клиники на Мечорской в Москве, последней станции его, уже семилетнего, заключения. Все были на ушах из-за его участия в экспроприации русских торговцев — в кульминации его неистово-радикальной деятельности на службе у анархо-коммунистического движения. Это был последний поступок романтического дебошира: romantic rowdy, как его окрестила бюргерская пресса. Потрясённо в который раз рассматривала Эльза его прекрасную юношескую фотографию. Она хранила её в своей коробке сокровищ — д'Артаньян с сигаретой между упрямо вздернутыми губами.

Марианна Веревкина подала несколько прошений о помиловании через ее кухню, которая работала во внутреннем министерстве, однако они все были отклонены. Как она узнала из первых рук, с немецкой стороны были возражения в связи с абсурдным опасением, что этот анархист мог бы совершить покушение на кайзера.

Когда после всех попыток помощи Хольцману, выяснилось, что все атаки были напрасны, Эльза решила ехать сломя голову в Москву вместе с Хельмутом — братом Йоханнеса.

Марианна Веревкина в короткие сроки выхлопотала необходимые бумаги. Так Эльза вдруг очутилась в середине ноября в холоде и темноте России снова. Страна показалась ей странной, по-ужасному прекрас-

Vorstöße vergeblich waren, entschloss sich Else Hals über Kopf, zusammen mit Johannes Bruder Helmut Holzmann persönlich nach Moskau zu fahren.

Marianne Werefkin erwirkte in kürzester Zeit die notwendigen Papiere, und so fand Else sich plötzlich mitten im November in der Kälte und Dunkelheit Russlands wieder. Das Land kam ihr merkwürdig und auf eine grauisige Weise schön vor mit seinen in ihre Pelze vergrabenen Menschen, dem prachtvollen Kreml, den großen Moskauer Straßen, den dumpfen, bedrohlichen Amtsstuben im Kriegsministerium, in denen sie sich um eine Freilassung Senna Hoys bemühten, jedoch nur eine Besuchserlaubnis erreichten.

Noch vor dem Morgengrauen brachen sie nach Metscherskoje auf, vier Stunden ging es in der eiskalten Pferdedroschke durch eine trostlose Hügellandschaft, dann eine Mauer mit acht Türmen, auf ihnen bewaffnete Kosaken, lange Wege treppauf und treppab, tobende Gefangene hinter den Gitterstäben.

Und dann er – Gott sei Dank in einer Einzelzelle – auf einen harten, löcherigen Strohsack gebettet, anbetungswürdig, ein König, ein heiliger Feldherr, die aufgesprungenen Lippen stumm, nur noch ein Flackern in den erlöschenden Augen.

Else legt die mitgebrachte Bonbonniere und die Essenspakete neben sein Lager und breitet die wollene Decke von seiner Mutter über ihn, dann schaut sie auf und sieht an der rauen Wand ihr junges Gemmenbild hängen. Der schwarze Schwan, die Prinzessin von Bagdad.

Sie fällt auf die Knie, presst seine schweißigen Hände an ihre Wange, sein Blut rauscht wie ihres.

Prinzessin, dass du da bist, immer, immer habe ich dich gerufen.

Sein heißer, kranker Atem.

Mein Sascha, weißte noch, in Berlin, als ich von den goldenen Tauben auf deinen Wangen dichtete, als wir noch jung waren und unser Blut die gleichen Blüten trug? Du warst so schön, schöner als die Sonne dich hätte malen können, weißte noch?

Er streichelt ihr Haar, sie wispert, und ihre Tränen strömen.

Als wir uns küssten, war es, als hielten die Lippen den Atem zurück, weißte noch, Sascha, im grünlichen Licht des Morgens?

Er schweigt, flüstert dann so leise, dass der Bruder es nicht hören kann.

Ist der Junge wohlauf?

ной с ее в меха закопанными людьми, роскошным Кремлем, большими московскими улицами, затхлыми опасными канцеляриями в военном министерстве, в которых она старалась получить освобождение Сенны Хой, однако добилась только разрешения на посещение.

Еще до рассвета ее привезли на Мещерскую: четыре часа в холодной как лед лошадиной повозке через безутешный холмистый ландшафт, затем стена с четырьмя башнями, на них вооруженные казаки, длинный путь по лестнице вверх и вниз, шумящие заключенные за решетками. И затем он, слава богу, в одиночной камере – молящийся на жестком продырявленном соломенном мешке, достойный преклонения, король, святой полководец, потресканные губы немые, лишь мерцание в его затухающих глазах.

Эльза положила красиво оформленную коробку конфет, пакет с продуктами рядом с его ложем и накрыла его сверху шерстяным одеялом, привезённым от его матери. Затем она подняла взгляд и увидела свою гемму-фотографию юных лет. Черный хвост, принцесса Багдада. Она упала на колени, прижала его потные руки к своим щекам, его кровь шумела, также как и ее.

Принцесса, это ты, я всегда, всегда тебя звал...

Его горячее больное дыхание.

Мой Саша, ты еще помнишь, в Берлине, когда я на твоих щеках сочиняла о золотых голубях, когда мы были молоды и в нашей крови были одинаковые цветы. Ты был так прекрасен, прекраснее солнца, тебя можно было рисовать, помнишь?

Он гладил ее волосы, она шептала, и слезы хлынули...

Когда мы целовались, казалось, что губы задерживали дыхание, помнишь, Саша, в зеленоватом свете утра?

Он молчит, затем шепчет так тихо, чтобы его не услышал брат.

Мальчик здоров?

Теперь только глаза передают ту силу, которую раньше он выражал в словах.

Ему 15, и он прекрасен, как и ты, Саша, он мужественный парень, высокий и стройный, он Vilus – брат принца. Он – артист, станет когда-нибудь великим. Как его мама, она – принцесса, жрица, богиня¹.

¹ Речь идет о сыне. Кристиана Гибиец уверена, что ребенок Эльзы – от Саши.

Nur noch in seinem Blick lodert die Kraft, die er früher mit Worten verschleudert hat.

Er ist fünfzehn, und er ist schön wie du, Sascha, er ist ein mutiger Knabe, groß und schlank, er ist Bulus, der Bruder des Prinzen. Er ist ein Künstler, wird mal ein ganz Großer.

Wie seine Mutter, sie ist Prinzessin, Priesterin, Göttin.

Er lispelt und lächelt wie ein Greis, dann ein schweißglänzender Fieberschub, minutenlang schüttelt ihn blutiger Husten. Sie lehnt sich an die Wand, damit sie nicht umfällt, während Helmut Holzmann Medizin aus der Tasche holt und sie dem todwunden Bruder umständlich einflößt, dabei Grüße von der Mutter herausstößt, von den Freunden, alten Weggefährten. Er werde einen Arzt und einen Rechtsanwalt schicken.

Der Kosak kommt zurück und weist sie ruppig hinaus, Else weiß später nichts mehr von dem Abschied und dem Weg, der sie aus diesem Grab trägt, spürt auf der Rückfahrt auch die Stöße des Wagens nicht, fühlt nur sein Abschiedslächeln, das mit ihr zieht.



ELS Schmuck im Archiv der National Library.

Украшения Эльзы Ласкер-Шюлер в архиве **национальной Библиотеки.**

Он прищептывает и улыбается, как старик, покрывается потом, поднимается температура, его долго трясет кровавый кашель. Она опирается на стену, чтобы не упасть, пока Хельмут достает из сумки лекарства и неловко утешает смертельно больного брата, передавая приветы от матери, от друзей, старых попутчиков жизни. Он пошлет врача и адвоката...

Казак возвращается и ворчливо указывает ей на выход. Эльза позже ничего не помнит о прощании и дороге, которая ее выводит из этого склепа, не ощущает толчков повозки, чувствует только его прощальную улыбку, что тянется за ней...

Перевод: Наталья Фольк



Ihre Täschchen.

Ее сумочки.

Ирина АЛЬТМАН

Irina ALTMANN

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЭЛЬЗЫ ЛАСКЕР-ШЮЛЕР С ФРАНЦЕМ МАРКОМ

Творчество и личная судьба Эльзы Ласкер-Шюлер связаны с искусством авангарда её времени.

Эльза Ласкер-Шюлер родилась в 1869 году в Эльберфельде. В 1894 году с мужем, врачом Бертольдом Ласкером, она уезжает в Берлин.

В бурлящей новыми идеями художественной жизни Берлина на рубеже веков происходит становление ее как поэта. Здесь же она занимается рисунком и живописью. В 1901 году выходит первая книга ее стихов «Стикс».

Эльза Ласкер-Шюлер





В 1903 году после развода с Ласкером Эльза выходит замуж за Херварта Вальдена, музыканта, композитора, теоретика искусств. Их личные отношения переплетены были живыми нитями с искусством, что давало обоим поразительные плоды в творчестве.

Годы с Хервартом Вальденом для Эльзы – время обретения свободы и уверенности в творчестве. В эти годы появляются сборники ее стихов, проза, пьеса «Вуппер» («Die Wupper»). После выхода в 1911 году сборника «Мои чудеса» («Meine Wunder») Эльза была признана первой поэтессой экспрессионизма.

Творчество Э. Ласкер-Шюлер отразило ее увлеченность Ближним Востоком и Египтом. Там источники ее поэтических образов, откуда пришли и ее авторские маски: принцесса Тино из Багдада, король Абигайль и Принц Фиванский Юсуф. Юсуф – это библейский



Эльза Ласкер-Шюлер. Автопортрет, 1912



«Примирение» 1912.
Гравюра на дереве

Иосиф, но с именем в другой огласовке, так как с известных пор Иосиф жил в Египте. В мире Востока Эльзы Ласкер-Шюлер мирно живут иудеи, христиане, мусульмане.

В 1910 году Вальден создает журнал «Штурм». Энергия стремительного прорыва к новым формам в искусстве как определение всего авангардистского движения заключена в названии журнала. Оно было найдено Эльзой. В 1912 году Вальденом открыта художественная галерея «Штурм». «Штурм» становится выражением авангарда в литературе и изобразительном искусстве, в театре, в музыке и в художественном образении.

Творцы «Штурма» были исполнены веры в силу искусства, способного наперекор рутинному существованию открыть пути к подлинно духовной жизни человека.

В сентябре 1912 года на обложке журнала «Штурм» появилась гравюра Франца Марка, члена мюнхенского объединения художников-экспрессионистов «Синий всадник». Это была иллюстрация к стихотворению Эльзы Ласкер-Шюлер «Примирение» («Versöhnung»).

Переписка Эльзы Ласкер-Шюлер с Францем Марком началась в трудный период ее жизни. После развода с Вальденом в ноябре 1912 года она осталась одна с множеством проблем. Неустойчивость контактов

с издательствами, нестабильность доходов, тревога из-за материальной необеспеченности её тринадцатилетнего сына вызвали у Эльзы ощущение разлада всей жизнетворческой основы, что привело к нервному расстройству и депрессии.

В какой-то момент она вспоминает, как тонко почувствовал Франц Марк её поэзию, иллюстрируя стихотворение «Примирение».

Эльза пишет письмо Ф. Марку в свойственной ей образной манере. «Маска» Принца Фиванского обеспечивает дистанцию, она же позволяет открыть ее душевное состояние:

Берлин, 9 ноября 1912 год¹

Драгоценный художник, когда я буду в Мюнхене (я – Юсуф, Принц Фиванский), навещит ли меня Франца Марка? Синий Всадник, подарите мне час, и я принесу Вам россыпь радужных камешков. Я написал много стихов, среди них – «Примирение». Почему Вы выбрали именно его? Вы в такой же мучительной растерянности, как и я, когда нет больше дороги, а только пропасти?

Я буду рада видеть Вас после всех лиц от мала до велика в Берлине, которые для меня – одно мучение.

Я напишу моему издателю Генриху Бахмайеру <...> Он вышлет Вам мою новую книгу, в ней – мой автопортрет и там моя душа, когда ведет ее мой боевой дух.

Но сейчас я лежу в шатре и так болен, что, возможно, никогда не поправлюсь. Все время я плачу и скоро совсем не буду



Франц Марк

¹ Даты писем даются по почтовым штемпелям.

способен писать стихи. Я так изранен, что где бы ни появлялся, падают капли моей крови. <...> А живу я в одной убогой норе – таков шатер Принца Фиванского <...> Лучше не буду его описывать. Итак, высылаю Вам две мои последние книги, кланяюсь Францу Марку. Напишите же что-нибудь замечательное о моих книгах.

Бедный
Принц Фиванский
(Эльза Ласкер-Шюлер)

Письмо Эльзы завершает беглый рисунок пером, на котором восточный город с пальмами, комета, серп луны и надпись: «Фивы».¹

В реальности ее «нора» – маленькая комната в Берлине на Гумбольдтштрассе 13. Две ее новые книги – это: «Мое сердце» и, вероятно, «Еврейские баллады», вышедшая в конце года.

Эльза пишет в Баварию в небольшой городок Зиндельсдорф, где живут художники Франц Марк и его жена Мария. Франц родился в Мюнхене, Мария – в Берлине. В Зиндельсдорфе они нашли атмосферу сельской тишины, красоту природы – мир, необходимый им для творчества. У них часто гостят художники, их друзья. Сохранились фотографии, которые делал Василий Кандинский, приехавший к ним. Здесь обсуждались вопросы, связанные с изданием В.Кандинским и Ф.Марком альманаха «Синий всадник», затем и проекты для нового объединения мюнхенских художников-экспрессио-



Письмо Франца Марка с его рисунком. 1912

¹ Рисунки с восточными мотивами и космическими знаками характерны для писем Э. Ласкер-Шюлер.

нистов, названного также «Синий всадник». Они должны были дать мощный импульс современному искусству в поиске новых путей. Само название «Синий всадник», как вспоминал Кандинский, возникло за дружеским столом в Зиндельсдорфе.

В начале декабря 1912 года Эльза получает письмо от Франца Марка. В нем искренняя отзывчивость человека и абсолютная интуиция художника в выборе стиля своего послания, который отвечает стилю адресата.

7 декабря 1912 года

Синий Всадник представляет Вашему Высочеству своего синего коня. Поклон от моей супруги, Ваш Фц. М.

Текст послания помещен на листе с рисунком. Это письмо Франца даст ход их дальнейшей переписке, в которой они искусно соединяют реальность с игрой.

На почтовых открытках Франца Марка вместе с лаконичным текстом всегда были оригинальные рисунки или живописные эскизы, которые по своим размерам и привлекательности можно назвать «картинками». Эти открытки – уникальные произведения художественно-эпистолярного характера. В настоящее время большинство из них в Государственном собрании графики в Мюнхене, несколько открыток – в Государственном музее Берлина. Письма и открытки Эльзы Ласкер-Шюлер находятся в Немецком литературном архиве города Марбаха (DLA Marbach).

При глубоко личном характере переписки – в ней атмосфера искусства того времени. Сам экспрессионизм живым явлением возникает в этих письмах. Рождество и Новый год Франц и Мария проводят в Берлине у родителей Марии. В один из дней они были приглашены в кафе Josty, где собиралась берлинская богема. Там оказались они в трудной ситуации. Недавно еще Вальден, влюбленный в Эльзу, ждал иллюстраций Франца к ее стихам. Сейчас их видели сидящими за разными столиками, в напряженном состоянии они старались не замечать друг друга. Вальден был уже со своей второй женой, шведской художницей Нелл Рослунд. Атмосфера не располагала к личному знакомству с Эльзой. Но вскоре здесь, в Берлине, Франц получает от нее письмо.

Берлин, 9 декабря 1912 года

Синий Всадник здесь! Что за прекрасное предложение, в котором все слова – чистые звезды! Я мыслю теперь себя Луной, живу в облаках. Когда вечерами уже никого нет на улице, я ощущаю себя одиноко, как диск луны. Погрузились в песок, умерли все мои дворцы и мои дикие буйволы, и лохматые верблюды. Все поглотил песок.

Я была в полусне – это до твоего письма, синий Всадник. Оно ворвалось в мою нору, <...> и моим глазам стало больно от того, что будто вихрем закружилась пыль под твоим дивным конем. Приди ко мне ты и твоя супруга, синий Рыцарь, Вас я люблю.

Юсуф, Принц Фиванский

Следующие ее письма обращены уже к обоим – Францу и Марии:

Берлин, 15 декабря 1912 года

Синий Всадник,
золотая Всадница,

Мне бы, пожалуй, надо умереть. Где же заснуть мне сном факира на пять дней, а потом ошеломить всех и вновь явиться? Я – в вечно бушующем море, а с недавних пор – никакого берега, а если бы и нашла его, оказалась бы среди людоедов. Такие-то дела у Вашего Принца Фиванского. Любите меня!

Тот Дух, что держал Иисуса из Назарета над водами, не давая тонуть, укреплял его душу небесной силой. <...> Сейчас я все чаще думаю об Иисусе, и был он из колена Давидова. Иисуса цвет синий. Филистер же цвета не терпит.

Дорогой Всадник,
дорогая Всадница,
я люблю вас!
Юсуф

Вспоминая о Хождении по водам из Нового Завета, она противопоставляет синий цвет как символический знак Неба и Христа бесцветности филистеров. Так духовность противостоит миру обывательства.

В ответ на ее поздравления с Рождеством и пожелания доброго Нового года Эльза получает от Франца открытку.

Берлин, 1 января 1913 года

Бесконечно благодарен, дорогая подруга, за прекрасные книги, посвящения и привет моей Марии. <...>

Доброго Нового года и привет Паульхену.

Ваш Фц. М. и М.

Сын Эльзы Пауль (Паульхен) учится в частной школе в Оденвальде. Каникулы он проводит в Берлине.

На поздравительной открытке – эскиз будущей картины Франца Марка «Башня синих коней», которая стала впоследствии знаменитой. Сама картина после Второй мировой войны пропала, поэтому этот эскиз особенно ценен.

Франц любил животных и постоянно их изображал. Но работы времени его зрелого стиля – это особые анималистические произведения. Образы животных Ф.Марка метафоричны. Цвет в его живописи несет смысловое значение. Синие кони Франца Марка со звездами и серпами луны – небесные вестники. Ввысь устремлены эти чуткие, одухотворённые кони. Драгоценным подарком были они для Эльзы!

4 января Эльза пишет открытку Маркам, в которой приглашает их в кафе «JOSTY», чтобы познакомиться со своими друзьями-писателями. Там были Петер Баум, родом из Эльберфельда, Пауль Цех, с которым Эльза так



«Башня синих коней» Эскиз. Тушь, гуашь.
1 января 1913.

Открытка от
Эльзы Ласкер-Шюлер.
4 января 1913



же знакома по Эльберфельду, Ганс Эренбаум-Дегеле, названный ею Тристаном. О них Эльзой написаны эссе, им посвящала она стихи.

В открытке Эльза сообщает ещё о том, что Пауль уехал в свою школу, и она может принять теперь приглашение Марков поехать с ними в Зиндельсдорф.

Ф.Марк писал из Берлина В.Кандинскому в декабре 1912: «Мы нашли здесь необыкновенного человека: Эльзу Ласкер-Шюлер. Она, вероятно, на пару недель в январе приедет в Зиндельсдорф, чего мы ждем с огромной радостью. Это короткое сообщение, конечно, вызывает тысячу вопросов, на которые в одном письме не ответишь. Здесь заключен целый роман».

6 января Франц, Мария и Эльза отправляются в Зиндельсдорф.

В Зиндельсдорфе Эльза ближе узнала новых друзей, ощутила их душевную теплоту. Через две недели она едет в Мюнхен. В это время в галерее Таннхаузера проходила выставка Франца Марка. В картинах мир животных с их первозданной стихией, трепетным чувством жизни захватил Эльзу. Находившаяся на выставке художница Габриэле Мюнтер, решив придать ясность воодушевлению, с которым Эльза рассматривала картины, обратилась к ней с вопросом о том, какая картина и чем ей особенно нравится. «Тигр», – был ответ.

Эльза отошла, но вдруг возвратилась и взорвалась возмущением. Слова обычного обмена впечатлениями посетителей выставок здесь казались ей неуместными, уводящими от сути искусства Франца Марка. Эльза стала говорить о невиданной значительности образов его зверей, но при этом

так горячилась и так резки были ее выпады против Габриэле Мюнтер, что эта сцена приобретала уже скандальный характер. Сейчас картины Ф. Марка находятся во многих известных музеях мира, но тогда им еще предстояло завоевывать признание. На выставке в Мюнхене Эльза по-своему защищала их, а пылкость ее порыва вызвана была открытием того, насколько близким ей оказалось искусство Франца Марка. Как Принц Фиванский скажет она об этом в одном из писем Францу: «Ты – именно тот, кто создает священных животных, обитающих в моих рощах».



Франц Марк. «Тигр», 1912. Холст, масло. Галерея «Дом Ленбаха», Мюнхен

Происшедшее на выставке беспокоило ее. Из Мюнхена Эльза пишет в Зиндельсдорф:

Дорогой синий Всадник,

прямо как некий рок рассматриваю я случившееся. Только дружеское было у меня в мыслях. <...> Свои дружеские чувства к Вам хотела я выразить. <...> Какой-нибудь рассудительный человек сегодня, разумеется, смолчал бы, но не пуделя у меня душа, чтобы scomандовать ей: «Лежать!». Оттого и впал сейчас мир в тоскливую практичность, что всякое противление посредственности принимается за неблагоприятие. Я не благоразумна и не хочу таковой быть. Не по душе мне расчет.

<...> Вульгарным нашла я то, что женщина в присутствии жены художника, выставяющего свои картины, так по-обывательски высказывалась. Правда и то, что я уж в тысячный раз не смогла сдержаться. <...> Но меня больно задело, что ваша жена не поняла меня. Моя неправота состояла в том, что после всего я не поддержала Вашу жену, о чем сожалею, так как расположена к ней. <...>

*Ваш честный
Принц Фиванский*

В ответе из Зиндельсдорфа 21.01.1913 Эльза находит уверения в том, что их дружеские отношения ничто не поколебало.

Дорогой Принц,

... наши добрые пожелания ежечасно сопутствуют Вам.

Сердечный привет от нас обоих,

синий Всадник

Подлинность их дружеских отношений утверждается теперь Эльзой в соответствии с ее ролью Иосифа – Юсуфа новым именем для Франца: Рувен. Библейский Рувен – сводный брат Иосифа. Единственный из сыновей Иакова Рувен не участвовал в вероломном сговоре братьев против Иосифа, любимца отца.

Письмо из Мюнхена в конце января 1913 доносит мощный импульс нового состояния Эльзы, той ее поэтической стихии, в которой реаль-

ность переплетается с вымыслом. Об этом свойстве творчества Эльзы Ласкер-Шюлер писал литературный критик Макс Фишер: «Ни один биограф и ни один психолог не в состоянии разделить здесь правду и поэтическую фантазию. Эта женщина сочиняет свою жизнь и проживает свое сочинение».

Письмо Эльзы обращено к Маркам и к художнику Генриху Кампендонку, живущему в это время в Зиндельсдорфе:

*Рувен чудный, Марейя и Генрихдонк,
так добры вы ко мне – и я постоянно с любовью думаю о вас. Я выздо-
равливаю, меня не будоражит больше моя воспаленная кровь.*

<...> И лев я вновь. Мое рычанье – здоровье и готовность к прыжку. Не пелось мне в вашей золотой клетке, не могла я, потому, что только рычать могу, замышлять охоту и ловить добычу.

Дорогой Рувен, Марейя, девочка! Ведь я же написала два стиха; они будут в журнале «Март». Главный редактор снова заказал мне роман (в письмах). И теперь могу я засесть и кляксы сажать и лица вырисовывать, и вам снова и снова раскрывать мою душу. <...>

Я люблю вас! Любовь же моя неистова – раздери в клочья. Но вас я люблю нежно. <...>

О, велико различие: Принцем Фиванским или же королем Юсуфом быть. Огромнейшая ответственность лежит на моих плечах. <...> А я не могу спать от упоения – звезды повисли у моих ресниц. Так ярки они, что я не могу спать. <...> Велика ответственность, – и сменил я нескольких министров. В одного я, честно, – но это между нами, – влюблен. Волосы его <...> цвета зеленоватого золота. <...> Что же вам еще писать?! – хочется расцеловаться, и с Генри Кампендонком – у него красивый рот упрямства, а в уголках – ежевика. <...>

Гутман предложил мне литературный вечер в Берлине¹. <...>

До свидания!

Юсуф, король

¹ Вечер Э. Л-Ш, организованный представителем концертного агентства Э. Гутманом, состоялся 9 февраля 1913 в Филармоническом зале Берлина.

В письмо Эльзы вложены копии двух новых ее стихов. Одно из них посвящено молодому поэту, врачу Готфриду Бенну. Вероятно, слова в письме о влюбленности «в одного министра» относятся к нему. Эльза Ласкер-Шюлер затем посвятила Бенну целый цикл стихов.

Ответ из Зиндельсдорфа приходят с картинкой, на которой Франц изобразил двух синих коней:

Большое спасибо, дорогая, за приветы и поцелуи, что Вы нам обоим прислали, и ежевичному рту нашего друга. Величайшая же благодарность за удивительно красивые стихи. Мы разведем сегодня благодарственную жертву (как истинные боги), чтобы отпраздновать Ваше выздоровление; сверх того, будет распито вино цвета волос Вашего любимого министра....

До скорого свидания. С рукопожатием и поцелуями от всех нас, синий Всадник и его Марейя, танцовщица при дворе короля Юсуфа

С «плача» Принца Фиванского о покидающей его поэзии началась переписка Эльзы Ласкер-Шюлер с Францем Марком. Он услышал тогда жалобу о тяжком недуге: «Скоро я совсем не буду способен писать стихи». Рецептов защиты от угасания «божественной искры» таланта нет. Но письма Франца Марка, в которых он чуток, артистически находчив, были целебной поддержкой от художника художнику. С пониманием отнеслась к этому Мария Марк. «Картинки» Франца Марка в его письмах – это миниатюрные дары большого искусства. От Франца Марка шла еще и очень действенная помощь Эльзе в период, когда ее материальное положение было особенно тяжелым. Так, в феврале 1913 по инициативе Ф. Марка была организована в Мюнхене выставка-продажа работ художников в пользу Э. Ласкер-Шюлер. В аукционе вместе с самим Марком участвовали Клее, Кокошка, Кубин, Кампендонк, Хеккель, Веревкина.

Год 1913 – время самой интенсивной переписки Эльзы Ласкер-Шюлер и Франца Марка. Часто это короткие, но всегда полные дружеской заинтересованности и сердечности послания.

Открытку с картинкой «Три пантеры короля Юсуфа» Эльза получает 6 февраля 1913 года в Мюнхене, где она совсем недавно виделась с Марками:

Дорогая подруга, счастливо-го пути! Сразу же пишите, как дела у Вас, все-все. <...>

Сердечный привет от нас обоих.

Ваш синий Всадник и Марейя

«Высокий стиль» ответа Эльзы передает ее восхищение Францем:

Высокоцитимый живописец Франц Марк, <...> никогда еще не создавали Вы картин такой прелести. Тигр, пантера, леопард – от Солнца взяли они свои цвета: ярко-голубой, цвет золота фараонов, гранатово-красный.

Бесконечно благодарна Вам и Марейе. <...>

Ваш Юсуф



«Три пантеры короля Юсуфа» 1913.
Тушь, акварель, гуашь

Чуть больше недели без писем от Эльзы – ей уже пишут 15 февраля:

Наилучшие пожелания из Зиндельсдорфа. Как живется в Берлине? Как дела у Вас? <...>

Ваш Франц Марк <...>

Продолжает Мария:

«Мы соскучились по письмецу. Как дела с „Вуппером“?»

Сердечно Ваша Марейя

Вопрос о пьесе Э. Ласкер-Шюлер «Вуппер», изданной в 1909 году, связан с планами ее постановки в Мюнхене.

Письмо, написанное Эльзой 17 февраля после приезда из Мюнхена, исполнено признательности Францу и Марии за их драгоценный талант сердца, за отзывчивость души <...>:

Вы милые, чудные, единственные зиндельсдорфские детки, вы так добры, так прекрасны. Вы – то Солнце, которого мне не хватало, которое смогло отогреть меня от ледяного холода.

Их письма порой встречаются где-то в пути, потому что пишут они друг другу одновременно.

Как молнии стремительны строки письма Эльзы из Берлина 23 февраля. Письмо пульсирует ритмами ее жизни, ее сердца:

*Дорогие королевские Сотоварищи,
навсегда Ваш
Юсуф
Забывать того нельзя, что вы для меня сделали, что вы приняли меня.*

Целую много-много раз. Ваш

Юсуф

*Книгу послала! (По просьбе Франца послана книга Ф. Верфеля)
Скоро письмо!
Безумно много работы.
Лучше!*

В тот же день, 23 февраля, из Зиндельсдорфа отправляется послание о неторопливой сельской жизни. Здесь картинка «Охотничьи трофеи Принца Фиванского»:

Милая подруга, отсутствие новостей – тоже хорошая новость. На это, по крайней мере, надеемся и кланяемся тысячу раз. У нас все прекрасно: весь день заняты живописью, и еще то едим, то спим, – сущие звери.

Ваш Франц М. и Марейя

Шутливо пишет Франц о жизни в Зиндельсдорфе. Однако именно в это время он в постоянном поиске новых средств выразительности живописи. Им были созданы картины, которые затем принесли ему известность: «Башня синих коней», «Судьба животных», «Спящая лошадь», «Конюшни», «Волки. Балканская война». Теперь картины эти – среди важнейших произведений экспрессионизма.

Эльза отвечает на лёгкий упрек в отсутствии вестей от нее объяснениями и извинениями даже перед Русселем, любимой собакой Франца:



Франс Марк. «Спящая лошадь», 1913. Музей Соломона Р.Гугенхайма, Нью-Йорк.



«Желто-лимонный конь и огненно-красный бык Принца Юсуфа», 1913.
Тушь, акварель, гуашь.

О, дорогие детки, милый белый Руссель,

я была больна, лежала с воспалением. Не думайте, что я забыла вас в неблагодарности. Юсуф не способен на это.

<...> Работы страшно много.

Юсуф

<...> В апреле буду снова в Мюнхене.

На почтовой открытке, отправленной 9 марта из Зиндельсдорфа с картинкой «Лимонно-желтый конь и огненно-красный бык Принца Юсуфа» в адресе получателя стоит: «Фрау Эльзе Ласкер-Шюлер, звездной поэтессе».

Открытка эта – весть о переживании земных дел и дел «небесных»:

Дорогой, добрый Принц, так приятно, что ты написал нашей маме, она очень обрадовалась¹.

В нашу спальню проникает мерцание такого множества звезд, что надо зажигать ночники. Мы счастливички! <...>

Поцелуй от твоих синих детей.

На следующий день, 10 марта, от Эльзы:

Синий всадник и Всадница сине-белокурая,
о, чудесные открытки; они все так хороши, <...> что и слов нет, самое прекрасное слово и то обидит. Надеюсь, я достойна красивых кар-

¹ Речь о матери Марии.

тин. 12-го ночью еду в Хаген, приглашена вместе в Паулем <...> Буду пять дней, затем в Кельн на поэтический вечер, после чего – домой. Очень устала от всяческой работы. <...>

Дивные открытки беру с собой в Хаген.

Карл Эрнст Остхауз (1874–1921), пригласивший Э. Ласкер-Шюлер на поэтический вечер в Хаген, сыграл значительную роль в признании искусства экспрессионизма. В Хагене, в созданном им Фолькванг-музее, проходили выставки художников-экспрессионистов.

В 1911 году здесь на выставке Франца Марка была впервые куплена его большая картина. Картина эта, «Красные кони», находится теперь в частной коллекции в США.

В рецензии на выступление Эльзы в Хагене отмечались проникновенная красота ее стихов, «мастерство владения поэтическим языком, позволяющее ей словом создавать неслыханно выразительные картины, которые воздействуют столь же сильно, как и искусства изобразительные».

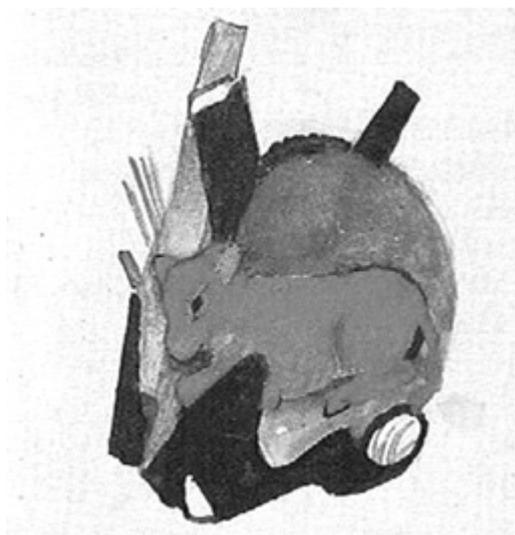
Марки не смогли быть с Эльзой в Хагене, так как должны были навестить в санатории больного отца Марии.

Эльза виделась с ними в Мюнхене в начале апреля 1913 на пути в Прагу, куда была приглашена с чтением своих стихов. Тепло встречи с Францем и Марией продлили две почтовые открытки: одна в Мюнхен, другая – в Прагу.

На первой – картинка с фигуркой маленького теленка. И послание:

Этот священный теленочек был найден спящим в саду у дворца в День восхождения на трон короля Юсуфа.

«Священный теленочек», 1913, гуашь, тушь.



Было очень приятно, что Вы и на вокзал пошли проводить нас. Так по сердцу это пришлось. <...> Многих радостей в Праге желают тебе твои Франц и Марейя-преданная

Об успехе в Праге Эльза сообщает из Берлина 10 апреля:

Вечер прошел великолепно. Зал был переполнен! <...> На мне были серебряные сапожки, синий Всадник, и шелковая блуза-рубашка. <...>

Потом расцеловались мы все так крепко, как мы трое тогда на вокзале. Твой и твоей Марейи Юсуф

На обратной стороне конверта:

Только что узнала, что в «Пане» замечательная рецензия о тебе. Ура!

Рецензия в журнале «Пан» была в связи с выставкой Ф. Марка в галерее «Штурм».

Посланная Эльзе в Прагу открытка, на которой изображен стремительно несущийся конь, уже не застала ее там. «Конь» следовал маршрутом Эльзы и явился к ней в Берлин с посланием:

Дорогая, это боевой конь Принца Юсуфа – страшно!
Привет, милая Сестра,

Франц и Марейя



«Боевой конь Принца Юсуфа», 1913.
Акварель, гуашь

Успех Коня во владениях Принца Юсуфа был триумфальным, о чем сообщалось:

*Дорогие Собратья и Друзья!
Это грандиозно! Превосходно!
Мой народ рвется во дворец – хочет видеть моего нового боевого коня.
По-императорски великолепно!
Я скачу верхом только на нем.*

Ваш Юсуф

В это время Эльза занята подготовкой к изданию в Лейпциге книги «Принц Фиванский». В ней вместе со своими иллюстрациями она с согласия Франца дает и его три работы. В письме Маркам, называя свои иллюстрации «рисунками-буквами», она считает их «простенькими» в сравнении с работами Франца. Однако имеет в виду и то, что как древнеегипетская иероглифическая письменность нераздельно связана с рисунком, так ее рисунки связаны с ее текстами. Эльзе важны были оценки и дружеские советы художников Франца и Марии. Она пишет им 30 апреля 1913 года <...> :

Мою арабскую книгу с иллюстрациями отправляю вскоре Вольфу. Не знаю, не нахальство ли, что вместе с моими «рисунками-буквами» посылаю твоих красочных звериных королей – такую роскошь. <...>

Ваш Юсуф

<...> Прислать для просмотра мои картинки-иероглифы?

Незамедлительно приходит ответ:

Конечно же, высылай нам твои иллюстрации и нарисуй-ка еще свой портрет, а также виды твоего Двора; сделаешь?

Твои дети целуют тебя

В начале мая 1913 года в Лейпцигском издательстве Курта Вольфа выходит книга Эльзы Ласкер-Шюлер «Лица», в которой эссе «В цирке» она посвящает Францу и Марии:

Моему дорогому синему Всаднику Францу Марку и его синей Всаднице.



Франц и Мария с Русселем в Зиндельсдорфе

AUS DEM BRIEFWECHSEL ELSE LASKER-SCHÜLERS MIT FRANZ MARC

Eine verkürzte Fassung dieses Materials finden Sie hier in der deutschen Sprache. In den Briefen ist die Schreibweise der Originale beibehalten.

Auf dem Titelblatt der Zeitschrift »Sturm« erschien im September 1912 ein Holzschnitt als Illustration zu dem Gedicht »Versöhnung« von Else Lasker-Schüler. Dieser wurde von einem Künstler der Münchener Gemeinschaft »Der Blaue Reiter« Franz Marc gefertigt.

Else Lasker-Schüler begann ihren Briefwechsel mit F. Marc in einer schwierigen Periode ihres Lebens. Nach der Scheidung von Herwarth Walden im November 1912 war sie mit ihren zahlreichen Problemen auf sich selbst zurückgeworfen: sie hatte keine festen Kontakte zu Verlagen, sie hatte kein stabiles Einkommen – und war ständig von Sorgen um ihren 13-jährigen Sohn erfüllt. Sie selbst empfand diese Situation als Entziehung ihrer Lebensgrundlage; ihre nervliche Anspannung ließ sie nicht los, und sie bekam Depression.

Einmal erinnerte sie, wie feinfühlig Franz Marc mit seiner Illustration ihre Dichtung behandelte. Sie schrieb an den Künstler unter ihrer dichterischen Maske des Prinzen von Theben, die ihr eine gewisse Distanz sicherte und gleichzeitig ihre innere Unruhe zum Ausdruck zu bringen verhalf.

<Berlin, 9 November 1912.>

Wertester Maler

Wenn ich nach München komme, (ich bin Jussuf der Prinz von Theben) soll ich Franz Marc besuchen? Die Blauen Reiter schenken Sie mir dann eine Stunde und ich bringe Ihnen bunte Steine mit. Ich habe viele Gedichte gedichtet, auch die Versöhnung – warum haben Sie die Versöhnung gezeichnet – sind Sie auch so schmerzlich verloren wie ich, daß ich keinen Weg mehr habe nur Schluchten. <...> Vielleicht fre ich mich wenn ich Sie seh nach all den Gesichtern groß und klein in Berlin ist alles Pein. Ich schreib meinem Verleger Heinrich Bachmair <...>, er soll Ihnen mein neues Buch schicken darin ist mein Selbstbildniss, das ist getroffen genau so ist meine Seele wenn sie in den Krieg zieht. Aber nun lieg ich im Zelt und bin so krank – vielleicht werd ich nie wieder gesund – immer muß ich weinen und bald bin ich gar nicht mehr fähig Gedichte zu schreiben. So verwundet bin ich, daß ich überall blute und zum Zeitvertreib zähl ich meine Blutstropfen. Und in einer Spelunke wohne ich – das ist mein Zelt vom Prinzen von Theben – <...> ich will es lieber nicht zeichnen. Also so sende ich Ihnen meine zwei letzten Bücher, und grüße Franz Marc und schreiben Sie mir Schönes über meine Bücher.

*der arme
Prinz von Theben
(Else Lasker-Schüler.)*

Am Ende dieses Briefes ist eine flüchtige Zeichnung zu sehen, die eine orientalische Stadt mit einer Mondsichel darstellt. Daneben steht »Theben«.

(Unter »Spelunke« ist ein kleines Zimmer in Berlin in der Humboldtstr. 13 gemeint.)

Else schreibt nach Sindelsdorf in Bayern, wo die beiden Künstler Franz Marc und seine Frau Maria leben.

In Sindelsdorf fand das Paar ländliche Schönheit und Stille, die sie für ihr Schaffen benötigten. Sie bekamen öfters Besuch von ihren Freunden, meistens waren es ebenfalls Künstler. Hier besprach Franz Marc mit Wassili Kandinsky wichtige Entwürfe für den bahnbrechenden Almanach »Der Blaue Reiter«

Anfang Dezember 1912 bekam Else von Franz Marc einen Brief mit seiner Zeichnung.

<7 Dezember 1912>

Der blaue Reiter präsentiert Eurer Hoheit sein blaues Pferd. Gruß von m. Gemahl, Euer Fz.M.

Dieser Brief ist gekennzeichnet durch inneren Takt sowie durch die unglaubliche Intuition des Künstlers. Der Stil, in dem Franz Marc seine Antwort an Lasker-Schüler verfasst, entspricht genau dem Stil Elses in ihrem Brief.

Mit dieser Antwort beginnt ein Briefwechsel sich zu entwickeln, in dem beide Adressaten kunstvoll Realität mit Spiel verbinden.

Ihre privaten Briefe nimmt man wie Teile eines einzigartigen Briefromans wahr. Dort findet man einen gefühlvollen Dialog, den eine expressionistische Dichterin mit einem expressionistischen Maler mit voller Offenherzigkeit führt. Die impulsiven, feurigen Zeilen der Else Lasker-Schüler decken ihre Lebensempfindung und ihre dichterische Eigenart auf. Darüber schrieb einmal der Literaturkritiker Max Fischer: »Kein Biograph und kein Psychologe wird hier Wahrheit und Dichtung zu scheiden vermögen: diese Frau dichtet ihr Leben und lebt ihre Dichtung«.

Die Postkarten, die Else von Franz bekam, enthielten neben seinen lakonischen, aber vielsagenden Mitteilungen immer auch unverwechselbare Zeichnungen oder Malkizzen seiner künftigen Gemälde. Die Bilder von F. Marc werden heute zu den bedeutendsten Werken des Expressionismus gezählt.

Dieser Briefwechsel schiebt ein wenig den Schleier beiseite, hinter dem ein aufregendes Terra incognita liegt, aus dessen Tiefen ausdrucksstarke Kunstwerke entstanden.

In ihren Briefen, d.h. dem Wesen nach, zeigen sich die Dichterin und der Maler wie Expressionisten. Deswegen ist es hier kein Terminus, sondern eine entstehende lebendige Erscheinung – Expressionismus.

Zu Weihnachten besuchte das Ehepaar Marc Marias Eltern in Berlin.
Bald bekam Franz einen Brief von Else Lasker-Schüler.

<Berlin, 9 Dezember 1912>

Der blaue Reiter ist da –

*ein schöner Satz, fünf Worte – lauter Sterne. Ich denke nun wie der Mond.
Wohne in den Wolken namentlich am Abend wenn Niemandwer mehr durch
die Straße geht. Ich denke nun wie die Mondscheibe, eingesunken, alle meine
Paläste starben und meine wilden Büffelheerden und zottigen Dromedare sind
ingescharrt in den Sand. Ich dämmere noch so hin – aber bevor dein Brief
kam, blauer Reiter, sauste es durch meinen Raum; (eine Spelunke),... meine
Augen taten mir weh, als ob dein süßes Pferd Staub gewirbelt hätte; komme zu
mir du und dein Gemahl, blauer Ritter, daß ich Euch liebe.*

Jussuf Prinz von Theben.

Nachfolgende Briefe wurden von ihr an Franz und Maria gesendet:

<Berlin, 15 Dezember 1912>

O, blauer Reiter,

goldene Reiterin,

*ich muß wohl sterben – wo soll ich 5 Tage schlafen wie ein Fakir das Le-
ben verlassen und es dann wieder überraschen oder überfallen? Bin auf einem
ewigstürmenden Meer; – seit vorgestern wieder kein Strand und würde selbst
landen bei Menschenfressern. So steht es um Euren Prinzen von Theben. Liebet
mich!*

*Wie Jesus von Nazareth auf dem Meer stand und nicht sank, stand er auf
seiner rauschenden Seele. <...> Ich muss jetzt immer sehr viel an Jesus von
Nazareth denken, der ein Urenkel Davids war.*

Jesus von Nazareth war blau – der Philister erträgt keine Farbe.

Lieber Reiter, liebe Reiterin, ich liebe Euch!

Jussuf.

Die Farbe Blau steht hier als Symbol für Himmel, und Jesus stellt sie der
Farblosigkeit der Philister gegenüber.

Auf solche Art setzt Lasker-Schüler Geistigkeit dem Spießertum entgegen.

Zum Neuen Jahr bekam Else eine Glückwunschkarte von Franz.

<Berlin, 1 Januar 1923>

»Der Turm der blauen Pferde«

Vielen, vielen Dank, liebe Freundin, für die schönen Bücher und die Widmung und den Gruß an meine Mareia.

<...> Gutes neues Jahr und Gruß an Paulchen

Ihr Fz.M. u. M.

Der Sohn Elses Paul (Paulchen) besuchte eine Privatschule in Odenwald. Seine Ferienzeit verbrachte er bei seiner Mutter in Berlin.

Auf der Postkarte, die Franz Marc an Else schickte, befindet sich eine Malsskizze für sein späteres Gemälde »Der Turm der blauen Pferde«, das nachher zum großen Ruhm gelangen wird. Franz Marc war sehr tierlieb, er stellte Tiere immer wieder in seinen Werken dar und vertrat die Meinung, dass sie reiner und schöner als Menschen wären. Er war jedoch kein gewöhnlicher Tiermaler. Mithilfe einer bestimmten Metapher und der Farbsymbolik gelang es ihm, mit seinen kaum naturalistisch zu nennenden Tiergestalten seinen Vorstellungen von der Welt Ausdruck zu verleihen. Die blauen Pferde mit Sternen und Mondsicheln auf dem Körper sind als besondere Himmelsboten gedacht.

Ihnen ist eine zugespitzte Empfindsamkeit eigen. Im Emporstreben dieser wunderschönen Pferde ist eine symbolische Andeutung auf Vergeistigung zu sehen.

Wie wertvoll war dieses Geschenk für Else!

Am 4. Januar schrieb die Dichterin an Franz und Maria eine Postkarte mit einer Einladung ins Cafe »Josty«, um sie mit ihren Freunden – ebenfalls Schriftstellern – bekannt zu machen. Dorthin kamen der in Elberfeld geborene Peter Baum sowie Paul Zech, mit dem Else ebenfalls seit ihrer Elberfelder Zeit befreundet war, und Hans Ehrenbaum-Degele, von Else Tristan genannt.

Mit dieser Postkarte teilte Else ihnen auch mit, dass Paul bereits nach Odenwald abgereist war und sie aus diesem Grund die Einladung des Ehepaars Marc zu einer gemeinsamen Fahrt nach Sindelsdorf annehmen konnte.

Franz Marc schrieb aus Berlin an W. Kandinsky: »Wir erleben hier viel, auch Erlebnisse, die uns glücklich machen. Wir haben hier einen prachtvollen Menschen gefunden: Else Lasker-Schüler, sie wird wahrscheinlich für ein paar Wochen im Januar nach Sindelsdorf kommen, worauf wir uns riesig freuen. Diese kurze lakonische Nachricht wird sicher in Ihnen tausend Fragen erwecken, – Fragen, die nicht in einem Brief beantwortet werden können, da sie ganze Romane in sich schließen.«

Am 6 Januar begaben sie sich zu Dritt nach Sindelsdorf.

LITERATUR (AUSWAHL)

1. Else Lasker-Schüler/Franz Marc. *Mein lieber, wundervoller blauer Reiter. Privater Briefwechsel.* Artemis und Winkler, 1998.

2. Bauschinger Sigrid. *Else Lasker-Schüler. Eine Biographie.* Göttingen, 2004.

3. Else Lasker-Schüler. *Marbacher Magazin* 71/1995.

4. Else Lasker-Schüler. *Die Gedichte.* Suhrkamp, 1997.

5. Annegret Hoberg. *Franz und Maria Marc.* Prestel, 2004.
Literatur (Auswahl)

Heide
RIECK
Хайде
РИК

SIEH IN MEIN VERWANDERTES GESICHT

*Zum 75. Jahrestag der Bücherverbrennung
in Bochum am 9. Juni 2008 im Z. f. S.*

*Ich fühle mein nacktes Leben,
Es stößt sich ab vom Mutterland,
So nackt war nie mein Leben,
So in die Zeit gegeben...*



rundgefühl der Else Lasker-Schüler, in ihrem 21. Jahr zum Tod der Mutter in Verse gekleidet, wird sie begleiten, ihr Leben lang.

Am 11. Februar 1869 als letztes von sechs Kindern einer jüdischen Bankiersfamilie mit christlich-jüdischem Bildungsgut in Elberfeld bei Wuppertal geboren, ist Elisabeth erlaubt *bei Tisch neben der Mutter zu sitzen.*

Behütet, geliebt.



ВГЛЯДИСЬ В ЛИЦО МОЁ ЧУЖОЕ

К 75-летию сожжения книг в Бохуме

*Я чувствую, как моя обнажённая жизнь
Отчаливает от материнского берега.
Такой обнажённой не была моя жизнь никогда,
Как в эти мгновенья...*

Сиротство – вот главное чувство, которое выразила 21-летняя Эльза Ласкер-Шюлер в стихах, написанных на смерть её матери, и которое будет сопровождать её всю жизнь.

11 февраля 1869 года в городе Эльберфельде, нынешнем районе Вупперталя, в еврейской семье банкира, верной духу еврейско-христианских традиций, родилась девочка Элизабет, которой было позволено сидеть за столом рядом с матерью.

Защищена. Любима.

Любовь – источник её жизнедеятельности и творчества, как и чувство юмора, присущее её отцу, и глубокая вера деда-раввина.

Die Liebe ist der Quell all ihrer Lebens- und Schaffenskraft. Aber auch der Humor, den der Vater verströmt, und der tiefe Glaube des Großvaters, eines Rabbiners.

Else Lasker-Schüler hinterließ ein umfassendes Werk von Gedichten, Erzählungen, Novellen, Romanen, Essays und Theaterstücken, geprägt von christlich-jüdischem und von jüdisch-arabischem Gedankengut voller Bilder – expressionistisch und zunehmend orientalisches – in deutscher Sprache.

Mit elf Jahren erkrankt das hochsensible Kind an Epilepsie und muss das Lyzeum verlassen, wird von auserwählten Hauslehrern unterrichtet, ist musikalisch und sprachbegabt, zeichnet hervorragend und schreibt, wird beides ihr Leben lang tun.

Wir wohnten am Fuß des Hügels, notiert sie in Konzert: < . . . > steil auf ging's von dort in den Wald. Wer ein rotes, springendes Herz hatte, war in fünf Minuten bei den Beeren. Sonntags kamen ganze Familien vom Berge gestiegen, an unserem Haus vorbei < . . . > Ich bin immer so stolz auf unseren großen Wald gewesen, in den man, ob man's wollte oder nicht, beim Heraufklettern der Sadowastraße hineinblicken musste. An ihrem Fuße lag mein Elternhaus < . . . > Immer strömte aus dem Wald frischer, grüner Atem und kräftigte die Lunge < . . . > Wenn die Gewitter kamen von den vier Himmelsrichtungen, die schwarzgezückten Reiter nahten, setzte sich meine teure Mama auf den Balkon, der zwischen Osten und Westen frei zu schweben schien. So war's einem. In einem kleinen Nischen glaubte man zu sitzen zwischen den Luftwellen; das bewog meine Mutter zum Einsteigen...

Else ist 21 Jahre, als die geliebte Mutter stirbt, und verliert ihren Halt.

Vier Jahre darauf heiratet sie den Arzt Dr. Berthold Lasker aus Berlin und folgt ihm in diese *starke und furchtbare Stadt*. Hier richtet Lasker seiner jungen phantasiebegabten und zeichnerisch hoch talentierten Frau ein Maler-Atelier im Tiergartenviertel ein.

Doch bald (3 Jahre nach der Hochzeit) reißt ein Sturm der Gefühle sie fort aus der bürgerlichen Geborgenheit. *Alkibiades de Rouan* nennt sie ihren Geliebten:

Эльза Ласкер-Шюлер оставила огромное наследие: написанные на немецком стихи, рассказы, новеллы, романы, эссе и театральные пьесы, насыщенные экспрессионистскими, преимущественно ориентальными образами, в которых чувствуется влияние христианско-еврейской и еврейско-арабской культур.

В 11 лет у чувствительной девочки обнаруживают эпилепсию, и она вынуждена оставить лицей, продолжая домашнее образование под руководством лучших преподавателей. Девочка очень музыкальна, способна к языкам, замечательно рисует и пишет – эти способности определяют в дальнейшем её жизнь.

«Мы жили у подножия холма, – вспоминает она в книге «Концерт» (эссе и лирика), – тропинка поднималась оттуда в лес. Если в твоей груди бьётся горячее сердце, то уже через пять минут ты оказываешься у кустарников с ягодами. По воскресеньям целые семьи спускались с гор, проходя мимо нашего дома <... > Я всегда так гордилась нашим огромным лесом, в котором, желая того или нет, ты мелькал, взбираясь по осыпи над Садовайттрассе, где стоял родительский дом <... > Лес постоянно источал свежее зелёное дыхание, укрепляющее лёгкие <... > Когда с четырёх сторон неба собиралась гроза и чёрные мерцающие рыцари туч приближались, моя дорогая мама садилась на балкон, чтобы испытать чувство свободного полёта между Востоком и Западом. Так было с каждым. На короткое мгновение тебе казалось, что ты находишься между волнами воздуха; это давало моей маме ощущение парения...»

Эльзе исполняется 21 год, когда она теряет любимую мать и опору в жизни.

Die Sadowastraße 7. Das Haus der Familie Schüler.

Садовайттрассе 7. Дом семьи Шюлер.



*Ich wollte, Du und ich, wir würden uns verzweigen,
Wenn sonnentoll der Sommertag nach Regen schreit
Und Wetterwolken bersten in der Luft!
Und alles Leben wäre unser Eigen;
Den Tod selbst rissen wir aus seiner Gruft
Und jubelten durch seine Schweigsamkeit!*

.....

*Ich folge Dir ins wilde Land der Sünde
Und pflücke Feuerlilien auf den Wegen,
Wenn ich die Heimat auch nicht wiederfinde...*

Der Geliebte aber, für den sie alles aufgibt (niemand kennt seinen Namen), verschwindet, und Else nennt das Kind dieser Liebe *Paul*, verlässt den Ehemann. Fünf Jahre lang lebt sie in bitterster Armut in einem Kellerraum.

*Ich will in das Grenzenlose
Zu mir zurück,
Schon blüht die Herbstzeitlose
Meiner Seele,
Vielleicht – ist's schon zu spät zurück!
O, ich sterbe unter Euch!
Da ihr mich erstickt mit Euch.
Fäden möchte ich um mich ziehn –
Wirrwarr endend!
Beirrend,
Euch verwirrend,
Um zu entfliehen
Meinwärts!*

Der Dichtervagabund Peter Hille führt Else Lasker-Schüler in der Künstlerkolonie *Neue Gemeinschaft* in Berlin-Schlachtensee ein, wo sie eine Unterkunft erhält und zu neuem Selbstbewusstsein findet.

Спустя четыре года выходит замуж за берлинского врача – доктора Бертольда Ласкера – и уезжает с ним в этот «властный и опасный город». Здесь, в районе Тиргартен, доктор Ласкер оборудует для своей молодой талантливой жены художественное ателье.

Но вскоре, спустя три года после свадьбы, вихрь чувств вырывает её из мещанского благополучия. Алкивиадом Руана называет она своего возлюбленного:

*Хочу, чтоб мы с тобой ветвями стали
В тот жаркий день, когда колокола дождь призывают
И с треском грозовые облака взрывают воздух!
Вся жизнь принадлежит лишь нам;
Мы смерть саму поднимем из гробницы,
Восторжествуем над её молчаньем!*

.....

*И если родину я вновь не обрету,
То в дикий край греха отправлюсь за тобой,
Чтоб огненные лилии срывать на тех путях...*

Но любимый, ради которого она всё бросает (имя его осталось неизвестным), исчезает. Эльза называет ребёнка, рождённого от этой любви, Паулем и расстаётся с мужем. Пять лет живёт в подвале – в безысходной бедности.

*Я вернуться хочу
В беззапретность свою.
Отцветает душа моя,
Не знавшая осени.
Но, наверное, поздно...
О, гибну я среди вас!
Не даёте дышать.
На себя я хотела б все нити стянуть,
Чтобы разом покончить со всем!*

*Es treiben mich brennende Lebensgewalten,
Gefühle, die ich nicht zügeln kann,
Und Gedanken, die ich zu Form gestalten,
Fallen mich wie Wölfe an...*

HEIMWEH

*Ich kann die Sprache
Dieses kühlen Landes nicht,
Und seinen Schritt nicht gehen.*

*Auch die Wolken, die vorbeiziehn
Weiß ich nicht zu deuten.*

Die Nacht ist eine Stiefkönigin.

*Immer muß ich an die Pharaonenwälder denken
Und küsse die Bilder meiner Sterne.*

*Meine Lippen leuchten schon
Und sprechen Fernes,*

*Und bin ein buntes Bilderbuch
Auf deinem Schoß.*

*Aber dein Antlitz spinnt
Einen Schleier aus Weinen.*

*Meinen schillernden Vögeln
sind die Korallen ausgestochen,*

*an den Hecken der Gärten
Versteinern sich ihre weichen Nester.*

Внезапно,
С толку сбить вас,
И уйти
Дорогой своей.

Авангардистская студия Петера Хилле приводит Эльзу Ласкер-Шюлер в Колонию Художников Нового Сообщества в Берлине-Шлахтензее, где она получает поддержку и заново обретает себя.

Властные, жгучие силы гонят меня -
Чувства, которые мне обуздать не дано,
И мысли, обретшие форму,
Терзают меня, словно волки...

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Мне чужд язык
Страны холодной этой,
Мне с ней не по пути.

Её густые облака
Не значат ничего.

Ночь – королева-мачеха.

Лесами фараонов грежу,
Целую изображенья звёзд родных.

Мои светящиеся губы
Безмолвно шепчут вдаль.

Я – цветная книга,
Что на твоих коленях.

*Wer salbt meine toten Paläste –
Sie trugen die Kronen meiner Väter,
Ihre Gebete versanken im heiligen Fluß.*

Und immer wieder:

MEIN KIND

*Mein Kind schreit auf um Mitternacht
Und ist so heiß aus dem Traum erwacht
Wie meine sehrende Jugend.*

*Gäb' ihm so gern meines Blutes Mai,
Spräng' nur mein bebendes Herz entzwei.*

*Der Tod schleicht im Hyänenfell
Am Himmelsstreif im Mondeshell.*

*Aber die Erde im Blütenkeusch
Singt Lenz im kreisenden Weltgeräusch.*

*Und wunderschüß küßt der Maienwind
Als duftender Bote mein Kind.*

Der erste Gedichtband *Styx* erscheint 1902 und damit der literarische Durchbruch. Im selben Jahr folgt der Lyrikband *Der siebente Tag*, und die Schaffenskraft wächst und sprudelt vor Wortschöpfung, und neben die Verse von Melancholie und der Sehnsucht nach Liebe treten die von Humor:

GROTESKE

*Seine Enehälfte sucht der Mond,
Da sonst das Leben sich nicht lohnt.*

*Из слёз моих
Душа твоя ткёт шлейф.*

*А стаи знакомых пёстрых птиц
В кораллах проклевали дыры.*

*Шары их нежных гнёзд среди плодов
В садах окаменели.*

*Оплачет кто дворцов моих руины,
Короны моих отцов?
Молитвы их покоятся на дне святой реки.*

И снова:

Моё дитя

*Ребёнок мой заплакал в полночь,
Он так горяч со сна,
Как юность улетевшая моя.*

*Дала бы с радостью ему цветенье мая,
Биенье сердца моего.*

*В небесных тропах при луне
Крадётся смерть гиеной.*

*Но в девственном цвету Земля,
И утопает весна в круговороте звуков.*

*И майский ветер – благоухащий посланник –
Моё дитя целует нежно.*

Первый сборник «Стикс» выходит в 1902 году и становится литературным прорывом. В этом же году следует сборник лирики «День седь-

*Der Lenzschalk springt mit grünen Füßen
Blüh-hei-lala über die Wiesen.*

*Steif steht im Teich die Schmackeduzie,
Es sehnt und dehnt sich Fräulein Luzie.*

Hille nennt die Dichterin den *Schwarzen Schwan Israels*, eine *Sappho*, der die Welt entzwei gegangen ist, und der unbestechliche Sprachkritiker Karl Kraus aus Wien, der sich zuweilen in Berlin aufhält, sieht in ihr *die stärkste und unwegsamste lyrische Erscheinung des modernen Deutschland* und veröffentlicht ihre Gedichte in seiner Wiener Zeitschrift *Die Fackel*.

Längst hat sich Else Lasker-Schüler in einer Traumwelt eingesponnen und erobert kühn als eine der wenigen Frauen unter Künstlern einen Platz auf der Bühne Berlins.

Sie tritt in weiten weichen Hosen auf, in Pluderhosen, und seidenen Kitteln, spielt auf der Blockflöte, liebt es sich mit Armbändern, Ketten und Glocken zu behängen. Sie ist eine stadtbekannte Erscheinung. Sie provoziert, wird gefeiert, hat Erfolg.

Diese knabenhafte Gestalt mit dem tiefschwarzen, kurz geschnittenen Haar und den glühenden Augen begeistert nicht nur die Gäste der Berliner Künstlercafés, sondern verzaubert auch die Freunde. Oft erhalten sie ein Gedicht aus ihrer Feder und neue, phantastische Namen. Sie wollte *die Leute alle verkleiden, damit ein Spiel zustande kommt*.

Nennt sich selbst *Tino von Bagdad* oder *Jussuf, Prinz von Theben* (Jussuf: der arabische Name für den biblischen Josef, den seine Brüder preisgeben und verraten) und tritt als eine der Personen auf, die sie zuvor in einer Geschichte, in einem Gedicht erschuf.

Karl Kraus erhält den Namen *Dalai Lama*, Franz Werfel heißt *Prinz von Prag*, Gottfried Benn *Giselher der Barbar*. Franz Marc, *Der blaue Reiter Ruben*, widmet ihr einen Zyklus von Zeichnungen.

Für Georg Trakl, den *Ritter aus Gold*, schreibt sie 1914 den Nachruf, *Georg Trakl erlag im Krieg von eigener Hand gefällt. So einsam war es in der Welt. Ich hatt ihn lieb*.

Den Musiker Georg Levin nennt sie *Herwarth Walden* und heiratet ihn 1903.

мой». Растёт потенциал, бурлит созидательная деятельность и рядом с меланхоличными стихами, полными тоски о любви, появляются стихи, окрашенные юмором:

ГРОТЕСК

*Ждут жёны новый месяц ясный,
Ведь без него вся жизнь напрасна.*

*Весенний бум обрушил вдруг
Цветенье буйное на луг.*

*Как ангел сахарный на блюдце –
В пруду застыла фройляйн Люци.*

(Вольный перевод Татьяны Излевой)

Хилле называет поэтессу «Чёрным Лебедем Израиля», «Сафо, которая мир пополам расколола», а неподкупный венский литературный критик Карл Крауз, посещавший время от времени Берлин, видит в ней «сильнейшее и непостижимое» поэтическое явление немецкого модернизма и публикует её стихи в своей венской газете «Факел».

Эльза Ласкер-Шюлер чувствует себя уверенно в мире искусства, и ей, одной из немногих женщин, удаётся занять место на сцене берлинской культурной жизни.

Она выходит в широких мягких брюках, шароварах, в шёлковых кителях, играет на блокфлейте, украшает себя многочисленными браслетами, цепями, колокольцами – становится городским явлением, провоцирует, празднует, пользуется успехом.

Этот мальчишеский стиль – короткие, чёрные волосы, горящие глаза – очаровывает не только гостей берлинских богемных кафе, но завораживает и друзей. Они часто получают в подарок стихи из-под её пера и новые фантастические имена.

Ей хотелось бы «всех людей обрядить, чтоб игра начаться могла».

Себя же она называет Тино из Багдада или Юссуф, принц фон Тэбен (Юссуф: арабское имя библейского Ёзефа, которого бросили и жесто-

Unter seinem neuen Namen (den Levin für immer beibehalten wird) gibt Walden die Zeitschrift *Der Sturm* (auch Lasker-Schülers Einfall!) heraus und wird somit zum großen Förderer der expressionistischen Kunst.

Nach neun kreativen Jahren zerbricht die Ehe, 1912 – Walden wandte sich anderen Frauen zu – und während um sie herum Berlin im Tanz auf dem Vulkan brodelt, beginnt für Lasker-Schüler die Leidenszeit.

Und ist sie auch mit den großen Malern ihrer Epoche befreundet, neben Franz Marc mit George Grosz, Oskar Kokoschka und vielen anderen und Schriftstellern wie Heinrich und Julius Hart, Karl Kraus, Gottfried Benn, Erich Mühsam, Theodor Däubler, Ernst Toller, René Schickele, Wieland Herzfelde, Paul Robert Zech, Richard Dehmel, gelingt es dieser Dichterin nicht ein dauerhaftes Glück in der Liebe zu finden, dem Quell ihres Seins und Schaffens.

Für Jahre ist ihr Sohn Paul der einzige, dem sie all ihre Liebe und Fürsorge schenken kann. *Du weißt doch*, heißt es in einem Brief an Walden, was ich von der Liebe halte: *Wäre sie eine Fahne, ich würde sie erobern oder fallen.*

Seit ihrer Scheidung hat sie keine Wohnung mehr, schläft in billigen Zimmern, manchmal auf einer Parkbank, in Hotels und schreibt an einem Tisch im Café des Westens oder im Romanischen Café.

Als einer der Stammgäste sie im Café des Westens beleidigt, ohrfeigt der junge Wieland Herzfelde den Mann (später wird er den Malik-Verlag gründen). Herzfelde wird des Lokals verwiesen. Else Lasker-Schüler erhebt sich – mit ihr die anderen Künstler – und geht hinaus. Das Café des Westens hat seine Rolle als Treffpunkt für die Berliner Bohème für immer ausgespielt.

Karl Kraus ruft zu Spenden für die Schriftstellerin auf, als sie durch ihre Anklageschrift *Ich räume auf* (gegen die Verleger als Ausbeuter der Schriftsteller) vereinsamt und verarmt. Es kommen mehrere tausend Reichsmark zusammen.

Doch leider zerbricht die Freundschaft zu Kraus bald darauf; denn er weigert sich Elses Sohn Paul als großen Künstler anzuerkennen.

Im Jahr 1927 stirbt Paul – mit 28 Jahren an Lungentuberkulose.

Die Denktafel

Памятная доска:

«В этом доме провела детство и юность великая немецкая поэтесса ЭЛЬЗА ЛАСКЕР-ШЮЛЕР (родилась в 1869 году). Скончалась вдали отсюда в Иерусалиме 22.01.1945»



ко предали братья), и выступает в образе, ранее созданном ею в стихах и новеллах.

Карл Крауз получает имя Далай Лама, Франц Верфель зовётся Принц фон Праг, Готтфрид Бен – Гизельхеер дер Барбар.

Францу Марку – голубому всаднику Рубену – она посвящает цикл рисунков.

Для Георга Тракля, Золотого Рыцаря, пишет в 1914 году посвящение: «Георг Тракль пал на войне от собственной руки. Так был он в этом мире одинок. Я так его любила».

Музыканта Георга Левина Эльза называет Хервард Вальден и в 1903 году выходит за него замуж.

Под этим псевдонимом, ставшим его новым именем (по документам он по-прежнему Левин) Вальден издаёт газету «Der Sturm» («Буря») и становится самым значительным пропагандистом экспрессионизма в искусстве.

В 1912-ом после творчески плодотворных девяти лет брак распадается. Вайден сближается с другими женщинами, и в то время как Берлин вокруг неё бурлит, подобно танцу на вулкане, для самой Ласкер-Шюлер наступает время тяжёлых испытаний.

Несмотря на то что она состоит в дружбе с такими большими художниками её эпохи, как Франц Марк, Георг Гросс, Оскар Кокошка, и такими писателями, как Генрих и Юлиус Харт, Карл Крауз, Готтфрид Бенн, Эрих Мюзам, Теодор Дойблер, Эрнст Толлер, Рене Шикеле, Виланд Херцфельде, Пауль Роберт Цех, Рихард Демель, поэтессе не удаётся найти долгосрочное счастье в любви – источнике её бытия и творческих достижений.

UND SUCHE GOTT

*Ich habe immer vor dem Rauschen meines Herzens gelegen,
Nie den Morgen gesehen,
Nie Gott gesucht.
Nun aber wandle ich um meines Kindes
Goldgedichtete Glieder
Und suche Gott.*

*Ich bin müde vom Schlummer,
Weiß nur vom Antlitz der Nacht.
Ich fürchte mich vor der Frühe,
Sie hat ein Gesicht
Wie die Menschen, die fragen.*

*Ich habe immer vor dem Rauschen meines Herzens gelegen;
Nun aber taste ich um meines Kindes
Gottgelichtete Glieder.*

An Pauls Grab steht der 26-jährige Gottfried Benn neben der inzwischen 58-jährigen Else Lasker-Schüler, die jedoch – ewig jung – sich 43-jährig ausgibt. Kurz ist die Leidenschaft, sie endet bitter.

GEBET

*Ich suche allerlanden eine Stadt,
Die einen Engel vor der Pforte hat.
Ich trage einen großen Flügel
Gebrochen schwer am Schulterblatt
Und in der Stirne einen Stern als Siegel.*

*Ich wandle immer in die Nacht...
Ich habe Liebe in die Welt gebracht –
Daß blau zu blühen jedes Herz vermag,
Und hab ein Leben müde mich gewacht,
In Gott gehüllt den dunklen Atemschlag.*

Долгие годы её сын Пауль единственный, кому она дарит любовь и заботу.

«Ты же знаешь, – пишет она в одном из писем Вальдену, – как я понимаю любовь: будь она знаменем, я его либо завоюю, либо уроню».

С момента развода у неё больше нет жилья, она спит в дешёвых ночлежках, иногда даже на скамейке в парке отеля; пишет, устроившись за столиком в кафе «Западное» или «Романское». Когда один из гостей «Западного» кафе её обижает, молодой Виланд Херцфельде (позже он станет основателем издательства «Малик») отвечает обидчику пощёчной, за что получает запрет на посещение этого заведения. Эльза, а с нею и остальные художники, поднимаются и покидают любимое кафе.

Кафе «Западное» навсегда теряет свой статус места встреч Берлинской богемы.

Когда Эльза, оставаясь в нищете и одиночестве, подаёт иск в суд на издателя, ограбившего её («Я расчищаю»), Карл Крауз призывает к добровольным пожертвованиям в помощь писательницы. Ей были пожертвованы несколько тысяч марок. Однако их дружба с Краузом, к сожалению, распадается из-за того, что тот отказывается признать сына Эльзы талантливым художником.

В 1927 году 28 лет от роду Пауль умирает от туберкулёза лёгких.

В поисках Бога

*Я всегда жила по велению сердца,
Не заботясь о завтрашнем дне,
Не тоскую о Боге.
Но золото строк, посвящённых сыну,
Превратилось в планер,
И я ищу Бога.*

*Я устала жить в полусне,
Мне знаком только облик ночи.
Боюсь рассвета
С ликом людей,
Задающих вопросы.*

O Gott, schließ um mich deinen Mantel fest;
Ich weiß, ich bin im Kugelglas der Rest,
Und wenn der letzte Mensch die Welt vergießt,
Du mich nicht wieder aus der Allmacht läßt
Und sich ein neuer Erdball um mich schließt.

1932 erhält sie den Heinrich-von-Kleist-Preis.

Im März 1933 wird eins ihrer drei Theaterstücke, *Arthur Aronymus und seine Väter*, ein Denkmal für ihren Vater und auch für die Verfolgung der Juden, im Berliner Schiller-Theater – kurz vor der Generalprobe – von den Nazis abgesetzt.

Hellsichtig der Text:

Unsere Töchter wird man verbrennen auf Scheiterhaufen. Nach mittelalterlichem Vorbild! Der Hexenglaube ist auferstanden. Aus dem Schutt der Jahrhunderte. Die Flamme wird unsere unschuldigen Schwestern verzehren...

1936 wird das Drama in Zürich uraufgeführt. Thomas Mann erscheint zur Premiere.

Weitere Theaterstücke:

Die Wupper, ein realistisch-poetisches Drama zwischen Arbeitermilieu und Fabrikantenfamilie aus der Kindheit, 1909 erschienen, kam 1919 – zur Blütezeit der Lasker-Schüler – in Berlin zur Uraufführung.

Ichundich aus dem Nachlass, 1941 von der Autorin im Berger-Club von Jerusalem vorgestellt, erschien erst 1970 und erlebte 1979 in Düsseldorf seine Uraufführung. Der Text und mit ihm der Teufel, angesichts der Hitlerwelt kapitulierend, lehnt sich an Goethes *Faust*.

Vor der Flucht in die Schweiz wird die Schriftstellerin auf offener Straße von SA-Männern mit einer Eisenstange niedergeschlagen.

In Zürich irrt sie durch die Nacht (auch dies eine der vielen Legenden, die sich um die Lasker-Schüler spinnen?), schläft auf einer Parkbank ein und wird wegen Landstreicherei festgenommen.

So erfährt die Schweizer Öffentlichkeit von der deutschen Dichterin, und die Dichterin erfährt in der Schweiz von der öffentlichen Verbrennung ihrer Bücher.

*Я всегда жила по велению сердца,
Пока не прикоснулась
К плану сына,
Излучающему Божественный свет.*

На могиле Пауля рядом с 26-летним Готтфридом Бенном стоит 58-летняя Эльза Ласкер-Шюлер, которая, оставаясь вечно молодой, выдаёт себя за 43-летнюю.

Страсть коротка и конец её горек.

МОЛИТВА

*Повсюду я разыскиваю град,
Где ангел на часах стоит у врат.
Громаду крыл его бескровных
Я на плечах несу, как клад.
Его звезда – меж дуг моих надбровных.*

*Привычна мне ночная мгла.
Любовь как дар я миру принесла,
Чтобы вдохнуть биенье жизни в плоть.
Бессонницей себя я извела,
Но каждый вздох мой охранял Господь.*

*Господь, покров твой – мой надёжный дом.
Я – донный слой в бокале шаровом.
Когда ты всех навеки успокоишь,
Меня не бросишь в хаосе пустом
И новый шар вокруг меня построишь.*

(Пер. А. Парина)

В 1932 году Эльза Ласкер-Шюлер получает Премию Генриха фон Клейста (Heinrich-von-Kleist-Preis).

В марте 1933 года одна из трёх её пьес «Артур Аронимус и его отец», посвящённая памяти её отца и проблеме преследования евреев, была

Aus der Heimat verstoßen, wendet sie sich in ihren Prosaschriften und Gedichten noch tiefer dem jüdischen Glauben und der altjüdischen Tradition zu.

1934 bricht sie auf – mit Unterstützung des Jüdischen Kulturbundes – zu einer Reise nach Palästina.

Drei Jahre drauf die zweite Reise. Der Prosaband *Das Hebräerland* folgt, Lasker-Schülers Vision von einem friedlichen Zusammenleben zwischen Juden und Arabern.

1938 entziehen die deutschen Behörden der Schriftstellerin die Staatsbürgerschaft.

1939 reist Else Lasker-Schüler zum dritten Mal nach Palästina. Als sie jedoch nach Zürich zurückkehren will, verweigert die Schweiz ihr die Einreise.

Nun ist sie 70 Jahre alt, einsam – in einem kargen Zimmer zur Miete in Jerusalem.

DAS LIED MEINES LEBENS

*Sieh in mein verwandertes Gedicht ...
Tiefer beugen sich die Sterne
Sieh in mein verwandertes Gesicht.*

*Alle meine Blumenwege
Führen auf dunkle Gewässer,
Geschwister, die sich tödlich stritten.*

*Greise sind die Sterne geworden ...
Sieh in mein verwandertes Gesicht.*

Zwar hat sie ein Einkommen, der Verleger Salomon Schocken und die Jewish Agency unterstützen sie, doch wird sie von Heimweh geplagt – nach Zürich, nach ihrer Kindheit, ihrer Familie und deren Orten und nach den alten Freunden.

Nie hat sie mit Geld umgehen können. Es zerrinnt in ihren Händen. Sie lädt Kinder ein und nimmt sie mit ins Kino. Schaut jeden Film zwei-, dreimal an.



Theater in Wuppertal:

Die Uraufführung der »Wupper« fand 1919 in Berlin in Max Reinhardts Deutschem Theater statt. 1966 wurde in Wuppertal mit dem Schauspiel Die Wupper von Else Lasker-Schüler ein neues Schauspielhaus eröffnet. Auf dem Photo ist der Anschlag des weltberühmten Tanztheaters Pina Bausch zu sehen.

Театр в Вуппертале:

Премьера спектакля «Вуппер» состоялась в 1919 году в Берлине в Немецком театре Макса Рейнхардта. В 1966 году пьесой Эльзы Ласкер-Шюлер «Вуппер» был открыт новый театр на берегу Вуппера. На современном фото - афиша всемирно известного Танцтеатра Пины Бауш.

запрещена нацистами накануне генеральной репетиции в Берлинском театре Шиллера.

Прозрачен текст пьесы:

«Нашу дочь сожгут на костре. По примеру Средневековья! Охота на ведьм возродилась. Из обломков столетий. Пламя поглотит нашу невинную сестру...»

В 1936-ом драма была сыграна в Цюрихе. На премьере присутствовал Томас Манн.

Затем последовали пьесы: «Вуппер» – реалистично-поэтическая драма, в которой показан конфликт (из детства) между средой рабочих и семьёй фабрикантов; создана в 1909-м, поставлена в 1919-м в Берлине – период расцвета творчества Ласкер-Шюлер; драма «Я и Я», написанная позже, была представлена автором в Бергер-Клубе Иерусалима, впервые появилась в 1970-м и возродилась в 1979-м в Дюссельдорфе – текст, а с ним и образ Мефистофеля, в связи с капитуляцией гитлеровской державы, опирается на «Фауста» Гёте.

Und ist sie auch elend und fremd, und der Sprachteppich für immer entzogen, so schenkt das Schicksal ihr, der Verstoßenen und Entehrten, in dem von ihr verherrlichten *Hebräerland* noch einmal Glück und Verzweiflung, dieses Doppelgefühl der Liebe...

*Das ewige Leben dem, der viel von Liebe weiß zu sagen,
Ein Mensch der Liebe kann nur auferstehen!
Hass schachtelt ein! Wie hoch die Flamme auch mag schlagen!*

...und kraftvolle Gedichte reifen.

Der 5. Lyrikband *Mein blaues Klavier* erscheint 1943 in Jerusalem, gewidmet *Meinen unvergesslichen Freunden und Freundinnen in den Städten Deutschlands – und denen, die wie ich vertrieben und nun verstreut in der Welt, in Treue.*

WELTENDE

*Es ist ein Weinen in der Welt,
Als ob der liebe Gott gestorben wär,
Und der bleierne Schatten, der niederfällt,
Lastet grabesschwer.*

*Komm, wir wollen uns näher verbergen...
Das Leben liegt in allen Herzen
Wie in Särgen.*

*Du! wir wollen uns tief küssen –
Es pocht eine Sehnsucht an die Welt,
An der wir sterben müssen.*

Am 22. Januar 1945 stirbt Else Lasker-Schüler im Hadassah-Krankenhaus von Jerusalem, die größte deutschsprachige Dichterin ihrer Zeit, eine hell-sichtige Traumtänzerin, die wie keine andere die Liebe und den Tod besang, zerrissen zwischen Okzident und Orient.

Незадолго до бегства в Швейцарию прямо на улице группа нацистских молодчиков избил писательницу железными дубинками.

В Цюрихе она бродит всю ночь по улицам (одна из многочисленных легенд, ходивших о Ласкер-Шюлер), спит на скамейке в парке и, обнаруженная патрулем, попадает под арест. Таким образом швейцарская общественность узнаёт о немецкой поэтессе, а немецкая поэтесса узнаёт в Швейцарии о показательном сожжении её книг.

Отвергнутая родиной, она ещё глубже погружается в стихи и прозе в иудаизм и древние еврейские традиции.

В 1934 всё бросает и с помощью Еврейского Общества Культуры отправляется в Палестину.

Три года спустя второе путешествие в Палестину. Союз прозаиков «Еврейская земля» уповает на идею Ласкер-Шюлер – идею мирного сосуществования между арабами и евреями.

1938 год – немецкие власти лишают писательницу гражданства.

1939 год – в третий раз отправляется Эльза Ласкер-Шюлер в Палестину. При попытке вернуться в Цюрих получает из Швейцарии запрет на возвращение.

Ей исполняется 70 лет – старость, одиночество, убогая съёмная комната в Иерусалиме.

Песня жизни моей

*Вглядись в лицо моё чужое...
Склоняются всё ниже звёзды,
Чтоб разглядеть лик незнакомый.*

*Мои пути в цветенье буйном
Ведут всегда к слепым затонам,
Как сёстры, чей раздор смертелен.*

*Все звёзды превратились в пятна...
Вглядись в лицо моё чужое.*

Der Rabbiner Kurt Wilhelm trägt an ihrem Grab Else Lasker-Schülers Gedicht *Ich weiß* in deutscher Sprache vor.

Das Gedicht beginnt mit den Worten Ich weiß, das ich bald sterben muß <...> und endet <...> *Mein Odem schwebt über Gottes Fluß / Ich setze leise meinen Fuß / Auf den Pfad zum ewigen Heime.*

Ihre Heimatlosigkeit reicht weit über den Tod hinaus; denn bald wird der Ölberg mit dem Grab der einstmals *stärksten und unwegsamsten lyrischen Erscheinung des modernen Deutschland* jordanisches Territorium.

Die Araber benutzen die jüdischen Grabsteine zum Bau ihrer Häuser, der tonnenschwere unbehauene Stein der Lasker-Schüler wird mit einem Bagger zur Seite gehoben, der Friedhof versinkt unter einer Straße.

Nach dem Sechs-Tage-Krieg 1968 kommt der Ölberg wieder in israelischen Besitz, und die Gebeine der Dichterin werden ein zweites Mal – diesmal in einem Sammelgrab – beigesetzt.

1973 endlich stellt man in Jerusalem den Grabstein der Dichterin aus Wuppertal auf.

Hebräerland.

Hegte diese rastlos Wandernde, *ein wilder Jude mit dem Kopf des Baal*, wie sie sich einmal nannte, nicht die Hoffnung auf ein friedliches Zusammenleben von Christen und Juden und von Juden und Arabern?

Diese Frau mit den glühenden Augen, (ein Genie?) Weltbürgerin aus Wuppertal, lebte im Chaos und schuf aus dem Chaos – die bürgerliche Ordnung verneinend.

Doch hinter ihrer Zerrissenheit und Verzweiflung strömt eine tiefe Zuversicht und Liebe durch ihre Dichtung, ein dreifaches Ja:
zu ihren liebsten Menschen, zum Judentum und zu Gott.

Heut vor 75 Jahren wurde das Werk dieser Schriftstellerin in Deutschland verbrannt.

Doch haben die Brandstifter nicht gesiegt, *Hass schachtelt ein! so hoch die Flamme auch mag schlagen...*

Das Wort der Else Lasker-Schüler lebt:

Хотя она и зарабатывает при поддержке издателя Соломона Шокена и Евиш Агенци, но её точит тоска по родине: по Цюриху, по детству, по семье и по старым друзьям, оставшимся в городах прошлой жизни.

Она никогда не умела обращаться с деньгами, которые просто таяли у неё в руках: собирает вокруг себя детей, ходит с ними в кино, смотрит каждый фильм по два-три раза.

Повсюду нищая и чужая, лишённая родной речи и родной почвы под ногами – так жалуется её судьба, щедро одаривая отверженностью и бесправием в земле обетованной, где ещё раз переживёт она счастье и отчаяние – её извечный дуализм в любви...

*Вечная жизнь тому, кто сердцем постиг любовь,
Ибо лишь он к возрождению способен!
Ненависть разжигающая, станете сами добычей взметнувшегося огня!*

... и вызревают стихи, полные силы и энергии.

Пятый сборник «Мой голубой рояль» появляется в 1943 году в Иерусалиме с посвящением: «Моим незабываемым друзьям и подругам в городах Германии и тем, кто, подобно мне, разбросан и рассеян по миру, – с преданностью».

КОНЕЦ СВЕТА

*Несётся к небу плач по всей Земле:
Ответь, пресветлый Боже, жив ли ты?
Падает свинцовая тень – тяжелей
Чёрной могильной плиты.*

*Давай горячо обнимемся, милый...
Жизнь угасает в сердцах унылых –
Будто в холодных могилах.*

*Крепче целуй меня в губы!
В мир уже стучится тоска,
Которая нас погубит.*

MEIN BLAUES KLAVIER

*Ich habe zu Hause ein blaues Klavier
Und kenne doch keine Note.*

*Es steht im Dunkel der Kellertür,
Seitdem die Welt verrohte.*

*Es spielen Sternenhände vier
– Die Mondfrau sang im Boote –
Nun tanzen die Ratten im Geklirr.*

*Zerbrochen ist die Klaviatur...
Ich beweine die blaue Tote.*

*Ach liebe Engel öffnet mir
– Ich aß vom bitteren Brote –
Mir lebend schon die Himmelstür –
Auch wider dem Verbote.*



Памятник Эльзе Ласкер-Шюлер в Иерусалиме

QUELLENANGABE:

Else Lasker-Schüler, *Sämtliche Gedichte*, Frankfurt a.M., 2004
Karl- Otto Conrady, *Das große deutsche Gedichtbuch*, Kronberg / Ts.,
1977
Jürgen Serke, *Die verbrannten Dichter*, Weinheim und Basel, 1977

WEITERE INFORMATIONEN:

Else-Lasker-Schüler-Gesellschaft, Wuppertal, Herzogsstr. 42, D – 42103
Wuppertal
Literarisches Werk Else Lasker-Schüler
Preis: Kleist-Preis, 1932

22 января 1945 года в иерусалимской больнице Хадасса умирает Эльза Ласкер-Шюлер – величайшая немецкоязычная поэтесса, ясновидящая сказочная танцовщица, которая, разрываясь между Западом и Востоком, воспела – как никто другой – любовь и смерть.

Раввин Курт Вильгельм читает на могиле Эльзы её стих «Я знаю» на немецком языке.

Стихотворение начинается словами «Я знаю, что скоро должна умереть...» и кончается: *«Моя душа парит над потоком Божьим, / В котором ступаю я осторожно/ На тропу вечного Приюта».*

Бесприютность Эльзы далеко опережает даже саму её смерть. Вскоре Ольберг с могилой когда-то «сильнейшего и непостижимого» поэтического явления немецкого модернизма станет иорданской территорией.

Арабы используют еврейские могильные плиты для строительства своих домов, и неподъёмный многотонный камень с могилы Ласкер-Шюлер будет экскаватором сдвинут в сторону, а на поверхности утрамбованного кладбища проложат улицу.

После шестидневной войны в 1968-м году Ольберг снова перейдёт во владение Израиля, и останки поэтессы во второй раз будут преданы земле – на этот раз в общей могиле.

В 1973-м, наконец-то, в Иерусалиме поэтессе будет воздвигнут памятник, доставленный из Вупперталя.

Разве не было у кочующей без усталости беглянки, «неугомонной еврейки с шарообразной головой», как она сама о себе однажды скажет, надежды на мирную совместную жизнь между христианами и иудеями, между евреями и арабами?

Эта женщина с горящими глазами (гений?), гражданка мира из Вупперталя, проведшая жизнь в хаосе и создавшая из хаоса своё творчество, отказалась от мещанского порядка.

И всё же из её неустроенности и отчаяния вытекает глубокая убежденность и любовь в её стихах, трижды подтверждающих её преданность: любимым людям, еврейским корням и Богу.

75 лет тому назад в Германии были сожжены произведения этой писательницы.

LYRIK:

Styx, 1902
Der siebente Tag, 1902
Mein Wunder, 1911
Hebräische Balladen, 1913
Mein blaues Klavier, 1943

PROSA:

Das Peter-Hille-Buch, 1906
Die Nächte der Tino von Bagdad, 1907
Mein Herz, 1912
Gesichte, Essays und andere Geschichten, 1913
Der Prinz von Theben, 1914
Der Wunderrabbiner von Barcelona, 1917
Der Malik, 1919
Ich räume auf, Meine Anklage gegen meine Verleger, 1925
Arthur Aronymus, 1932
Konzert, 1932
Das Hebräerland, 1937

DRAMA:

Die Wupper, 1909 (Uraufführung in Berlin 1919)
Arthur Aronymus und seine Väter, 1932 (Uraufführung in Zürich 1936)
Ichundich, Nachlass, 1940, Hrsg. 1970 (Uraufführung in Düsseldorf 1979)

Но победа осталась не за поджигателями: «Чем больше бьёт ненависть, тем выше пламя, бьющее в ответ...»

Слово Эльзы Ласкер-Шюлер продолжает жить:

Мой лазурный рояль

Есть у меня рояль – лазури цвет,
А я не знаю вовсе ноты.

В подвал теперь задвинут раритет,
А в моде снова эшафоты.

На нём играл сонаты лунный свет,
А звёзды – строили гавоты.

Крысиный ныне здесь кордебалет,
И клавиш многих больше нет...
Оплакиваю я пустоты.

О ангел, – сколько горьких лет
Судьба играла в повороты,
Нарушь Всевышнего запрет –
Живой мне в рай открой ворота.

(Перевод В. Маринина)

Перевод: Татьяна Ивлева



Могилы родителей Эльзы Ласкер-Шюлер, Вупперталь

WELTFLUCHT

Ich will in das Grenzenlose
Zu mir zurück,
Schon blüht die Herbstzeitlose
Meiner Seele,
Vielleicht – ist's schon zu spät zurück!
O, ich sterbe unter Euch!
Da Ihr mich erstickt mit Euch.
Fäden möchte ich um mich ziehen –
Wirrwarr endend!
Beirrend,
Euch verwirrend,
Um zu entfliehn
Meinwärts!

MEIN VOLK

Der Fels wird morsch,
Dem ich entspringe
Und meine Gotteslieder singe...
Jäh stürz ich vom Weg
Und riesele ganz in mir
Fernab, allein über Klagegestein
Dem Meer zu.
Hab mich so abgeströmt
Von meines Blutes
Mostvergorenheit.
Und immer, immer noch der Widerhall
In mir,
Wenn schauerlich gen Ost
Das morsche Felsgebein
Mein Volk
Zu Gott schreit.

БЕГСТВО ОТ МИРА

Я в беспредельность рвусь –
Назад к себе,
Уже цветет безвременник осенний
Моей души,
Быть может, поздно – и отрезан путь!
О, я погибну с вами!
Задохнусь!
Хочу я нить игры в своих руках держать,
Чтоб хаос не впустить!
Запутать вас,
Чтоб вас смутить,
Чтоб убежать
В себя!

НАРОД МОЙ

Вот рушится скала –
Моё начало,
С которой я молитвы Богу пела ...
С пути я сбилась,
Падает во мне
Поток её камней, слезой текущий
К морю.
Как весь народ мой, истекаю я
Перебродившим соком
Моей крови.
Всегда и всюду этот звук
Во мне,
Когда, исполнен ужаса, к Востоку
Подточенной скалою
Мой народ
Взывает к Богу.

LIEBE

Es rauscht durch unseren Schlaf
Ein feines Wehen wie Seide,
Wie pochendes Erblühen
Über uns beide.

Und ich werde heimwärts
Von Deinem Atem getragen,
Durch verzauberte Märchen,
Durch verschüttete Sagen.

Und mein Dornenlächeln spielt
Mit Deinen urtiefen Zügen,
Und es kommen die Erden
Sich an uns zu schmiegen.

Es rauscht durch unseren Schlaf
Ein feines Wehen wie Seide –
Der weltalte Traum
Segnet uns beide.

DIE DÄMMERUNG NAHT

Die Dämmerung naht – im Sterben liegt der Tag...
Sein Schatten deckt mich zu, der kühl auf einem Blatte lag,
Auf seinen roten Beeren.
Ich baute uns ein Himmelreich, dir unantastbar zu gehören
– Das an den Riffen deiner Herzensnacht zerbrach.
Die Vögel singen, und vom Nachtigallenschlag
Erzittert noch mein Bild am Wald im Bach.
Dir will ich es verehren –
Die Dämmerung naht, im Sterben liegt der Tag.

ЛЮБОВЬ

Едва шелестит сквозь сон
Шелком тончайшая боль,
Это пульсом стучит расцвет
В нас с тобой.

И меня переносит домой
Тепло Твоего дыхания,
Околдованную волшебством
Забытых преданий.

И терновник улыбки моей
Простирается в глубь Твоих черт,
И слетают иные миры –
К жизни ластится смерть.

Едва шелестит сквозь сон
Шелком тончайшая боль –
Старый, как мир, мираж
Нас венчает с тобой.

СГУСТИЛИСЬ СУМЕРКИ

Сгустились сумерки – и умирает день...
Его прохладная меня покрыла тень,
Меня и каждый лист, и россыпь ягод алых.

Я царство горнее воздвигла лишь затем,
чтобы оно тебе принадлежало.
– Но ночь твоей души прочней воздушных стен.

И если вдруг от трели соловья
Встрепещет образ мой в лесу, в водах ручья,
Прими как посвящение эту малость.
Сгустились сумерки – и умирает день.

SPHINX

Sie sitzt an meinem Bette in der Abendzeit
Und meine Seele tut nach ihrem Willen,
Und in dem Dämmerlichte, traumesstillen,
Engen wie Fäden dünn sich ihre
Glanzpupillen
Um ihrer Sinne schläfrige Geschmeidigkeit.

Und auf dem Nebenbette an den Leinennähten
Knistern die Spitzenranken von Narzissen,
Und ihre Hände dehnen breit sich nach dem
Kissen,
Auf dem noch Träume blühen aus seinen
Küssen,
Herzenssüßer Duft auf weißen Beeten.

Und lächelnd taucht die Mondfrau in die
Wolkenwellen
Und meine bleichen, leidenden Psychen
Erstarken neu im Kampf mit Widersprüchen.
Und meine Seele heilt in Erdgerüchen
Die sommerheiß aus ihren Poren quellen

СФИНКС

Она садилась у моей постели
В вечерний час, и ей душа была послушна,
И в тихих сумерках, что день венчают душный,
Порой сужаясь в нити, равнодушно
Ее зрачки блестящие глядели.

... Из швов недавно смятой им подушки
Мне чудится нарциссов шелестенье.
Их руки разметались по постели,
Где поцелуи расцвести успели
Мечтами, пряный дух вливая в душу.

Луна ныряет в облачные волны,
И все мои измученные чувства,
Окрепнув, снова учатся искусству
Борьбы с противоречьями. Их лечит
Земли горячий запах, летом полный.

GEBET

Oh, Gott, ich bin voll Traurigkeit...
Nimm mein Herz in deine Hände –
Bis der Abend geht zu Ende
In steter Wiederkehr der Zeit.

Oh Gott, ich bin so müd, oh, Gott,
Der Wolkenmann und seine Frau
Sie spielen mit mir himmelblau
Im Sommer immer, lieber Gott.

Und glaube unserm Monde, Gott,
Denn er umhüllte mich mit Schein,
Als wär ich hilflos noch und klein,
– Ein Flämmchen Seele.

Oh, Gott, und ist sie auch voll Fehle –
Nimm sie still in deine Hände...
Damit sie leuchtend in dir ende.

WELTENDE

Es ist ein Weinen in der Welt,
Als ob der liebe Gott gestorben wär,
Und der bleierne Schatten, der niederfällt,
Lastet grabesschwer.

Komm, wir wollen uns näher verbergen...
Das Leben liegt in aller Herzen
Wie in Särgen.

Du! Wir wollen uns tief küssen –
Es pocht eine Sehnsucht an die Welt,
An der wir sterben müssen.

МОЛИТВА

Господь, печали я полна...
Не выпускай души из рук –
Покуда день вершит свой круг,
Покуда не взошла луна.

О Боже, как устала я
От игр чужой сердечной бури –
Опять два облака в лазури,
Она и он, зовут меня.

Мне с детства месяц ворожил,
Меня укутывал сияньем,
Когда была не в состоянье
Сама сберечь огонь души.

И хоть душа полна смятенья –
Возьми её в своё владенье...
И тихо пламя потуши.

КОНЕЦ СВЕТА

Этот мир от рыдания изнемог,
Словно умер Бог.
Страх свинцовой тенью лёг,
И могильною давит плитой.

Приди, мы укроем друг друга собой,
Мы обманем судьбу...
В каждом сердце жизнь лежит,
Как в гробу.

Скорей! Будет наш поцелуй глубок –
Как тоска, что стучится в мир,
Где ступила смерть на порог.

MUTTER

Ein weisser Stern singt ein Totenlied
 In der Julinacht,
Wie Sterbegeläut in der Julinacht.
Und auf dem Dach die Wolkenhand,
Die streifende, feuchte Schattenhand
Sucht nach meiner Mutter.
Ich fühle mein nacktes Leben,
Es stösst sich ab vom Mutterland,
So nackt war nie mein Leben,
So in die Zeit gegeben,
Als ob ich abgeblüht
Hinter des Tages Ende,
 Versunken
Zwischen weiten Nächten stände,
Von Einsamkeiten gefangen.
Ach Gott! Mein wildes Kindesweh!
...Meine Mutter ist heimgegangen.

STROPHE

Neugierige sammeln sich am Strand und messen
Sich am Meer und mir der Dichterin vermessen.
Doch ihre Redensart löscht aus der Sand.
Ich hab die Welt vor Welt vergessen,
Getränkt von edlen Meeressäusen.
Als läge ich in Gottes weiter Hand.

МАМЕ

Одинокó поёт песню смерти седая звезда
 В июльской ночи.
Будто колокол погребальный в июльской ночи звучит.
На ладони облака скользющие влажные руки теней
Ищут маму мою – тянутся к ней.
И я чувствую, как моя обнажённая жизнь
Отдаляется от материнского берега.
Не представляла, не верила –
Такой обнажённой не была моя жизнь никогда,
Такой растворённой во времени,
Как будто я отцвела за оградой ушедших дней.
 Утонула
В безмерности ночи,
В плену одиночества.
Ах, Боже! Безумно тоскую по детству!
Куда же теперь мне деться?
Где потерянный берег мой?
...Моя мама вернулась домой.

СТРОФА

Толпа скучающих зевак на пляже
Стремится потягаться силой с морем
И ранит криком мой чуткий слух.
Бездарна речь её,
как след в песке, волной размытый.
А я, напоённая благом влаги морской,
Позабыв обо всём на свете,
Покоюсь в ладони Божьей.

ALS ICH TRISTAN KENNEN LERNT

O,
Du mein Engel,
Wir schweben nur noch
In holden Wolken.
Ich weiß nicht, ob ich lebe
Oder süß gestorben bin
In deinem Herzen.
Immer feiern wir Himmelfahrt
Und viel, viel Schimmer.
Goldene Heiligenbilder
Sind deine Augen.
Sage – wie ich bin?
Überall wollen Blumen aus mir.

AN DEN GRALPRINZEN

Wenn wir uns ansehen,
Blühen unsere Augen.

Und wie wir staunen
Vor unseren Wundern – nicht?
Und alles wird so süß.

Von Sternen sind wir eingerahmt
Und flüchten aus der Welt.

Ich glaube wir sind Engel.

ВСТРЕЧА С ТРИСТАНОМ

О,

Ты, мой ангел!

Мы высоко парим
В прозрачных облаках.

Не ведаю: жива ли я
Иль сладко умерла
У сердца твоего?

О праздник Вознесенья
В мерцании безмерном!

Как золото икон священных –
Твои глаза.

Скажи, кто я тебе?
Роняю лепестки цветов повсюду.

РЫЦАРЮ СВЯЩЕННОГО ГРААЛЯ

Горящим взглядом
Смотрим друг на друга,
Когда встречаются глаза.

О что за чудо! Неужто правда?
Весь мир в гармонии с тобой.

И в окруженье звёзд
Из мира улетаем.

Мне верится –
Мы ангелы.

MEIN BLAUES KLAVIER

Ich habe zu Hause ein blaues Klavier
Und kenne doch keine Note.

Es steht im Dunkel der Kellertür
Seitdem die Welt Verrohte.

Es spielten Sternenhände vier –
Die Jungfrau singt im Boote.
Nun tanzen die Ratten im Geklirr.

Zerbrochen ist die Klaviatur.
Ich beweine die blaue Tote.

Ach liebe Engel öffnet mir
– Ich aß vom bitteren Brote –
Mir lebend schon die Himmelstür,
auch wider dem Verbote.

Перевод: Ромен Нудельман

МОЙ ГОЛУБОЙ РОЯЛЬ

Стоит у меня голубой рояль,
Но я даже нот не знаю.

Задвинут он в темный
сырой подвал
И злится, весь мир проклиная.

Звездный квартет на нем играл,
Луна плыла, распевая,
А крыс хоровод со звоном плясал.

Разбитый рояль до слез мне жаль,
Ужасна ты, смерть голубая.

Ах, ангел, прошу,
чтоб награду мне дал
При жизни, запрет нарушая,
За горький хлеб,
что жребий послал,
Открой мне двери рая.

**Вольный перевод:
Галина Скутте**

ГОЛУБОЙ РОЯЛЬ

Брожу по пустому
разбитому дому:
Музею семьи – его
фотоальбому.
Он детством пропитан –
Родительский дом,
Нам было просторно
И радостно в нём.
Средь пыли подвала
И разного хлама
Рояль голубой...
Моя милая мама!
В руках твоих пел он
И чисто, и ясно,
Но добрая мама
Старалась напрасно.
Я всё позабыла:
Гармонию, ноты...
Мне только бы выжить.
Такие заботы...

HAGAR UND JSMAEL

Max Reinhardt schenke ich dieses Gedicht.

Mit Muscheln spielten Abrahams kleine Söhne
Und ließen schwimmen die Perlmutterkähne;
Dann lehnte Isaak bang sich an den Jsmael

Und traurig sangen die zwei schwarzen Schwäne
Um ihre bunte Welt ganz dunkle Töne
Und die verstoßne Hagar raubte ihren Sohn sich schnell.

Vergoß in seine kleine ihre große Träne,
Und ihre Herzen rauschten wie der heilige Quell,
Und übereilten noch die Straußenhähne.

Die Sonne aber brannte auf die Wüste grell
Und Hagar und ihr Knäblein sanken in das gelbe Fell
Und bissen in den heißen Sand die weißen Negerzähne.

АГАРЬ И ИЗМАИЛ

Максу Рейнхардту дарю я это стихотворение.

Ракушками играли Авраама сыновья,
И перламутровые лодочки их плыли;
Но вдруг с тревогою склонился к Измаилу Исаак.

Два черных лебеда печаль свою пропели,
И омрачили звуки эти все вокруг.
Агарь, изгнанница, к себе скорей прижала сына.

И падала слеза ее в слезу ребенка,
И, как святой источник, бились их сердца,
Когда им в беге страусы попутчиками были.

Пылало солнце ярко над пустыней,
Где желтый свой приют нашли Агарь и мальчик,
И где в песок впивалось жгуче Солнце,
белизною скалясь.

Моисей БОРОДА

Moisei BORODA

СЛЕПОЙ¹

(Тема: «Прозрение»)



щупывая палочкой дорогу,
Идёт он. Взгляд незрячих глаз
За тёмными очками скрыт. Лицо
Обращено чуть вверх, и губы шепчут что-то.

Что шепчет он? Молитва ль эта к Богу:
«Воззри, господь, и дай прозренью мне»?
А может быть, он проклиная нас,
Которым зренья дар был дан вот просто так, без просьбы?

¹ Не о физически слепом здесь, конечно, речь, но о тяге к свету, о вечном искусе вырваться из цепей привычного мира, из сдавливающей обыденности в другой мир... Две судьбы, две еврейских жизни стояли у меня перед глазами, когда писалось это стихотворение: жизнь Эльзы Ласкер-Шюлер и жизнь Эдит Штайн, обе страстно искавшие, каждая по своему, путь в новый для себя мир. Эльза Ласкер-Шюлер нашла его, при всей ностальгии по привычному, в Израиле, мир же Эдит Штайн, в который она, отринув привычное, вступила, не признал её своей, оттолкнул, отбросил её как чужую – к дверям газовой камеры.



DER BLINDE¹

(Zum Thema: »Augenlicht erlangen«)

Den Weg mit seinem Blindenstock ertastend
Geht er die Straße entlang. Die dunkle Brille
Verdeckt seinen Blick. Die Lippen, leicht geöffnet,
Bewegen sich im leisen, leisen Flüstern.

Was flüstert er? »Erbarme dich, o Herr,
Gib mir die Gabe, diese Welt zu sehen,
Die schöne Welt, die Du erschaffen hast!«?

¹ Es handelt sich hier um den (ewigen) Wunsch des Menschen, sich aus den gewohnten Verhältnissen, aus dem gewohnten seelischen Raum herauszureißen – zu einer Welt, die einem als Traumwelt erscheint. Zwei Schicksale, zwei jüdische Lebenswege standen mir vor den Augen als ich dieses Gedicht schrieb: Der Weg von Else Lasker-Schüler und der von Edith Stein. Beide haben schon früh damit begonnen, sich dem Gewohnten zu entreißen – mit unterschiedlichem Ausgang. Else Lasker-Schüler fand, nach langem Hin- und Her, ihr seelisches Zuhause in Israel. Edith Stein hat den Weg in die neue geistige Welt sehnsüchtig gesucht und, so schien es ihr, auch gefunden – bis das Satanische, das sich wie ein Lauffeuer in der Welt verbreitete, sie wie auch Millionen ihrer Mitmenschen, in die Gaskammer von Auschwitz schleuderte.

...Прозренья дар... Но будет ли слепец,
Что вдруг прозрел, рад этому подарку?
Когда тот мир, что он в себе создал,
А создав, пестовал, лелеял – вдруг исчезнет?

Тот мир, где он гармонию обрёл,
Где всё пусть и во тьме, но так привычно,
Где палочка подсказывает путь:
– Туда? Нет, нет! Там впереди – опасность.
– А здесь? Здесь – да, здесь ты легко пройдёшь.

И этот мир, прозревши – вдруг покинуть?
Ступить туда, где каждый шаг – вопрос?
Где новую гармонию искать
Он будет годы, годы, годы, годы?!

Найдёт её? А может, не найдёт –
И проклянет прозрение своё,
Как, может, нас он, зрячих, проклиная,
Ощупывая палочкой дорогу,
Скрыв за очками взгляд незрячих глаз.

Oder vielleicht verflucht er uns, die wir, gar ohne Bitte
Erhalten haben das, was ihm verwehrt?

Doch was, wenn er erlangt, wonach ihn dürstet?
Kommt er damit zu Recht, wenn seine Welt,
Die Welt, an der er Jahre
Gebaut hat mit Liebe und Bedacht,
Im Nu zerbricht, sich auflöst in Luft?
– Die Welt, in der sein Blindenstock ihn schützte:
– Dorthin? Nein, nein! Dort lauert Gefahr!
Hierhin dagegen – ja! Hier bist du sicher!
Hier wird dir nichts geschehen – geh sorglos!

Und diese Welt soll er jetzt aufgeben?
Von sich abschütteln? Doch was kommt danach?
Wenn er, durch nichts geschützt, vor Unbekanntem stehend,
Mit emsigen Bemühen, Tag für Tag
Versucht den Weg zu finden in die Welt,
Wo jeder Schritt Gefahr für ihn bedeutet?

Wird er ihn finden – wohl ihm! Doch wenn nicht –
Dann wird er sich und all um sich verfluchen,
Wie er vielleicht uns alle jetzt verflucht,
Den Weg mit seinem Blindenstock ertastend
Hinter dem Brillenglas den starren Blick verdec.

Übersetzung: Autor

Anja
LIEDTKE

Аня
ЛИДТКЕ

ESTER GOLAN
ODER
EIN NACHMITTAG IM LEBEN EINER FREIWILLIGEN
VON AKTION SÜHNEZEICHEN IN JERUSALEM

(Zum Thema: »Judentum«)

W

eil ich nicht gern telefoniere, sende ich Ester eine E-Mail, um zu fragen, wann ich sie besuchen kann. Sie ruft zurück: »Schalom, Anja, wann du willst, nur Mittwoch halte ich einen Vortrag vor Schülern und Donnerstag vor Soldaten.«

»Passt es dir heute?«

»Natürlich. Kommst du nach der Arbeit?«

»Ja, gegen vier.«

»Ich freu mich auf dich.«

Sie wohnt ein paar Straßen hinter unserem Bürogebäude, das einst das zentrale Rabbinat von Jerusalem war.



ЭСТЕР ГОЛАН,
ИЛИ
ПОЛДНЯ ИЗ ЖИЗНИ ВОЛОНТЁРКИ АКЦИИ
«ЗНАК ИСКУПЛЕНИЯ» В ИЕРУСАЛИМЕ
(К теме: «Иудаизм»)

Так как я не люблю разговаривать по телефону, я отправляю Эстер электронное сообщение, чтобы спросить, когда я могу к ней прийти. Она перезванивает:

– Шалом, Аня! Приходи, когда хочешь, только в среду у меня лекция для школьников, а в четверг – для солдат.

– А сегодня тебе подходит?

– Конечно! Ты придёшь после работы?

– Да, около четырёх.

– Приходи, буду рада!

Она живёт за несколько улиц от здания, в котором сейчас находится наше бюро, а прежде был Главный Раввинат Иерусалима.

Über dieses Viertel sagten die Leute in den 50er und 60er Jahren, hier lebten mehr deutschsprachige Ärzte, Professoren und Anwälte als in Köln. Das hat sich geändert, seit unsere ehemaligen Landsleute in Altenheimen wohnen oder verstorben sind. Wenn ich heute Ester besuche, schlendern amerikanisch sprechende Talmudschüler, Collegeschülerinnen, Damen aus New York und deren Söhne im Gespräch an mir vorbei.

Ester mag die Leute nicht: »Wenn diese Talmudschüler erst mal aus der Reichweite ihrer Mütter in Amerika gelangen, trinken sie. Außerdem verehren sie ihre Rabbiner über Gebühr. Das hat es in Deutschland und Europa nicht gegeben«, meint sie. »Rabbiner waren Ratgeber, keine Führer. Über Politik haben sie höchstens geredet, wenn man sie gefragt hat. Das war Privatsache. Heute mischen sie sich ein und die Jugend folgt ihnen, anstatt eigenständig zu denken.

Ich kann meine Thora selbstständig lesen und interpretieren. Das war doch stets der Unterschied zu den Moslems, die ihren Koran auswendig lernen, aber nicht drüber nachdenken, und den Christen, die blindlings taten, was der Pastor am Sonntag in der Kirche gepredigt hat. Ich hab's doch selbst gehört und erlebt in Glogau und Breslau. Und jetzt werden die hier genauso!«

Die hölzernen Schlagläden an Esters Arbeitszimmer stehen asymmetrisch von der Hauswand ab. Sie hat sie schwungvoll aufgestoßen, nachdem die Sonne um die Ecke gewandert war, besitzt jedoch nicht mehr die Kraft, sie vollständig zu öffnen. Der winzige Vorgarten ist verwildert, seit die alte Dame auf den Gehwagen angewiesen ist. Ihre Kinder und Enkel haben zur Genüge im Kibbuz Ramat Rachel am Ende der Stadt zu tun.

Ich betrete einen dunklen, kühlen Flur und starre blind gegen eine Haustür, bis sich die Augen gewöhnt haben. Am Türrahmen ist eine Mesusa angeschraubt. Ich trete neben die Schriftkapsel, die das Glaubensbekenntnis enthält und klinge.

Meine Augen senken sich zu der kleinen Frau. Sie schiebt den Gehwagen beiseite, um mich zu umarmen. Ich muss mich bücken, sie reckt sich zu meinen Schultern. »Shalom, Ester«, grüße ich in die weißen Haare. Im Zug meines Atems kitzeln sie meine Nase.

Об этом квартале в 50-60-е годы прошлого столетия говорили, что здесь живёт больше немецкоязычных врачей, профессоров и адвокатов, чем в Кёльне. Но это уже не так, с тех пор наши бывшие соотечественники или умерли, или переселились в Дома престарелых. Когда сегодня я иду в гости к Эстер, по улицам мимо меня проходят говорящие на американском английском ешиботники, ученицы колледжей и нью-йоркские дамы с сыновьями.

Эстер они не нравятся. «Когда эти ешиботники оказываются за пределами досягаемости своих американских мамочек, они начинают пить. Кроме того, они слишком прислушиваются к своим раввинам. В Германии и в Европе этого не было», – считает она. – Раввины давали советы, но не руководили. О политике они говорили только тогда, когда их об этом спрашивали. Это было личное дело каждого. Сегодня раввины вмешиваются в политику, а молодёжь следует за ними, вместо того, чтобы думать своей головой».

Деревянные ставни на окнах кабинета Эстер пребывают на разном расстоянии от стены дома. Она распахнула их толчком, когда солнце ушло за угол, но ей не хватило сил, чтобы открыть их полностью. Крошечный палисадник перед домом одичал, после того как постаревшей Эстер пришлось пользоваться роллатором. У её детей и внуков хватает других дел в кибуце Рамат Рахель на окраине города.

Я захожу в тёмный прохладный коридор и останавливаюсь у входной двери, слепо пялясь на неё, пока глаза не привыкнут к темноте. На дверном косяке прикреплена мезуза. Я становлюсь рядом с капсулой, содержащей отрывок из Торы и являющейся символом веры, и звоню в дверь.

Я опускаю глаза, чтобы встретиться взглядом с маленькой женщиной. Она отодвигает в сторону роллатор, чтобы обнять меня. Мне приходится наклониться, она тянется руками к моим плечам.

– Шалом, Эстер, – говорю я куда-то в её белые волосы. Когда я делаю вдох, они щекочут мне нос.

– Шалом, Анья, хорошо, что ты пришла. Садись. Хочешь чаю?

– С удовольствием.

– Как долго настаивать?

– Недолго, – отвечаю я, зная, что она использует чайный пакетик повторно. Даже с учётом компенсации, выплачиваемой Германией,

»Shalom, Anja, schön, dass du gekommen bist. Setz dich. Willst du Tee?«

»Gern.«

»Wie lange gezogen?«

»Kurz«, erwidere ich, seitdem ich weiß, dass sie das Teesäckchen ein zweites Mal aufgießt. Auch mit der Entschädigungssumme aus Deutschland ist ihre Rente nicht hoch. Der Wohnung sieht man das nicht an, weil sie hell ist, einen hellen Fußboden aus gepresstem Marmorstaub besitzt und eine winzige Terrasse in einem Hof voller Pflanzen. Aber im Winter haben wir, die Freiwilligen, die zu einem gemeinsamen Antrittsbesuch gekommen waren, gefroren, obwohl Ester einen zusätzlichen Heizkörper herangeschoben und Kissen und Wolldecken auf den Stühlen verteilt hatte. Durch die weißen Fensterrahmen zog es.

Das Grün und die Helle finden sich in ihren Gemälden wieder. Kein Besucher glaubt, dass die kleine alte Frau sie gemalt hat. Warum assoziieren wir geistige mit körperlicher Größe? Und Jugend mit Schaffenskraft? Was für ein Unsinn!

Die Bilder zeigen vor allem Porträts ihrer Familie, abgemalt und interpretiert von Fotos, da keiner der Porträtierten den Holocaust überlebt hat. Einige Wenige konnte Ester aus der Erinnerung malen.

Andere Leinwände stellen weite leere Landschaften dar, den Negev, den Golan, die zerklüfteten Felsen zwischen Jerusalem und Totem Meer. Sie wecken Sehnsucht in mir, ihre Schönheit lässt mich strahlen, ich sehe auch Trauer in ihnen, die tut jedoch nicht weh. Sie verwandelt sich in die Erhabenheit der Natur.

Ich gehe um den niedrigen Wohnzimmertisch herum, darauf bedacht die Tischdecke nicht zu verschieben. Ein zweites weißes Tischtuch liegt auf dem runden, dunklen, lackierten Esstisch in der anderen Zimmerecke. Um beide gruppieren sich Stühle, aus Holz, aus Plastik, auf allen liegen flache Kissen. Die Möbel stehen dicht beieinander.

Im Arbeitszimmer nutzt Ester den Platz geschickt, indem sie die Bücherregale wie in einer Bibliothek angeordnet hat. Sie ragen in Reihen in den Raum, statt nur an der Wand entlang zu stehen. Dennoch passen ein Gästesofa und ein Schreibtisch beladen mit Papieren, Dias, Dokumenten, Büchern und einem Computer hinein. Ester ist dabei, auszusortieren, weil sie mit ihrem Ableben rechnet und den Kindern die Arbeit ersparen will.

её пенсия невелика. По её жилью это незаметно: квартира светлая, со светлым мраморным полом из прессованной мраморной пыли и миниатюрной террасой, выходящей в полный зелени двор. Но зимой мы, волонтеры, придя к ней с визитом вежливости, замёрзли, потому что сквозь белые оконные рамы тянуло сквозняком.

Зелёные и светлые тона встречаются друг с другом и в её картинах. Никто из гостей не верит, что картины написала эта маленькая старая женщина. И почему у нас высота духа ассоциируется с высоким ростом, а творческое вдохновение – с молодостью? Что за глупости!

Её картины – это прежде всего портреты членов её семьи, созданные на основе старых фотографий, потому что никто из них не выжил во время Холокоста. Некоторых Эстер смогла нарисовать по памяти...

На других картинах изображены просторные пустынные ландшафты – Негев, Голаны, рассечённые ущельями горные массивы между Иерусалимом и Мёртвым морем. Они будят во мне странное томление, их красота освещает меня внутренним светом. Я вижу в этих картинах и печаль, но она не причиняет боли – она перетекает в величавость природы. Я обхожу вокруг низкого стола, стараясь не задеть при этом скатерть. Ещё одна белая скатерть лежит на круглом, тёмном, лакированном обеденном столе, стоящем в другом углу комнаты. Вокруг обоих столов стоят стулья: из дерева, из пластика, на всех сидениях лежат плоские подушки. Комната тесно заставлена мебелью.

В кабинете Эстер искусно использует место, расположив книжные полки, как в библиотеке. Они стоят в комнате рядами, а не только вдоль стен, как обычно. Тем не менее, в комнате ещё помещается гостевой диван и письменный стол, заваленный бумагами, слайдами, документами, книгами, среди которых втиснулся компьютер. Эстер как раз занимается разборкой бумаг, чтобы не нагружать детей этой работой после её смерти.

Я сажусь, свет из окна притягивает мой взгляд, покуда Эстер не заходит в комнату, неся чай. На подоконнике стоит плод граната из глазурованной глины – символ Израиля, дешёвый сувенир, торчащий в витринах всех туристических лавок города. На его красных боках лежит тонкий слой пыли – такой же, каким покрыт и маленький светильник-семисвечник. Возле него стоит рамка, в ней – воинский наградной лист

Ich setze mich, die Helligkeit des Fensters zieht meine Augen an, bis Ester mit dem Tee aus der Kochnische kommt. Auf der Fensterbank steht ein Granatapfel aus glasiertem Ton, ein Symbol für Israel und ein Mitbringsel, das in jedem Laden auf der Touristenmeile ausgestellt ist. Auf seinen roten Backen liegt ein dünner Staubfilm. Desgleichen auf dem kleinen siebenarmigen Leuchter. Neben ihm lehnt ein Bilderrahmen. Er enthält eine militärische Auszeichnung für Ester Golan. Ich kann sie nicht übersetzen. Den Beistelltisch bedeckt ein Häkeldeckchen, darauf stapeln sich ihre Bücher. Eines ist im Econ Verlag erschienen und versammelt die Briefe ihrer in der Nazizeit zersprengten Familie. Sie stellen den Versuch dar, die Eltern, Kinder und Geschwister über nationale Grenzen und Grenzen der Vorstellungskraft hinweg zusammenzuhalten, dem geliebten Menschen zu helfen, solange es geht und soweit es möglich ist, am gegenseitigen Leben teilzunehmen, solange es noch andauert. Ein Manuskript blieb unveröffentlicht. Es handelt sich um die Autobiographie von Ester Golan. Ein weiteres fand ebenfalls keinen Verleger. Es erzählt die Lebensgeschichten und Taten von »tüchtigen Frauen« in ihrer Familie.

»Wir können uns ruhig unterhalten. Das ist das Gute an der winzigen Wohnung, in der Kochen und Wohnen beisammen sind.«

»Was gibt es Neues von deinen Kindern, Ester?«

»Der Kibbuz hat ein neues Projekt.«

»Klasse. Was denn für eines?«

»Zu Ehren meines Enkels haben meine Tochter und meine anderen Enkel einen Streichelzoo gebaut. Du weißt, mein Enkel ist während seines regulären Militärdienstes bei einem Einsatz im letzten Libanonkrieg getötet worden.«

»Und du hast für ihn einen Baum gepflanzt.«

»Ja. Was man so tut, wenn nichts zu machen ist.«

»Bist du in der Zeit nach seinem Tod zu deiner interreligiösen Frauengruppe gegangen?«

»Die sind zu mir gekommen. Das ist unter den Mitgliedern üblich. Falls ein Angehöriger im jüdisch-arabischen Konflikt stirbt oder wenn einer verletzt oder gedemütigt wird, kommt jemand von den anderen Religionen, um sein Beileid auszusprechen, zu trösten oder Notwendiges zu tun. Mich besuchten eine Christin und eine Muslimin.«

на имя Эстер Голан. Я не могу его перевести. На приставном столике лежит **вязаная** крючком салфетка, на ней громоздятся её книги. Одна из них вышла в издательстве «Экон» и содержит письма членов её разрушенной во времена нацистов семьи. Эти письма – попытка родителей, детей, сестёр и братьев держаться вместе, протянуть друг другу руки через границы государств и границы воображения, помочь любимому человеку чем только можно и, пока это возможно, принимать участие в жизни друг друга, пока живы... Одна рукопись осталась неопубликованной. Это – автобиография Эстер Голан. Не нашлось издателя и для другой рукописи. Она рассказывает о жизни и деятельности «деловых женщин» из её семьи.

Мы прекрасно можем беседовать. В этом преимущество маленьких квартир, в которых приготовление пищи и проживание не разделены пространственно.

– Что нового у твоих детей, Эстер?

– У кибуца появился новый проект.

– Это здорово! И что это за проект?

– В память о моём внуке моя дочь и другие мои внуки построили контактный зоопарк. Ты же знаешь, что один из моих внуков, находясь в рядах армии, был убит на последней Ливанской войне.

– И ты посадила в честь него дерево.

– Да. Это всё, что можно сделать, когда ничего уже сделать нельзя.

– После его смерти ты стала ходить в межконфессиональную женскую группу?

– Это они пришли ко мне. Там так принято. Если кто-то из семьи погибает в арабо-израильском конфликте, или бывает ранен, или иначе как-то пострадает, приходит кто-то из представителей другой религии, чтобы высказать свои соболезнования, или утешить, или сделать что-то необходимое. Ко мне пришли две женщины – христианка и мусульманка.

Эстер рассказывает, а я думаю о том, что не представляю себе, как бы я смогла открыть дверь особе, принадлежащей к тем, кто убивает моих близких.

– Как ты отреагировала, когда они позвонили в твою дверь? – спрашиваю я.

Als Ester davon erzählt, kann ich mir nicht vorstellen, dass ich einer Person, die zur Gruppe der Täter gehört, die Türe öffnen könnte. »Wie bist du damit umgegangen, als sie bei dir klingelten?« Die alte Dame antwortet: »Als ich die Augen sah, und sah, dass ihr Mitleid wahrhaftig war, bat ich sie herein.«

Ähnlich erging es einer Muslimin, nachdem jüdische Soldaten sie gedemütigt hatten: »Ich wollte erst nicht mehr zu den Treffen gehen. Aber nach ein paar Wochen bin ich doch wieder gegangen. Die Gruppe ist das Einzige, was mich noch in dieser Stadt leben lässt. Ohne die Frauen wäre ich längst fortgezogen.«

»Was macht ihr in der Gruppe, wenn ihr euch nicht besuchen müsst, Ester?«

»Uns gegenseitig unsere Religionen erklären. Wir versuchen, das Thema Politik zu vermeiden.«

»Stelle ich mir schwierig vor. Die Politik ist doch die Voraussetzung für eure Lebensbedingungen.«

»Ja, ist sie. Aber wir wissen auch, dass diese Politik von Männern gemacht wird und nicht von uns. Frauen können leichter zueinander finden und unter sich Frieden schließen, weil wir bald über die Notwendigkeiten des alltäglichen Lebens sprechen: Kinder, Küche, Kirche, wenn du so willst. Wenn du dafür verantwortlich bist, deine Zeit und Kraft dahinein stecken musst, redest du natürlich darüber, wenn du Gleichgesinnte um dich hast. Da ist kein Platz für Ideologien und keine Energie für Fanatismus.«

Sie stellt den Tee vor mich hin und setzt sich in den Sessel. Die Füße in Kunstfell gefütterten Lederpantoffeln stellt sie auf eine Fußbank.

»Also erklärt ihr euch eure vielen unterschiedlichen religiösen Feiertage, entdeckt denselben Ursprung und Urvater Abraham aller drei Religionen und tauscht koschere gegen reine Rezepte aus«, provoziere ich Ester.

»Ich gehöre noch einer anderen interreligiösen Gruppe an. Da sind auch Männer drin. Wenn es die Finanzen erlauben, reisen wir zu Orten unserer gemeinsamen, schmerzlichen Geschichte. Wir besuchen zum Beispiel Dörfer, aus denen arabische Einwohner von uns Juden vertrieben wurden.«

»Da müssen heftige Emotionen ausbrechen.«

»Ja. Aber weil man sich persönlich kennt, eskalieren sie nicht. Weißt du, der Schlüssel zur Konfliktlösung liegt darin, das Leid des Anderen anzuerken-

– Когда я посмотрела в её глаза и увидела, что сочувствие в них было искренним, я пригласила её войти, – отвечает старая дама. – Так же чувствовала себя мусульманская женщина, которую унизили израильские солдаты.

– Сначала я не хотела больше ходить на наши встречи, но через несколько недель всё же пошла. Наша группа – единственное, что даёт мне силы продолжать жить в этом городе. Если бы не наши женщины, я бы уже давно уехала, – говорит она.

– Что вы делаете в вашей группе, помимо взаимных посещений? – спрашиваю я.

– Объясняем друг другу основы своих религий. Мы стараемся избегать политических тем.

– Мне трудно себе это представить. Ведь именно политика определяет условия вашей жизни!

– Да, это так. Но мы знаем, что эту политику определяют мужчины, а не мы. Женщины легче находят общий язык и легче заключают между собой мир, потому что мы вскоре начинаем говорить о том обыденном, что составляет суть нашей жизни: кухня, дети, церковь, как в старой немецкой поговорке. Когда ты за это всё отвечаешь, отдаёшь этому своё время и силы, то ты, естественно, говоришь об этом с такими же, как ты. Тут не остаётся места для идеологии и энергии для фанатизма.

Эстер ставит передо мной чай и садится в кресло. Ноги в кожаных домашних туфлях с мехом внутри она ставит на скамеечку.

– Итак, вы рассказываете друг другу о ваших многочисленных религиозных праздниках, обнаруживаете общность происхождения от праотца Авраама и общие корни всех трёх религий и обмениваетесь рецептами кошерной и некошерной кухни? – слегка провоцирую я Эстер.

– Я принадлежу ещё к одной межконфессиональной группе. Там есть и мужчины. Если нам позволяют средства, то мы ездим по местам нашей общей болезненной истории. Например, мы посещаем деревни, из которых мы, евреи, изгнали их жителей-арабов.

– Но ведь при этом неизбежны эмоциональные вспышки!

– Да. Но если люди знакомы друг с другом лично, они быстрее гаснут. Знаешь, ключ к решению конфликтов – осознание страданий других. Ты видишь на моём примере, как я непрестанно борюсь за осознание

nen. Das sagt sich so leicht. An mir siehst du ja, wie ich unablässig um die Anerkennung meines Leids ringe. Wenn ich die nicht immer wieder bekomme, kann ich das der Palästinenser nicht sehen. Es ist schrecklich.«

Nach dem Besuch in Auschwitz wurde ihr Mitgefühl zuteil wie nie zuvor. Eine Muslimin der Gruppe sagt: »Jetzt verstehe ich erst, warum die Juden so misstrauisch sind, dass es pathologisch wirkt. Wenn man bedenkt, dass kein Land der Welt sie aufgenommen hat, als sie versuchten, dem Morden zu entgehen! Nach all dem können die ja gar nicht anders sein.«

Ester ist eine schwierige Frau. Für Männer ihrer Generation zu stark. So vernünftig und logisch denkend, dass ihr zweiter Gatte sagen musste: »Du bist dumm und hässlich«, um seine männliche Überlegenheit zu schützen.

Ihren ersten Mann lernte sie in Schottland im Ausbildungslager der religiösen Zionisten kennen. Sie war 17 und seit dem 12. Lebensjahr in der Ausbildungsstätte. Ihre Tante Recha Freier hatte die Jugendorganisation gegründet und das Kind aufgenommen, als die Familie erkannte, dass sie nicht gemeinsam der deutschen Heimat entfliehen konnte. Dem Vater verweigerte jedes Land die Einreise mit der Begründung, er sei zu alt für harte Arbeit. Die Alternative zu Jugend und Stärke wäre Geld gewesen. Aber auch das besaß der Schlesier nicht, seit er seinen Beruf nicht mehr ausüben durfte und allen Besitz an den deutschen Staat abzugeben hatte.

Die Feilchenfelds gaben ihre beiden Töchter in den USA zur Adoption frei. Die Mädchen entsprachen jedoch nicht dem derzeitigen Schönheitsideal. Daraufhin schickten die Eltern sie mit dem Kindertransport nach England. Die Älteste bekam eine Stelle als Hausmädchen. Ursula, wie Ester als Kind hieß, reiste allein weiter nach Schottland. Dort hatten die Nachkommen Lord Balfours ihren Landsitz der Jugend-Aliya zu Verfügung gestellt. Die Organisation rettete Tausenden von jüdischen Kindern und Jugendlichen aus dem Deutschen Reich das Leben.

Fünf Jahre wartete Ursula darauf, dabei zu sein, wenn die nächste Gruppe in den Nahen Osten versandt wurde. Jeweils die Kräftigsten wurden ausgewählt, um die Besiedlung vorzubereiten und die Landwirtschaft auszubauen. Ursula war zu mager. Bis zum Ende des Krieges musste sie warten.

»Für Amerika zu hässlich, für Palästina zu schwach.« Das nagt bis heute an ihr.

другими моих страданий. Если я не получаю снова и снова подтверждения этого осознания, я сама не могу проникнуться страданиями палестинцев. Это ужасно...

После посещения группой Освенцима Эстер ощутила столько сочувствия, сколько никогда прежде. Одна мусульманка из группы сказала: «Теперь я понимаю, почему евреи так недоверчивы, что это кажется болезнью... Подумать только, что ни одна страна в мире не приняла их, когда они пытались спастись от смерти! После всего этого они не могут быть другими...»

Эстер – сложная женщина. Для мужчин её поколения – слишком сильная. Настолько рационально и логически мыслящая, что её второй супруг называл её глупой и уродливой, «защищая» своё мужское превосходство.

С первым мужем она познакомилась в Шотландии в учебном центре для религиозных сионистов. Ей было семнадцать, и она обучалась там с двенадцати лет. Её тётя, Реха Фрайер, основала молодёжную организацию религиозных сионистов и взяла туда девочку, когда семья поняла, что всем вместе им не удастся бежать из Германии. Отцу ни одна страна не давала разрешения на въезд под предлогом того, что он-де слишком стар для тяжёлой работы. Альтернативой молодости и физической силе могли бы стать деньги. Но и этого не было у её отца, силезского еврея, с тех пор как нацисты запретили ему работать по профессии и отобрали всю собственность в пользу немецкого Рейха.

Файльхенфельды предложили обеих своих дочерей на удочерение в Америку. Внешность девочек, однако, не соответствовала принятым в то время канонам красоты... Тогда родители отправили их вместе с другими еврейскими детьми в Англию. Старшая дочь получила место прислуги. Урсулу – так звали Эстер в детстве – отправили дальше, в Шотландию. Там наследники лорда Бальфура предоставили своё поместье в распоряжение организации «Молодёжная Алия». Эта организация спасла жизни тысяч еврейских детей и подростков из Третьего Рейха.

Пять лет прождала Урсула своей очереди на отправку на Ближний Восток. В такие группы отбирали самых крепких, способных подготовить переселение следующих групп и поднять сельское хозяйство. Урсула была слишком худой. Ей пришлось ждать до конца войны.

Als Ursula endlich im Gelobten Land anlangte, war es Matsch, in dem die Gummistiefel steckenblieben und in dem sie ihr erstes Kind gebar. Bei der Geburt schrie sie nach der Mutter. Der Vater war im Arbeitslager gestorben, das war ihr bekannt. Nach seinem Tod war die Mutter nach Auschwitz deportiert worden. Auch das hatte sie erfahren. Aber sie wusste nicht, was Auschwitz bedeutete.

Ursula legte den deutschen Namen ab und gab sich selbst und dem Baby einen hebräischen – wie fast alle es taten.

Die Schönheit der neuen Heimat entdeckte Ester erst nach der Trennung von ihrem Mann. Er hatte alle gemeinsamen Entscheidungen für sich und allein getroffen. Jetzt musste sie auf eigenen Füßen stehen. Um versorgt zu sein und sich das Geld für eine Ausbildung zu verdienen, leistete sie ein Jahr lang Militärdienst. In dieser Zeit eroberte die israelische Armee das Gebiet am Toten Meer und die Negevüste. Als Ester die bizarren Felsformationen sah, von der Sonne rosa gefärbt, stockte ihr der Atem und ein nie gekanntes Gefühl der Freiheit und des Glücks durchflutete sie. Das sollte sie nicht mehr verlieren.

Beim frisch eroberten Zugang zum Roten Meer, wo heute der Badeort Eilat liegt, überredete sie einen Piloten, sie mit nach Jerusalem zu nehmen. Der Anblick der Wüste und der Berge ließ sie weinen.

Immer wenn es die viele Arbeit und die Sorge um die Kinder zuließen, zog es sie in weite, wilde Landschaft zurück in den Negev oder auf die bunt blühende Ebene der Golanhöhen. Das verlieh ihr Kraft und Begeisterung.

Ihre zweite Antriebskraft war die Sehnsucht nach den Eltern und deren Anerkennung. »Bei allem, was ich tat, dachte ich ständig, ob es meinen Eltern gefiele. So habe ich den Haushalt geführt und die Kinder großgezogen. Dass ich die Ausbildung als Fremdenführerin und das Soziologiestudium gewählt habe, hängt bestimmt mit den Interessen meines Vaters zusammen. – Dabei ecke ich natürlich an. Meine Männer sind unter ganz anderen Bedingungen großgeworden. In ihren Elternhäusern ging es weder so kultiviert noch so liebevoll zu wie bei uns Feilchenfelds aus Ostpreußen. Woher sollten sie das also haben? Ich verdenke es ihnen nicht. Aber mir fehlte nun mal diese Liebe. Ich meinte, mein Mann müsse so sein wie mein

– Для Америки слишком некрасивая, для Палестины слишком слабая... – Урсуле до сих пор больно об этом вспоминать.

Когда Урсула наконец прибыла в Землю Обетованную, эта земля встретила её болотом, в котором она теряла резиновые сапоги и в котором родила своего первого ребёнка. Рожая, она звала маму. Отец умер в рабочем лагере, и она об этом знала. После смерти отца мать вывезли в Освенцим. Об этом она тоже знала. Но она не знала, ЧТО это означало – Освенцим...

Урсула отказалась от немецкого имени и взяла себе и своему ребёнку имена на иврите – так поступали почти все еврейские поселенцы в Палестине.

Красоту своей новой родины Эстер открыла для себя только после развода с мужем. Прежде он принимал все решения за них обоих. Теперь ей надо было стоять на собственных ногах. Чтобы обеспечить себя и заработать деньги на получение образования, она прослужила год в армии. В тот год израильская армия сражалась за территории в районе Мёртвого моря и пустыню Негев. Когда Эстер впервые увидела причудливые скалы горного массива, окрашенные солнцем в розовый цвет, у неё перехватило дыхание и её пронзило незнакомое прежде ощущение свободы и счастья. Ей так не хотелось терять это чувство! В районе только что отвоёванного прохода к Красному морю, где сегодня расположен курортный город Эйлат, она встретила лётчика, которого уговорила взять её с собой в Иерусалим. При виде пустыни и гор у неё текли слёзы...

Всякий раз, когда ей удавалось найти время, свободное от работы и заботы о детях, её тянуло к просторным диким ландшафтам Негева или в пёстрые цветущие долины Голан. Они восхищали её и придавали ей силы.

Ещё одной движущей силой в её жизни была тоска по родителям и желание, чтобы мир узнал об их страданиях.

– Что бы я ни делала, я всегда думала о том, понравилось ли бы это моим родителям. С этими мыслями я вела дом и воспитывала детей. То, что я сначала выучилась на экскурсовода, а потом изучала в университете социологию, несомненно, связано с увлечениями моего отца. Мои мужчины были этим, разумеется, недовольны. Они воспитывались сов-

Vater, bevor der anfing sich zu schämen, dass er uns nicht mehr ernähren konnte, weil Juden keinen Job mehr bekamen und die Mutter uns mit Waschen und Nähen durchbrachte. Sie war so stark. Und ich war nicht bei ihr, als sie starb. Sie musste ganz allein sterben. Ohne ihren Mann, ohne ihre geliebten Kinder. Ich fürchte, manchmal war ich in Gedanken mehr bei ihr als bei meinen Kindern. – Und meine Enkelkinder nehmen mir übel, dass sie zum Essen ordentlich am Tisch sitzen müssen und all die preußischen Regeln. Du weißt schon.«

»Ja, die Jeckes.«

Die deutschen Juden galten in Israel als eigen in ihren strengen Sitten, ihrer Korrektheit und Pünktlichkeit. Eine Erklärung für die Bezeichnung »Jeckes« ist der niederdeutsche Karnevalsjeck, hochdeutsch Geck, der auf den Hofnarren zurückgeht. Eine andere Deutung des Ausdrucks ist die Jakke, die die deutschen Einwanderer in Palästina auch bei großer Hitze nicht ablegten.

Wer will es Esters Kindern verdenken, dass ihnen die Haare zu Berge stehen, wenn die Mutter den deutschen Kaiser zitiert? Obgleich die Botschaft nicht schlecht lautet: »Jeder soll nach seiner Fassung glücklich werden.«

Je länger ich Ester kenne, desto intensiver wird der Eindruck, dass wir die gleiche seelische Veranlagung besitzen. Bei beiden liegen die Ursachen in der Zeit des Nationalsozialismus und des Krieges. Obwohl Ester 88 Jahre alt ist und ich 44 bin. Sie ist ein Opfer des Nationalsozialismus und ich ein spätes Kind der Tätergeneration. Darum arbeite ich bei Aktion Sühnezeichen. Ester sagt darüber: »Sühne? Quatsch. Du hast mir nichts getan. Du bist so eine Deutsche, wie ich gewesen bin. Die Nazis waren die Anderen.«

»Es gab aber ziemlich viele, Ester.«

»Natürlich. Die sind auch nicht erst im Nationalsozialismus zur Verdummung und Verrohung erzogen worden. Die einen zum Gehorchen, die anderen zum Befehlen. In der Schule, im Elternhaus, überall ist man geschlagen und gedemütigt worden. Was wird aus einem Hund, den du schlägst und demütigst?«

»So macht man ihn scharf und böse.«

»Eben. Das funktioniert bei jungen Menschen genauso. Du brauchst ihnen nur sagen, wen sie beißen sollen. Das war früher leichter als heute, weil

сем в других условиях. В их семьях детям не уделяли столько любви и внимания, как у нас, Файльхенфельдов из Восточной Пруссии. Откуда же было взяться пониманию? Я не осуждаю их за это. Но мне не хватало любви, душевного тепла. Мне хотелось, чтобы мой муж был таким же, каким был мой отец, пока он не начал стыдиться того, что не может больше нас прокормить, потому что евреям не позволяли работать по профессии, и мама вынуждена была зарабатывать на семью стиркой и шитьём. Она была такой сильной женщиной! А меня не было с ней, когда она умирала. Ей пришлось умирать в полном одиночестве – без мужа, без любимых детей рядом... Боюсь, что я в мыслях бывала чаще с ней, чем со своими детьми... Вот мои внуки сердятся на меня за то, что я заставляю их во время еды чинно сидеть за столом – ну, ты знаешь, все эти прусские правила поведения.

– Да, знаю. Йеки.

В Израиле считали, что немецкие евреи отличаются строгими нормами поведения, корректностью и пунктуальностью. По одной из версий, прозвище «Йеки» происходит от голландского карнавального персонажа Йека (на литературном немецком – Гека), который, в свою очередь, ведёт свою родословную от придворных шутов. По другой версии, прозвище происходит от немецкого слова «Йаке» – «пиджак», который переселенцы из Германии не снимали в Палестине даже в сильную жару.

Неудивительно, что у детей Эстер волосы встают дыбом, когда мать цитирует слова германского кайзера, хотя сами эти слова вполне разумны: «Каждый имеет право быть счастливым на свой лад».

Чем дольше я знаю Эстер, тем сильнее становится ощущение нашей душевной близости. Для нас обеих первопричиной всего, с нами происходящего, является период национал-социализма и войны, хотя Эстер 88 лет, а мне 44, и она – жертва нацизма, а я – поздний ребёнок поколения преступников. Поэтому я и участвую в акции «Знак искупления»

Эстер говорит:

– Искупление? Чепуха. Ты мне ничего не сделала. Ты такая же немка, какой когда-то была и я. Вот нацисты – они были Другими.

– Но их было довольно много, Эстер.

– Разумеется. Оглушение и ожесточение немцев началось не при национал-социализме, а ещё раньше. Одних воспитывали, чтобы отдавать

man nur wenige Menschen und Kulturen kennenlernte. Unwissen kann ausgenutzt werden, alles, was fremd ist, lässt sich als bedrohlich und gefährlich hinstellen. Und wer verstand denn zum Beispiel das Funktionieren der Weltwirtschaft?«

»Wer versteht es denn heute?«, werfe ich ein.

»Na eben. Und als es zur Weltwirtschaftskrise kam und man wusste, dass viele Juden an der Börse arbeiteten, brauchte einer der Führer nur zu sagen, dass es eine Verbindung zwischen Krise und Judentum gibt.«

»Die Meisten haben bis heute nicht in der Schule gelernt, dass Wirtschaft und Kultur eine Domäne der Juden gewesen sind, weil sie jahrhundertlang nicht in den christlichen Handwerkszünften arbeiten durften, kein Agrarland kaufen konnten und sich darum um den Handel bemühten. Als sie im 19. Jahrhundert endlich die Gleichberechtigung erhielten und an Universitäten zugelassen wurden, taten jüdische Eltern alles, um den Kindern ein Studium zu ermöglichen. Die Blütezeit des europäischen Judentums begann. Das rief den Neid der Christen hervor. Viele erzogen ihre Kinder antiintellektuell.«

»Ja, du weißt das alles, was soll ich dir beibringen?«

Jetzt sind ausreichend Worte gemacht, es ist hinreichend Zeit verstrichen, wir haben lange genug über den für mich entscheidenden Satz hinausgeredet, sodass ich ungezwungen fragen kann: »Ester, was tue ich hier, wenn Sühne Quatsch ist, weil ich dir nichts getan habe?«

Sie weiß nicht, dass diese ihre Aussage die Lösung meines inneren Konfliktes bedeutet. Die letzte Markierung meines anstrengenden Weges. Ich nehme mir vor, mir das Datum zu merken, obwohl es ja keine Rolle spielt. Es spielt auch keine Rolle, was nachher kommt, es spielt keine Rolle, ob ich von nun an glücklich werde. Wichtig ist nur der Augenblick der Befreiung. Das ist das Ziel meines bisherigen Lebens. Ich weiß nicht einmal, ob ein weiteres Ziel folgt. Es ist mir egal. Ich lebe im Jetzt. Die Vergangenheit ist erledigt, die Zukunft noch nicht in Sicht.

»Was ich von dir will«, sagt Ester, »dass du mich ab und an besuchst und mir zuhörst. Das tut mir gut. Und dass wir zusammen in die Schulen gehen. Damit sich auch in Israel mehr Menschen für den Freiwilligendienst entscheiden. Der Staat kann die Betreuung der Alten nicht bezahlen. Aber wir vereinsamen ja ganz. Dabei haben wir was zu geben, oder nicht?«

приказы, а других – чтобы им подчиняться. В школе, в родительском доме – везде детей били и унижали. Какая собака вырастет из щенка, которого бьют и унижают?

– Злая и кусачая, – отвечаю я.

– Вот именно. То же самое происходит и с подростками. Достаточно им указать, кого нужно кусать. Раньше это было проще сделать, потому что люди были мало знакомы с другими народами и их культурами. Невежество легко использовать. Всё чужое легко представить опасным и угрожающим. Кто, например, понимал тогда, как функционирует мировая экономика?

– А кто понимает это сейчас? – бросаю реплику я.

– Вот видишь... А тогда, когда начался мировой кризис и все знали, что на бирже работало много евреев, достаточно было какому-нибудь фюреру только сказать, что между кризисом и еврейством существует некая связь...

– Большинство и сегодня не учит в школе, что экономика и культура были, так сказать, «вотчинами» евреев потому, что их на протяжении столетий не принимали в ремесленные цехи, они не имели права владеть сельскохозяйственными угодьями, и поэтому занимались торговлей. Когда они в 19-м веке наконец-то получили равные права и им разрешили учиться в университетах, еврейские родители делали всё для того, чтобы их дети получили высшее образование. Тогда начался расцвет европейского еврейства, и это вызывало зависть у христиан. Многие воспитывали своих детей в ненависти к интеллектуалам.

– Вот видишь, ты всё понимаешь, что мне тебе объяснять?

Теперь сказано достаточно слов, прошло достаточно времени, мы достаточно долго обходили в разговоре решающую для меня фразу, чтобы я сумела как бы ненароком спросить:

– Эстер, что я делаю здесь, если искупление – чепуха, потому что я ни в чём не виновата?

Она не знает, что её ответ будет означать для меня разрешение моего внутреннего конфликта. Последнюю веху моего нелёгкого пути. Я хочу запомнить дату, хотя это, в общем-то, не имеет значения. Не имеет значения и то, что произойдёт потом, не имеет значения, буду ли я после этого счастлива. Важен только момент освобождения. Это цель

»Und ob ihr was zu geben habt, Ester. Niemand hat mir so viel gegeben wie du.«

»Nun übertreibst du.«

Ich will nicht weiter darauf eingehen. Es wäre mir peinlich, weinen zu müssen.

»Ester, wann sollen die jungen Israelis Freiwilligendienst leisten? Nach der Schule müssen sie drei Jahre lang zum Militär. Die meisten heiraten früh und bekommen Kinder. Sie müssen zusehen, dass sie ihr Studium beenden. Es ist teuer.«

»Das weiß ich. Ich kenne auch keine Lösung. Ihr jungen Leute werdet schon eine finden, wenn ihr nur genug wisst. Und die hiesigen wissen nicht viel vom Freiwilligendienst.«

»Ist gut, Ester, lass uns in die Schulen gehen.«

Esters Krebsoperation kommt dazwischen. Das Café Europa können wir wenige Wochen später wieder besuchen, aber ihre Vorträge vor Schülern und Soldaten und die interreligiösen Treffen müssen warten. Doch Ester ist hart im Nehmen. Ich habe sie nie traurig oder stark berührt gesehen. Zu meiner Überraschung ändert sich das, als sie mir ein Buch empfiehlt, das sie während ihres Krankenhausaufenthaltes gelesen hat.

»Anja. Mir war nie klar, dass die christliche deutsche Generation, die während des Krieges Kinder und Jugendliche waren, ebenso traumatisiert ist wie wir. Das ist ja schrecklich! Und die haben das genauso an ihre Nachkommen weitergegeben wie wir! Man hat ihnen die Kindheit gestohlen genau wie uns. Darum konnten wir euch keine richtig gute Kindheit bieten. In Israel sind wir wenigstens psychologisch betreut worden. Kein anderes Land besitzt so viele Psychologen. Das hat man im Täterland offenbar nicht für nötig gehalten. Das ist furchtbar!«

Ich mag nicht glauben, dass der feuchte Film über ihren blauen Augen von ihren Gefühlen herkommt. Es gibt Freiwillige, die finden die alte Dame hart und unsensibel. Es ist mir unbegreiflich, dass Ester Golan Mitleid mit gleichaltrigen Deutschen empfindet.

»Nenn mir Beispiele«, forsche ich, doch ich fürchte, ich weiß, was sie meint.

»Nein, das musst du selbst lesen.«

всей моей предшествующей жизни. Я даже не знаю, появится ли после этого какая-то новая цель. Мне это безразлично. Я живу только сейчас. С прошлым покончено, будущего не видно на горизонте.

– Всё, что мне нужно от тебя, – говорит Эстер, – это чтобы ты время от времени приходила ко мне и выслушивала меня. Мне от этого легче на душе. И чтобы мы вместе с тобой приходили в школы. Чтобы всё больше людей в Израиле присоединялось к волонтерскому движению. Государство не в состоянии оплачивать уход за стариками, и мы остаёмся в одиночестве. Но ведь и нам есть что дать, правда?

– Конечно, Эстер, у вас есть что дать! Никто не дал мне больше, чем ты!

– Ну, это ты уже преувеличиваешь!

Я не хочу продолжать эту тему. Мне было бы неловко расплакаться на глазах у Эстер.

– Эстер, когда молодым израильтянам заниматься волонтерством? После школы они должны три года отслужить в армии. Большинство рано заводят семью и рожают детей. Им нужно ещё получить образование, а это дорого.

–Я знаю. Я тоже не могу предложить решение. Вы, молодёжь, сами найдёте его, если у вас будет достаточно знаний. А здешняя молодёжь не очень много знает о волонтерстве.

– Ладно, Эстер. Давай отправимся в наш поход по школам.

Наше общение с Эстер прервала онкологическая операция, которую ей пришлось делать. Через несколько недель мы уже могли снова встречаться в кафе «Европа», но её выступления перед школьниками и межконфессиональные встречи пришлось отложить. Но Эстер – человек очень сдержанный. Я никогда не видела её опечаленной или сильно растроганной. К моему удивлению, сдержанность изменяет ей, когда она рекомендует мне одну книгу, которую она прочла, лёжа в больнице.

– Знаешь, Аня, я не представляла себе, что те немцы-христиане, которые застали войну детьми и подростками, так же травмированы, как и мы, евреи. Это ужасно! И они так же передали эту травму своим потомкам, как и мы... У них так же украли детство, как и у нас. Поэтому наше поколение не смогло дать вашему по-настоящему хорошее

»Vor allem werde ich es meiner Mutter zu lesen geben.«

»Nein. Tu das nicht. Lies du es zuerst und entscheide dann, ob du es ihr geben kannst.«

Das ist es also. Ich sehe meine Mutter vor mir. Und ich sehe Ester vor mir. Zum ersten Mal ist sie bewegt. Mehr als sie auszudrücken vermag. So berührt habe ich auch meine Mutter nie gesehen. Sie empfindet das Leid des Anderen nicht immer, merkt oft nicht, wenn sie verletzt, ebenso wie Ester. Sie kann sich nicht richtig freuen und sich und andere nicht leicht lieben. Sie versicherte mir einmal, dass sie Schmerz sehr wohl spürt, und sie würde gerne weinen, aber nichts kommt heraus, keine Tränen, keine Worte. Man hatte sie ihr verboten, als die grausigen Anblicke des Krieges noch frisch waren. Und später hatte die Zeit im Kampf ums Überleben gefehlt.

Darum bin ich hier. Durch die Begegnung mit Ester bin ich in der Lage mich von nun an weiter zu entwickeln als die beiden alten Frauen. Ich habe für mich persönlich den Konflikt gelöst, der in Deutschland und Israel von Generation zu Generation weitergegeben wird.

Zum Abschied halte ich Ester fest in den Armen, und während ich sie spüre, weiß ich, jetzt ist es mir auch möglich, meine Mutter so an die Brust zu drücken.

Am 7. April 2013, am Vortag des Yom HaSchoah, des Schoah-Gedenktages, starb Ester Golan im Alter von 89 Jahren. Meine Mutter folgte ihr ein Jahr später.

детство. У нас в Израиле была, по крайней мере, психологическая поддержка. Ни в одной стране нет столько психологов, как в Израиле! Но в Германии, стране-виновнице, это, по-видимому, сочли излишней роскошью... Ужасно!

Мне трудно в это поверить, но голубые глаза Эстер подёргиваются предательской влагой... Среди волонтёров есть такие, что считают эту старую женщину суровой и бесчувственной. Для меня непостижимо, как Эстер может сочувствовать своим ровесникам-немцам...

– Приведи мне примеры, – продолжаю настаивать я, хотя, боюсь, знаю, что она имеет в виду.

– Нет, ты сама должна это прочитать.

– Прежде всего я дам это прочитать своей матери.

– Нет, не делай этого! Прочти сначала сама, а потом решай, стоит ли ей это читать.

Вот оно что... Я мысленно вижу перед собой мою мать. И я вижу Эстер. Впервые я вижу её взволнованной. В большей степени, чем ей хотелось бы показать. Такой взволнованной я и свою мать никогда не видела. Она не всегда чувствует боль других людей, не всегда замечает, когда задевает кого-то – в точности как Эстер. Как-то раз она сказала мне, что ей бывает очень больно, и она хотела бы заплакать, но не может выразить это, не в состоянии проронить ни слезинки, ни слова. Ей запретили это делать, когда страшные военные впечатления были ещё свежи. А потом, в борьбе за выживание, на проявления чувств просто не оставалось времени...

И поэтому я здесь. Благодаря встречам с Эстер я могу идти в своём развитии дальше, чем сумели обе старые женщины – она и моя мать. Я для себя смогла разрешить тот внутренний конфликт, который и в Израиле, и в Германии передаётся от поколения к поколению.

На прощание я крепко обнимаю Эстер и в это время ощущаю, что смогу теперь так же крепко прижать к груди мою мать.

7 апреля 2013 года, накануне Дня Памяти Шоа, Эстер Голан умерла в возрасте 89 лет. Моя мать последовала за ней через год.

Перевод: Евгения Комарова

Mark
BURROWS

Марк
БЭРРОУЗ

THE HEARTS' TIDES

(Zum Thema: »Liebe«)

In my mind's eye, across distances
separating us in space and time, I

saw you dancing for the joy of life,
your feet knowing just how to find

the way to a rhythm ancient and new,
shaping song in the movement of flesh,

the flow of the body's one true knowing.
"In dance," you once told me, "I find

what I'm made to be." And you spoke
of a faith older than doctrine or creed,



ПОРЫВЫ СЕРДЦА

(Тема: «Любовь»)

Мысленным взглядом, через дистанцию,
что нас разделяет в пространстве и времени,
тебя я вижу танцующей от радости бытия.
Ноги твои, безошибочно знающие
пути к ритмам прошлого и настоящего,
превращают музыку в движение плоти.
Гибкость тела одна знает правду.
«В танце, – ты однажды призналась мне, –
я нахожу себя и понимаю, для чего создана».
Ты говорила тогда о доверии,
которое всех доктрин и убеждений древнее.
Оно одно соединяет страданье и радость
в их абсолютном равенстве
и знает, как преодолеть дистанцию,
что крепко связала нас.
«Мы для этого созданы», – ты мне сказала,
и я почувствовал вкус бытия,

the kind that joins joy and suffering
with an equal claim, and knows enough

to reach across the distances still
binding us one to the other. “We’re

made for this,” you told me, and I
knew as well to taste that presence rising

out of the stillness, its own form of dance
beyond doubt or certitude: the grace of

simply being, now and here, and knowing
beyond language and every other gesture

of thought that the gift is ever between us.
You remind me of this in the radiance of

your body, its fierce and gentle flow –
a way of revealing, a form of communion,

a longing in the deep crevices of silence,
an opening to the pull of the hearts’ tides.

он поднимался из глубины,
из ритма танца – вопреки
сомнениям или неверью.
О счастье – просто быть,
сейчас и здесь,
и ощущать все запахи и звуки, и движенья,
и нашу мысленную связь.
Об этом ты напоминаешь великолепным
полётом тела своего.
Его неистовый и нежный
путь откровений
и способ передачи мысли,
ответят страстному желанью
глубоких гротов тишины,
открытых чутко биению сердец,
приливам и отливам порывов
и устремлений наших.

WINTERFALL

(Zum Thema: »Trauer«)

This year the snow
fell unexpectedly
in September
in a season
marked by
long shadows
of loss etched
into blazing
afternoons
and the rhythm
of gathering
nights. No
sound was
heard save
the murmuring
of sorrow
deep in the
throat, the
feeble push
against
the death
that came so
suddenly and
unbidden. No
sound cut the
long blue
silences, the
aching absence
within, and no
further word
was heard.

BEREFT

(Zum Thema: »Trauer«)

A lone goose drifts above
in the autumn heights, not

heeding the flock's broken
line, and steers her course

into the weight of night.
In the distances I hear her

sound her lonely call into
the patience of sky, but

nothing rises to answer in
the gathering dark of night.

I cannot see her now, but
hear her voice pleading with

this absence again and again,
a reminder of familiar shadows

now gone, the sound drifting
into the pooling silences – a

gesture of her sense of constancy,
a sign of the heart's dark hungers.

ОДИНОКИЙ

(Тема: «Скорбь»)

Одинокий,
в осенних высотах
дрейфующий гусь,
вдруг отбился от стаи,
изменив направленье,
и оставив излом
в ряду улетающих братьев.
Он летит своим курсом
под бременем ночи на крыльях.
Хриплый клич его,
снова и снова,
в отдалении слышу.
Этот голос, зовущий
в безответности тьмы,
мне напомнил
о знакомых теньях,
безвозвратно ушедших.
Вечный зов, зависающий
во всеобъемлющей ночи, –
клятва верности,
знак безнадежных желаний.

WHAT WIDENING

(Zum Thema: »Trauer«)

A cold morning and cloudless, the skies
as ever giving quiet chase to the dark.

They lift a golden blaze from the stillness
of the night's stark watch, and, as usual,

the day makes no comment of its own,
opening room for birdsong and wind,

their wandering a measure of mercy adrift
in us like a coracle on the seas of pleasure.

This rising happens night after night despite
the lightness of our joys or the weight

of our sorrow; it doesn't hesitate to come
when set against the plight of the world's

deepest woe, nor is it ever slow to join
the meandering parade of gladness.

And we, what madness of mind will bring us?
What widening of heart will sing us?

ПРОСТОР

(Тема: «Скорбь»)

В ранний час, когда стылый рассвет
на безоблачном небе,
стирая великолепия ночи,
ей внимает и оставляет за ней
укромное место с правом охоты.
День не имеет своих суждений,
он открывает простор
для ветра и птичьих песен,
ибо ветер и птицы странствуют
из сострадания к миру.
А в наших сердцах оно
подобно рыбацкой лодке,
плывущей по воле случая
между приливами наслаждений.
Нас по ночам пробуждают
шквалы ненастья...
О легковесность нашего счастья,
о тяжесть нашей печали!
На парадах радости без цели блуждая,
познаём в конце мировые скорби.
Нам когда-нибудь, пусть и не сразу,
В утешенье дают состраданье.
Что за безумие ведёт нас к прозренью?
И какая щедрость души опалит нас?

ALONE

(zum Thema: »Trauer«)

No wind stirs the night's stillness
where memory and absence
gather me in madness as I walk
alone along the empty shore.
And I wonder if you've also
come here, hallowed by
a measure of this sorrow?
The moonlight pools gently
upon the soft waters, and I hold
in my hands the fruit we'd
tasted in that short season
of ripening. Now, I begin
to see dimly how the world
is made of voids in the heart,
torn open at the places where
we love but cannot hope.

ОДИН

(Тема: «Скорбь»)

Ни ветерка. Спокойна ночь,
в которой память спрятала потери.
Один иду вдоль берега пустого,
безумие утраг постичь пытаюсь.
Я всё бы отдал, чтоб узнать,
что будет, если встретимся мы снова,
что стало б с нами, если б ты пришла,
гонимая безмерностью печали?
А лунный свет так нежно льнёт
к атласной глади вод...
Держу в руке созревший плод,
распробованный нами
в короткий созревания сезон,
и начинаю понимать,
как сотворён сей мир:
из боли и пустот сердец разбитых,
когда, любя, мы понимаем
всю безысходность призрачных надежд.

Перевод с английского: Татьяна Ивлева

Sophie

REICH

Софи

РАЙХ

DICKHÄUTER

(Zum Thema: »Methamorphose«)



eden Dienstagabend ging er ins Freizeitbad. »Schwimm' nicht so weit raus...« sagte seine Mutter jedes mal zu ihm bevor sie, mit besorgtem Lächeln, die Tür hinter ihm schloss. Klaus hatte alle möglichen Bäder im Umkreis von 50 km getestet, doch nur das Schwimmbad am Kernnader Stausee entsprach seinen Bedürfnissen: Gut temperiertes Wasser, nicht tiefer als 1,35 m, gedämpfte Unterwasserbeleuchtung, Massagedüsen, Whirlpool und eine Gegenstromanlage. Das Beste war die lange Öffnungszeit am Abend: Bis 23 Uhr, letzter Einlass 21 Uhr, da konnte er sicher sein, dass ihn keine Kinder mehr nervten. Ballspielen und Springen vom Beckenrand war offiziell verboten, aber niemand von der Badeaufsicht kümmerte sich darum – die machten ohnehin einen gelangweilten Eindruck. Nach 22 Uhr waren nur wenige Menschen im Schwimmbecken, obwohl die Saunen und die Solarien voll sein mussten, denn auf dem Parkplatz hatte er nur mit etwas Glück eine Lücke gefunden.

Mühsam, sich in der engen Umkleidekabine auszuziehen: 125 Kilo, das Rücken fällt ihm schwer. Die Hose lässt er herunter gleiten, strampelt mit den Beinen, bis das Hosenknäuel zu seinen Füßen liegt und sich mit einer Hand



ТОЛСТОКОЖИЙ

(Тема: «Метаморфозы»)

Каждый вторник по вечерам он ходил в открытый бассейн. «Не уплывай далеко!» – повторяла каждый раз его мать, с озабоченной улыбкой закрывая за ним дверь. Клаус испробовал все бассейны в радиусе 50 км от дома, но только бассейн на Кемнадерзее полностью отвечал его требованиям: приятная температура воды, глубина не более 1,35 м, приглушённое подводное освещение, форсунки для водного массажа, генератор встречного потока. Но самым главным достоинством было позднее время работы бассейна: по вечерам посетителей впускали до 21.00, закрывался бассейн в 23.00, так что он мог быть уверен, что никакие дети не будут ему действовать на нервы. Играть в бассейне в мяч и прыгать с бортиков в воду было официально запрещено, но зрителей бассейна это не заботило, они только бродили вокруг со скучающим видом. После 22-х часов в плавательном бассейне людей было немного, хотя сауны и солярии были, по-видимому, заполнены, так как он с трудом нашёл место на парковке.

Ох, как здесь тепло! Клаус тут же начинает потеть, пока не отыщет свободный гардеробный шкафчик. Ему неудобно переодеваться в тес-

hochnehmen lässt. Sorgfältig, Falte auf Falte, hängt er sie über den Kleiderbügel, ebenso Pullover und Mantel, die Unterwäsche samt T-Shirt stopft er in die Badetasche. Oh, diese Wärme hier, voll bepackt gerät er ins Schwitzen, während er nach einem freien Garderobenschrank Ausschau hält.

Langsam steigt Klaus in Gummischlappen, in denen er keinen richtigen Halt hat, die Treppe zur Badehalle hinunter. Kurzsichtig, sieht er ohne Brille nur undeutlich, auch sein Bauch ist im Weg. Die Hand fest auf dem Geländer, tastet er sich vorsichtig Stufe für Stufe hinab. Einmal ist er auf den feuchten Fliesen ausgerutscht, hatte sich böse ein Knie aufgeschlagen und war nur mit fremder Hilfe wieder hochgekommen.

Ein paar Schritte noch und mit einem Seufzer der Erleichterung gleitet er ins Wasser: Gerettet! Er schwimmt viele Bahnen, glücklich, die Last seines Körpers nicht mehr zu spüren. An Seerobben muss er denken, die sich an Land so schwerfällig bewegen, im Wasser aber schnelle, elegante Schwimmer! Ja, er ist eine Robbe, ein Seeelefant... übermütig taucht er und prustet im Hochkommen eine Wasserfontaine aus. Er dreht sich auf den Rücken, Toter Mann, das Wasser trägt ihn wunderbar. »Fett schwimmt oben« hatten ihn früher die Mitschüler gehänselt, und »Du hast deinen BH vergessen« – was wussten die schon!

Eine Elefantenhaut war ihm gewachsen, Spott glitt daran ab und die schiefen Blicke anderer Menschen – Hungerhaken, dachte er verächtlich – ignorierte er. »Sie müssen Sport treiben, ich rate dringend zu einer Diät«, hatte der Hausarzt nach dem letzten Gesundheits-Check gesagt und dabei besorgt auf seine Cholesterin-Werte geblickt. Diese Tabletten nahm er schon lange nicht mehr, alles nur eine Erfindung der Pharmaindustrie. Es ging ihm doch gut!

Sein Blick fällt jetzt auf den separaten Eingang, der zur großen Wasserrutsche führt. Im Prospekt hatte er gelesen, dass sie 96 Meter lang ist und »Kernader Blitz« genannt wird. Immer schon wollte er sie ausprobieren, aber da er nicht wusste, was ihn erwartet, war er bisher zurückgeschreckt: Blamieren will er sich nicht. Jetzt, inzwischen einziger Badegast, fasst er Mut und macht sich auf den Weg nach oben. Viele Treppenstufen, auf jedem Absatz legt er eine kurze Pause ein, sein Herz klopft heftig vor Anstrengung und Aufregung. Oben angekommen, späht er in die blaue Kunststoffröhre, die kurvenreich nach unten führt. Das Wasser plätschert einladend. Seitlich ein Stapel mit

ной кабинке: как-никак, 125 кг, тяжело с таким весом наклоняться... Он расстёгивает брюки, они соскальзывают вниз, он сучит ногами, пока брюки не оказываются у его ног комком, который легко поднять одной рукой. Аккуратно, складочка к складочке, он расправляет их на вешалке, так же аккуратно вешает он свитер и пальто, а нижнее бельё и футболку небрежно запихивает в сумку.

Клаус медленно спускается по лестнице в плавательный бассейн, ноги в резиновых шлёпанцах скользят, он боится упасть. Он близорук и плохо видит без очков, да и живот мешает видеть ступеньки. Не отнимая руки от перил и нащупывая ногами ступеньку за ступенькой, он осторожно продвигается вниз. Однажды он уже поскользнулся на влажных кафельных плитках, упал, сильно разбил колено и не мог подняться без посторонней помощи. Ещё пара шагов, и он со вздохом облегчения опускается в воду. Уфф, спасён! Он делает много кругов по бассейну, счастливый от того, что избавлен от ощущения тяжести собственного тела. Он думает о тюленях: они с таким трудом передвигаются по берегу, зато в воде они – быстрые и элегантные пловцы! Да, он тюлень, он морской слон... Воодушевлённый такими мыслями, он ныряет и, выныривая, удовлетворённо фыркает, выпуская фонтан воды. Он переворачивается на спину, лежит, как мертвец, вода так замечательно его держит... «Жир плавает поверху», – дразнили его когда-то одноклассники... А ещё они кричали ему: «Эй, ты забыл свой бюстгальтер!». Да что они все понимали...

Он отрастил слоновою шкуру, все насмешки скатывались с неё, как капли воды, а косые взгляды людей («голодные псы!» – презрительно думал о них) просто игнорировал. «Вы должны заниматься спортом, я бы посоветовал вам немедленно сесть на диету», – сказал ему врач после последней диспансеризации, бросая озабоченный взгляд на показатели холестерина в крови. Эти дурацкие таблетки, которые ему прописали, он уже давно перестал принимать – зачем ему всякие выдумки фармацевтической промышленности! Он и так прекрасно себя чувствует!

Его взгляд падает на отдельный выход, который ведёт к большому жёлобу для скатывания в воду. В брошюрке он прочитал, что этот скат имеет длину 96 м и называется «Молнией Кемнадерского озера». Он давно хотел попробовать по нему скатиться, но, не зная, что его

dicken roten Plastik-Reifen, auf die man sich setzen kann. Er ist allein hier oben, niemand sieht zu: Er wagt es!

Abwärts geht es, schnell, so schnell, Angst und Freude im Wechsel, kaum registriert er, was geschieht und schon landet er mit einem großen Platsch im Auffangbecken, kippt vom Reifen, taucht kurz unter, schluckt Wasser und krabbelt – noch etwas benommen – auf allen Vieren heraus.

Toll war das, er macht sich erneut auf den Weg nach oben. Wieder setzt er sich, am seitlichen Geländer Halt suchend, stößt sich mit Schwung ab und rutscht ins dämmerige Blau hinein. Er fliegt, genießt die Geschwindigkeit, ist wie im Rausch. Immer wieder steigt er die Treppen hoch, kann nicht genug kriegen. Da geht plötzlich das Licht aus, der Wasserzufluss endet: Es geht nicht mehr weiter!

Wie, hat man ihn vergessen? Merkt niemand, dass er noch hier hier ist? Die Lautsprecher-durchsage mit der Aufforderung an alle Gäste, das Drehkreuz am Ausgang bis spätestens 23 Uhr passiert zu haben, hatte er wie immer gehört, wusste, dass sie regelmäßig 30 Minuten vor Schluss kommt. An die Zeit hatte er überhaupt nicht mehr gedacht!

Er ruft um Hilfe, trommelt mit aller Kraft gegen die Röhrenwand. Bei lauter Musik geht jetzt in der Schwimmhalle die Putzkolonne ihrer nächtlichen Arbeit nach. Seine Schreie verhallen ungehört! Was soll er tun? Er friert, sein Kopf dröhnt, es ist, als zerreiße es ihm die Lungen, als ginge sein Herz mit ihm durch! Die finstere Röhre ängstigt ihn, er verliert das Gleichgewicht, kippt vornüber und kann sich gerade noch auf den Bauch drehen. In Panik versucht er verzweifelt, weiter zu kommen, aber vor der letzten Kurve verlässt ihn die Kraft. Er ringt nach Luft, ein Eisenring umklammert seine Brust, der Schmerz raubt ihm das Bewusstsein. Gedanken blitzen auf, er will seiner Mama sagen, dass...

Am nächsten Morgen sieht der Bademeister im Becken am Ende der Rut-sche etwas, was da nicht hingehört »Sieh mal«, ruft er einer Kollegin zu, »hier hat ein Kind wohl sein Schwimmtier vergessen«: An seinem Arm hängt eine graue, leere Plastikhülle. »Es ist ein Elefant«, sagt er lächelnd. Aus dem Rüssel tropft noch etwas Wasser, und er glaubt, einen langen, unendlich traurigen Seufzer zu hören – aber sicher war das nur Einbildung.

ожидает, до сих пор не решался: позориться он не собирался. Сейчас, когда он один в бассейне, он собирается с духом и медленно начинает подниматься по лестнице. Ступенек много, на каждом лестничном пролёте он делает передышку, его сердце колотится от напряжения и возбуждения. Поднявшись наверх, он заглядывает в голубую пластиковую трубу, извилисто ведущую вниз. Внизу маняще плещется вода. Сбоку лежит стопка толстых надувных кругов из красного пластика, на которые можно садиться. Он здесь, наверху, один, никто его не видит... И он решается!

Он катится вниз, всё быстрее и быстрее, страх и радость сменяют друг друга, он едва успевает понять происходящее – и вот он уже с громким всплеском оказывается в приёмном бассейне, опрокидывается с круга, уходит ненадолго под воду, захлёбывается и, всё ещё слегка оглушённый, на четвереньках выбирается на бортик.

Это было восхитительно! Он снова отправляется наверх. Снова садится на круг, держась за боковые поручни, резко отталкивается и скатывается вниз, в мерцающую голубизну. Он летит, упивается скоростью, он опьянён полётом.

Снова и снова взбирается он вверх по лестнице, ему хочется ещё и ещё... И вдруг гаснет свет, останавливается подача воды: всё, конец рабочего дня...

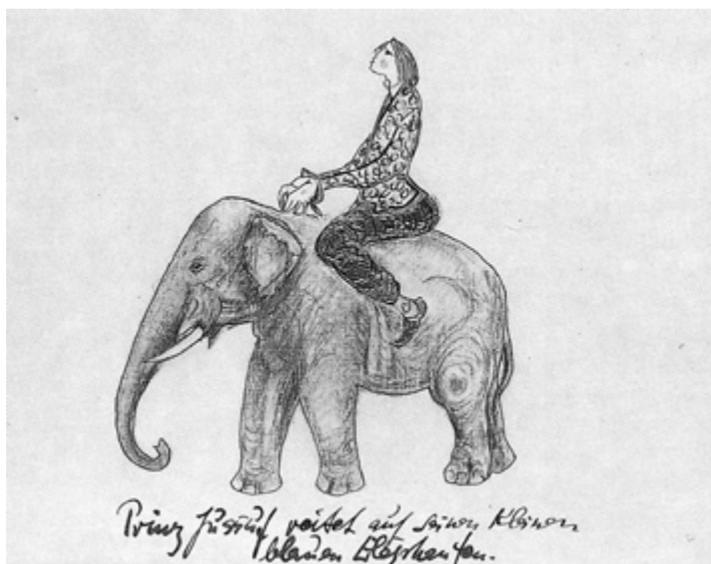
Как это так – о нём забыли? Неужели никто не заметил, что он ещё здесь? Конечно, он, как всегда, слышал предупреждение по громкоговорителю, напоминание посетителям о том, что они должны покинуть помещение не позднее 23.00, знал и о том, что это предупреждение звучит обычно за полчаса до закрытия, но он совершенно не думал о времени!

Он зовёт на помощь, изо всех сил барабанит по стенкам трубы. Но под звуки громкой музыки уже приступили к своей работе уборщики помещений, и его крики никто не слышит... Что делать?! Он замёрз, у него гудит в голове, ему кажется, что у него вот-вот разорвутся лёгкие, а сердце выскочит из груди... Ему страшно в тёмной трубе, он теряет равновесие, падает навзничь и с большим трудом переворачивается на живот. Его охватывает паника, он в отчаянии пытается продвинуться дальше по трубе, но перед последним поворотом силы покидают его.

Он судорожно хватается ртом воздух, его грудь словно сдавливает железным обручем, от боли он теряет сознание... Последней вспыхивает мысль, что он хотел рассказать маме о...

На следующее утро дежурный смотритель замечает в пустом бассейне в конце ската нечто, чего там не должно быть. «Гляди-ка, – зовёт он коллегу, – похоже, какой-то ребёнок забыл тут свою надувную зверюшку!» На его руке висит серая пустая пластиковая оболочка. «Это слон», – говорит он с улыбкой. Из хобота ещё капает вода, и дежурному кажется, что он слышит долгий, бесконечно печальный вздох... Но это, конечно, только игра воображения.

Перевод: Евгения Комарова



»Prinz Jussuf reitet auf seinen kleinen blauen Elefanten«. Das Bild von Else Lasker-Schüler

«Принц Юсуф верхом на своем маленьком голубом слоне». Рисунок Эльзы Ласкер-Шюлер

Anton
SCHLÖSSER

АНТОН
ШЛЁССЕР

**SCHWEBEN
ERINNERN & VERGESSEN**

ERINNERUNGEN WIE WEGGELEGTES
GELD

habe ich meine Gedanken verloren

bei dir oder liegengelassen
sie zu holen von dir hat man
mir die Gedanken gestohlen
ein Ungestüm am Meer entlang
ist das Land schmutzige Härte
im steinigen Schmutz doch
blüht es in allen Farben
als seien die Wünsche in keine Dose zu schließen
wie Pandora es konnte um sie tosen zu lassen
die Frage wie schön sie ohne Antwort ist
und die Hoffnung in der Welt zu bleiben.



ПАРИТЬ ВСПОМНИТЬ & ЗАБЫТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ ПОДОБНЫ ОТЛОЖЕННЫМ ДЕНЬГАМ

.....
я растерял с тобой все мои мысли?
а может, отложил их, чтобы
потом забрать их у тебя?
или украдены они?
стремительно раскинулся вдоль моря
край жёсткой, каменистой почвы;
наперекор камням и грязи
цветёт он яркими цветами –
так, словно бы никто не запирает желанья в ящик,
как это ловко сделала Пандора,
чтобы потом им дать разбушеваться...
вопрос – как он прекрасен без ответа!
и в мире поселяется надежда.

OFFEN & BAR

Es bleibt
das Geheimnis
wenn hinter der
Stirnwand
das Licht aus den Augen
ins Herz fällt

tönern
schlagen zwei Uhren dann
in der Hand
den Ton zu brechen
lautlos
bleiben zwei Scherben
in unserer Hand

gesprungene Töne
zur Schale gefügt
trinken wir was uns bleibt.

VERGEHEN

über Grate an Halmen
verdorrten & grünen vorbei
regnet es in den Morgen
des Kirschblütenbaums
der Wind treibt die Blüten
weiß als sei's Winter
der endgültig vorbei.

РАСПАХНУТО & ОБНАЖЁННО

Не разгадана тайна
священного действия
когда
в лабиринтах сознания
свет наших глаз
достигает сердца

гулко
бьются два пульса
в запястьях
разбиваясь
беззвучно и
оставляя осколки
в наших ладонях

брызги звуков
в чашу собрав
допиваем, что нам осталось.

БЕЗВОЗВРАТНО

паря над остриями стеблей
зелёных и колких
поутру осыпается
цвет вишнёвых деревьев
ветер гонит белизну лепестков
будто это зима
безвозвратно проходит

DER SCHMERZ

Gestern Abend und zurück
Immer an der Grenze
Das Dilemma

In dem er sich wehrt
Seinen Sanftmut verliert
Sofort wieder hat

Das Böse in den Augen
Ein Wetter –
Leuchten des Tags

Ins Licht sich
Vergehen sich
Wehren

DER BLICK

Die Grenzen
einhalten ist
Die Grenzen
überschreiten
Die Grenzen
los zum Nichts
Die Grenzen
der Schönheit
Die Grenzen
untergehend
Die Verletzlichen.

БОЛЬ

Со вчерашнего вечера
Снова и снова
На границе дилеммы

Оборону держишь
Теряя остатки мужества
Вновь его обретая

То кромешная темень в глазах
То сверканье зарницы
Дневной

К свету пробиться
Себя
Защитить

ВЗГЛЯД

Границы блюсти –
значит их нарушать,
от них отказаться –
нет цели к движенью.
Мы знаем одно лишь:
как труден тот путь,
что вечно на грани –
от взлёта к паденью.

EINDRINGLINGE

also.....

.....

wenn ich mich überlassen
kann ich mich aufgeben
zu allem draußen und dir
im Wehen unserer Kleider
dass unsere Gestade sich
weiterhin vermischen dass
sie nie zur Grenze werden
für Eindringlinge die wir
sind und in uns haben
kommen und gehen
zu füllen das Leere
im Topf auf dem Kopf
fließend das Wasser gehalten
im Spalt unserer Tage.

ВТОРЖЕНЦЫ

итак.....

.....

наедине с собой
могу в пространстве
перемещаться
вторгаясь в каждого
во всех в тебя
через барьер одежд
чтоб наши берега
вдали соединились
для нас таких
границ не существует
а также и для тех
что вторглись в нас
приходим и уходим
чтоб в чашах черепов
заполнить пустоту
воды течение удержать
в разломах наших дней.

MODERNES LEBEN

Umwandlung der Produzenten in
Konsumenten

Schlaraffenland ist mein Stand
Rechts-Bei-Ab&An
die Bäuche werden größer

Denken mehr & mehr
langgezogen Eins ins Andere
in gespulten Schläuchen
drehen sich schlangengleich

Um ihre Achse der Platz
an dem die Kirche stand

Nah am Wasser
die Fische
gehen wie Säuglinge über den Tisch.

ДУХ СОВРЕМЕННОСТИ

Превращение производителей
в потребителей.
Шларaffenланд¹ – их состояние.
По праву, да и по случаю,
пресыщенность в растущих животах.

Дефицит размышления
о взаимосвязи вещей.

Шлангу подобны,
извиваются змееобразно;
бьются, как рыбы на суше,
в заботах о том, чтоб их прах
погребли возле кирпичи.

Воду почуяв,
на песке оживляются рыбы,
будто грудные младенцы
на стерильном столе
за минуту перед кормлением.

¹ Schlaraffenland (Шларáффенланд) – сказочная страна, в которой живут, предаваясь удовольствиям, лентяи. Буквально – страна ленивых обезьян.

AUGE & ANKER

Deus absconditus

Ein Blick in die Gefängnisse
des Alters
vor Angst blind gemacht
auf den Cliffs of Mohair

Zurück der Blick
in die Neue Welt
gefederter Geschwister damals
mit Friedenspfeifen & Pfeilen
die den Rand des Himmels treffen

Unsere Pfeile zeigen nur
den weit geworfenen Anker
hin wo er unsichtbar.

ОКО & ЯКОРЬ

Deus absconditus¹
Страх ослепляет
при первом же взгляде
на древние крепости
в скалах Мохер²

В Новый Мир обращается взгляд
к собратьям индейских племён
в ярких перьях
с трубками мира и лёгкими стрелами
летающими в небо

Наши стрелы указывают всего лишь
на брошенный якорь в далёком пространстве
где он невидим.

¹ Deus absconditus (лат.) – незримый **Бог**

² Cliffs of Mohair (англ.) – скалы Мохер (в Ирландии, высочайшие в **мире**)

* * *

Unsere Gestade
die sich vermischen

genug der Gesichter
in den Mauern
sich zu verlieren
in Sehnsucht zur Lust
heraus
in die Geschichte

das Meer
die Steine
die Felsen spielen

im Stürzen
und
Bleiben.

* * *

Наши берега
которые соединяются

нет числа лицам
запертым
в стенах

в тоске по счастью
вырваться
в неизвестность

море
камни
скалы сверкают

обрушиваясь
и
утверждаясь.

OSTERN

Ach was für ein
Wendefeuher
Hinter den Wänden
Diese Weite im Kopf

Der Kühe über den Ginster
Hinweg am Waldrand entlang
Halten sie ihn
Wie gesagt

Trug ich das Holz zum Feuer
Die Flasche mit Rotwein
Hin und Her
Bis Mitternacht

Hell
Traf ich viele
Die blonde Maria
Mit großen Augen

Das Leben ist
Voll
Beschäftigt mich
Der Rand

Mit langem Hals
Über ihn hinweg
Die Cliffs of Mohair
Und das Vergessen.

НА ПАСХУ

Ах,
Что за полыхание огней
Пригрезилось
В пространстве?

Коровье стадо забрело туда,
Где полыхает дрок цветущий.
Держусь тропы
Вдоль леса.

В костёр бросаю сучья.
Бутылка красного вина
До самой полночи
Идёт по кругу.

В толпе
Встречаю наяву
Русоволосую Марию:
Её глаза бездонны.

И жизнь пока полна
Глубоким смыслом,
Но с грустью размышляю
О крае бытия.

Бросаю
Последний взгляд
На Скалы Мохер,
Чтоб навсегда забыть.

Перевод: Татьяна Ивлева

Friedrich GROTJAHN

Фридрих ГРОТЪЯН

DIE FRAU IM BUS

(Zum Thema: »Tod«)

Deswegen hatte ich ja angerufen. Aber der, der hier am Telefon saß, hat nicht angebissen, wollte nur wissen, wie ich heiße, sämtliche Vornamen, wann und wo ich geboren bin – meinen Geburtsort musste ich sogar buchstabieren – wo ich wohne und all das. Na ja, »angebissen« ist vielleicht nicht so ein glücklicher Ausdruck: Polizei mit Biss! Nee. Was? Nein, ich bin nicht betrunken. War ich damals auch nicht. Ich war beunruhigt. Das ist was anderes. Aber als ich ihm das erzählt habe, hat er gefragt, ob mir so was schon mal passiert ist. Und ich könnte, wenn ich unbedingt wollte, das ja bei meiner Einsatzzentrale zur Sprache bringen. Wenigstens sähe er da keinen Fall für die Polizei. Da habe ich wieder aufgelegt. Und jetzt bin ich persönlich hier. Es geht um dieselbe Sache. Aber jetzt ist es anders, gewissermaßen umgekehrt.

Also noch mal von vorn. Angefangen hat das Donnerstag vor vier Wochen. Ich war gerade an der Haltestelle vorbei, wo diese elend lange Strecke durch das alte Zechengelände anfängt und wo nur



ПАССАЖИРКА

(Тема: «Смерть»)

Я как раз из-за этого и позвонил. Но тот, который сидел тут на телефоне, он не клюнул, он только хотел знать, как меня зовут, все имена, когда и где я родился – мне даже пришлось продиктовать по буквам название места! – где я живу и всё такое прочее. Ну да, «клюнул», наверное, не совсем удачное выражение, полицейский ведь не рыба и не птица... Что? Нет, я не пьян. И тогда тоже не был. Я был встревожен, да. Но это же совсем другое. Но когда я ему рассказал всю историю, он спросил, случалось ли со мной прежде нечто подобное. Я ведь мог бы, если бы захотел, сообщить об этом в свою диспетчерскую. Во всяком случае, я думаю, это не дело полиции. Ну я и положил трубку. А теперь я пришёл сюда лично. По тому же поводу. Но теперь всё иначе, в определённом смысле даже всё наоборот.

Итак, ещё раз с самого начала. Началось всё это в четверг, четыре недели тому назад. Я как раз проезжал ту остановку, где начинается этот ужасно длинный отрезок пути через старую промышленную зону, где редко кто высаживается в автобус. После него автобус опять по-

noch selten wer mitfährt. Danach wird es dann wieder voller. Ich also, ich gucke nur mal so in den Innenspiegel. Da sitzt sie da, auf der letzten Bank, starrt mich an. Ich habe gar nicht gesehen, wo sie eingestiegen ist. Sie sitzt also da und starrt mich an. Komisch, wenn wer so weit hinten sitzt, kann man eigentlich eher nur den Umriss sehen, aber nicht ob er einen anguckt oder so. Aber hier: Ihre Augen hätten Sie sehen sollen. Ich fühlte mich von denen regelrecht aufgespießt wie ein toter Käfer in so einem Glaskasten. Ich habe mich angestrengt, nur nach vorn zu gucken, aber immer musste ich wieder in den Spiegel sehen. Und darin ihre Augen. Ich war froh, als die nächste Haltestelle kam. Und da, ich erinnere mich noch genau, kam einer in den Bus, der wollte eine Kurzstreckenfahrkarte, hatte aber nur fünfzig Euro dabei, und ich konnte nicht wechseln. Er fing an zu schimpfen, was das hier für ein Scheißbladen wäre, wo man nicht mal ne Fahrkarte kaufen kann. Und die anderen drängten nach in den Bus. Es regnete nämlich. Und als ich sie alle drin hatte, und in den Spiegel guckte, ob die Türen zu wären, da war sie nicht mehr da.

Aber am nächsten Tag wieder. Sitzt da am selben Platz wie gestern, habe ich gedacht, aber das stimmte nicht ganz. Es war zwar der gleiche Platz, aber die vorletzte Bank. Und dann die nächsten Tage: immer der gleiche Platz und immer eine Bank weiter vor. Ich habe nie gesehen, wo sie einstieg und wo sie wieder ausstieg. Sie saß einfach da, starrte mich an und rückte mir von Tag zu Tag näher. Ich habe mit den Kollegen gesprochen, die auch die Strecke fahren, aber von denen war sie keinem aufgefallen. Es sah so aus, als hätte sie es direkt auf mich abgesehen. Und so was darf doch nicht frei rumlaufen, habe ich gedacht. Und da habe ich hier angerufen. Aber der hier am Telefon saß... – Ach ja, das habe ich Ihnen ja schon erzählt.

Eine Personenbeschreibung? Sie wollen wissen, wie sie aussah? Also, für eine Frau ziemlich groß. Und irgendwie knochig, auch im Gesicht. Was Sie anhatte? Irgendwas mit schwarz. Nee, alles an ihr war irgendwie schwarz. Bis auf ihr Gesicht. Weiß wie ne frisch gekalkte Wand. Und diese Augen! Ich fühlte mich bedroht, verstehen Sie? Schließlich ist man als Fahrer völlig hilflos, wenn da eine Person plötzlich von hinten...

Ob ich sie schon mal auf Plakaten gesehen habe? Wie früher die Baader-

немного заполняется. Ну я, значит, глянул порядка ради во внутреннее зеркало. И увидел её. Сидит на последнем заднем сиденье и пялится на меня. Я даже не заметил, где она подсела. Сидит она, значит, и пялится на меня. Странно: когда человек так далеко сидит, видишь обычно только его очертания, а не то, смотрит он на кого-нибудь или нет. Но тут... Видели бы вы её глаза! Я чувствовал себя буквально насквозь пронизанным её взглядом, как какой-нибудь мёртвый жук на булавке в стеклянной коробке. Я старался смотреть только вперёд, но меня как будто что-то заставляло опять и опять заглядывать в это зеркало. И в её глаза в нём. Я был рад следующей остановке. И там, я это и сейчас точно помню, сел один, ему нужен был билет на короткое расстояние, но у него была при себе только 50-евровая банкнота, а у меня не было сдачи. Он начал ругаться, что это за безобразие, что это за автобус такой, где человек не может даже купить билет на короткое расстояние. А другие пассажиры уже столпились в дверях. Тогда, видите ли, шёл дождь. И когда они все, наконец, вошли, и я посмотрел в зеркало, чтобы проверить, закрыты ли задние двери, её уже не было в автобусе.

А на следующий день она опять была. Я подумал, что она сядет на то же место, что и вчера, но вышло не совсем так. То есть место было то же, но не на последнем, а на предпоследнем сиденье. И так всё время: всегда одно и то же место, и каждый день на один ряд ближе. Я ни разу не увидел, где она садилась и где выходила. Она просто сидела, пялилась на меня и с каждым днём оказывалась всё ближе. Я говорил с коллегами, которые тоже ездят по этому маршруту, но никто из них её не видел. Похоже было, что она нацелилась именно на меня. Да таким чокнутым просто не место среди нормальных людей, подумал я. Ну вот и позвонил сюда. Но этот, который тут на телефоне сидел... Ах да, это я вам уже рассказывал!

Словесный портрет? Вы хотите знать, как она выглядела? Ну для женщины довольно высокая. И какая-то костлявая, даже лицо костлявое. Как она была одета? Во что-то чёрное. Ну да, она вся была какая-то чёрная... Кроме лица. Лицо у неё было белое, как свежепобеленная стена. И эти глаза! Я чувствовал себя в опасности, понимаете? В конце концов, водитель оказывается совершенно беспомощным, если такая особа подойдёт сзади и...

Meinhofs? Habe ich auch erst gedacht. War aber nicht. Die sah überhaupt nicht aus wie ein normaler Mensch. Aber auch nicht gerade geistesgestört. Verstehen Sie mich nicht falsch, aber manchmal habe ich gedacht, die ist irgendwie nicht von hier. – Man macht sich ja seine Gedanken, wenn man jeden Tag dieselbe Strecke fährt, und dann so was.

Weshalb ich erst jetzt zu Ihnen komme? Also hören Sie mal zu: Wenn ein Polizist einem am Telefon sagt, er sieht keine Veranlassung einzuschreiten, dann wird unsereiner schon mal nachdenklich und fragt sich, ob er nicht die Flöhe husten hört.

Auf der einen Seite hat es mich schon geärgert, dass ich da von irgendeinem youngster in Uniform – Entschuldigung! – nicht ernst genommen wurde. Andererseits, ich hatte getan, was ich tun konnte, und das hat mich beruhigt, irgendwie. Und wenn ich sie nun im Bus hinter mir sah, dachte ich: Ach da bist du ja wieder! Ich habe ihr auch schon mal im Spiegel zugenickt, aber sie hat sich davon nicht beeindrucken lassen. Sie saß einfach da und sah mich im Innenspiegel an. Und mit der Zeit hatte ich den Eindruck, dass ihr Blick nicht mehr so starr war. Das kann aber auch daran gelegen haben, dass ich mich an sie gewöhnt hatte. Sie ist auch nie weiter nach vorn gekommen als bis zur dritten Bankreihe. Aber im Bus gewesen ist sie immer. Und wenn sie mal nicht da war, hat sie mir schon gefehlt.

Ja, und dann kam der Tag, wo ich diesen Unfall auf der Strecke hatte. Nicht dass ich darin verwickelt gewesen wäre. Ich konnte noch rechtzeitig bremsen. Da kam doch dieser Astra aus der Seitenstraße. – Sie haben das ja alles protokolliert – und hat den Motorradfahrer auf die Hörner genommen. Ich habe sofort angerufen, und Sie, ich meine, die Polizei, ist ja auch ziemlich schnell da gewesen.

Aber was ich sagen wollte: In dem Moment, wo ich den Unfall sah und auf die Bremse stieg, ist die schwarze Frau hinter mir aufgestanden, ist an mir vorbei wie ein Lufthauch, wie eine Berührung im Vorbeigehen. Sie ist an der Vordertür zum Bus raus – die Tür stand hinterher offen, dabei hatte ich gar nicht auf den Knopf gedrückt – ist draußen zum Motorradfahrer, hat sich hingekniet, seinen Kopf auf den Schoß genommen; und dann konnte ich sie nicht mehr sehen, weil die anderen Leute dazwischen waren.

Видел ли я её когда-нибудь на плакатах о розыске? Как тогда, когда искали этих Бадер-Майнхофов? Я сначала тоже об этом подумал. Но это было не так. Она вообще не походила на обычного человека. Но и на сумасшедшую тоже. Не поймите меня неправильно, но иногда мне казалось, что она как будто не от мира сего. Ну, знаете, всякое приходит в голову, если каждый день ездешь по одному и тому же маршруту. И вдруг такое...

Почему я только сейчас к вам пришёл? Ну послушайте: если вам полицейский говорит по телефону, что не видит никаких причин для вмешательства полиции, то рядовой гражданин вроде меня задумывается, не делает ли он из мухи слона.

С одной стороны, я рассердился, что какой-то пацан в униформе – извините! – не принимает меня всерьёз. С другой стороны, я сделал всё, что мог, и это меня как-то успокоило. И теперь, когда я видел эту женщину в автобусе позади меня, я думал: «А-а, вот и ты!». Я даже как-то кивнул ей в зеркале, но она не обратила на это внимания. Она просто сидела и смотрела мне в спину. И со временем мне стало казаться, что её взгляд уже не был таким неподвижным. Ну, это может быть потому, что я к ней привык. Она, кстати, так и не продвинулась вперёд ближе третьего ряда. Но она всегда была в автобусе. А если случалось так, что её не было, то мне её уже как-то не хватало.

Ну вот... А потом наступил день, когда на этом отрезке пути случилась авария. Нет, я в неё не был замешан, я ещё вовремя успел затормозить. Там эта «Астра» выскочила из переулка – ну, у вас же всё это есть в протоколе! – и как врезалась в мотоцикл, так мотоциклиста просто выбило из седла. Я сразу же позвонил, и вы – ну, в смысле, полицейские – тоже довольно быстро приехали.

Но я, собственно, вот что хотел сказать: в тот момент, когда я увидел случившееся и нажал на тормоз, женщина в чёрном встала и проскользнула мимо меня, как дуновение воздуха, когда кто-то проходит рядом. Она вышла через переднюю дверь – а дверь, представьте себе, оказалась открытой без моего участия! – подошла к мотоциклисту, встала на колени и положила на них его голову. Потом я уже её не видел, потому что их окружили другие люди.

На следующий день в газетах писали, что мотоциклист умер ещё на месте аварии. О моей женщине в чёрном нигде не было ни слова.

Am nächsten Tag hat in der Zeitung gestanden, dass der Motorradfahrer noch am Unfallort gestorben ist. Von meiner schwarzen Frau war nicht die Rede.

In der nächsten Nacht – das gehört vielleicht nicht ins Protokoll, aber lassen sie mich das trotzdem noch kurz erzählen – habe ich von ihr geträumt. Das war ein schöner Traum. Da hatte ich nämlich den Unfall, lag auf der Straße, und mein Kopf lag in ihrem Schoß. Und das hatte was Endgültiges, wenn Sie wissen, was ich meine. Dann bin ich aufgewacht und habe gedacht: jetzt kann mir gar nichts mehr passieren.

Und nun, ich bin sehr beunruhigt, schlafe schlecht, habe Probleme, meinen Job zu machen. Vorletzte Woche hat sie zweimal gefehlt, hat einen Dienstag und einen Donnerstag ausgelassen, überschlagen, was weiß ich. Aber dann war sie wieder da. Und ich habe mich wieder beruhigt. Aber jetzt, und deshalb bin ich persönlich hergekommen: Seit einer Woche fehlt sie ganz. Sie ist nicht mehr da, ist verschwunden, weg...

Was Sie das angeht? Na, hören Sie mal! Wer ist denn zuständig für Vermisstenanzeigen?

На следующую ночь – это, наверное, не надо заносить в протокол, но позвольте мне всё же рассказать об этом! – она мне приснилась. Это был хороший сон. Во сне жертвой аварии был я, я лежал на асфальте, и моя голова покоилась у неё на коленях. В этом было нечто такое... бесповоротное, если вы понимаете, о чём я... Потом я проснулся и подумал: теперь со мной уже ничего не может случиться (теперь мне уже ничего не страшно).

А теперь я очень встревожен, плохо сплю, мне стало трудно выполнять свою работу. На позапрошлой неделе её дважды не было, во вторник и в четверг, она их пропустила, эти дни, случайно или умышленно, не знаю... А потом она снова появилась. И я опять успокоился. Но теперь – поэтому я и пришёл сюда лично – она не появляется уже целую неделю. Её нет, она исчезла, пропала...

Какое вам до этого дело? Послушайте! Кто тут у вас принимает заявления о пропаже?

Перевод: Евгения Комарова

Alma E.
LÜCK

Альма Е.
ЛЮК

(Zum Thema: »Orte und Wegmarken«)

GALAKTISCHE SCHWESTERN

Alttägige galaktische Schwestern

die ihr hinter eurem Licht
vielleicht noch nicht erloschen seid
weint ihr mit uns
oder zappt euer Blick feixend von einem
Monumentalfilm zum nächsten.

Der Mond zieht schweigend Meer und Hirne in den Bann
und lehrt sie auf und ab ertragen
lehrt ihr uns nur den Anfang und die Ferne
und Gleichmut und Verlöschen.



(Тема: «Места и достопримечательности»)

ГАЛАКТИЧЕСКИЕ СЁСТРЫ

Вы галактические сёстры
с глазами древними
на Землю излучающими свет
вы с нами плачете о нас
или всего лишь
мерцает взгляд ваш неизменно
из фильма в фильм
с экранов
монументального кино?

Луна затягивая всё живое и не живое в свою игру
нас приучает к взлётам и паденьям
мы постигаем приливов и отливов скрытый смысл
у вас мы учимся жить по законам
земного притяженья
и исчезать в галактиках бесследно.

ORTE VON EINST

Die Orte von einst auf einer Landkarte
südlich
die Landschaft, wie sie vorbeizieht
eben erschaffen
Zypressen wie sie hinaufragen
grün und im Licht
und wenn du näher kommst
hörst du es
die Erde ist eingehüllt in Gesang
der Chor in den Wiesen verborgen
das Grün – kaum sichtbar
hebt und senkt es sich
die Erde atmet
im flirrenden Licht.

Doch auch wenn du hinkniest
am Fuß deines Bettes
und bittest
es kann dir nicht bleiben
dies Bild.

EINE SAMMLUNG STEINE

Eine Sammlung Steine
von unterwegs
vor dem Bett
kleine Fundstücke aus dem Schuh
man lernt doch dazu
ich hab sie nicht hinein
nicht mit hinein
genommen.

ПО ДРЕВНИМ МЕСТАМ

В тех древних поселеньях
на карте местности южнее
ландшафт всё тот же, каким он был
столетия назад
стремятся души кипарисов к свету
а к ним приблизишься
услышишь в их стволах
звучанье голоса земли
и сокровенный хор лугов
покров зелёный чуть заметно
вздывается и никнет
дыхание земли
в мерцающих огнях.

Но возвратившись в будни
у изголовья ложа
в молитве преклонив колени
вдруг обнаружишь
исчезло наважденье
не удержать.

СОБИРАНИЕ КАМЕШКОВ

Собранье камешков
из самых разных мест
теперь покоится у ложа
миниатюрные находки
из обуви моей извлечены
у них учусь чему-то
ведь не случайно, нет
наверно не случайно
я в дом их принесла.

Перевод: Татьяна Ивлева

Сергей
ГРАНОВСКИЙ

Sergej
GRANOVSKIJ

С

* * *

(Тема: «Скорбь»)

Скольким глазам ни кинь – снег,
Вифлеемской звезды свет.
Вот двадцатый ушёл век,
Запорошен его след.

Его гул над землёй стих,
Словно не было ста лет.
Его кладбищ покой тих,
Те далече – иных нет.

Разодрав шар земной в кровь,
Двадцать первый пришёл вслед.
И горит над землёй вновь
Вифлеемской звезды свет.



* * *

(Zum Thema: »Trauer«)

Wohin nur der Blick reicht –
weißer Schnee, und nichts, wie Schnee.
Das zwanzigste Jahrhundert ist hin,
all seine Spuren unterm Schnee.

Sein Gedröhn im Erdreich verstummt,
als gäbe es nicht hundert Jahre
Seine Friedhöfe ruhen still,
seine Toten und Lebenden schweigen.

Das Einundzwanzigste kam,
die Erdkugel blutig zerreißen,
und erstrahlt über uns im Himmel
der ewige Stern von Bethlehem.

* * *

(Тема: «Разлука»)

Как тетива натянутого лука,
Звенела ночь про смерть и про любовь,
Которые приходят к нам без стука.
Врываются от века вновь и вновь.

Приходят так, как будто званы были.
Приходят, как вне расписанья поезда,
Туда, где мы когда-то вместе жили
И больше жить не будем никогда.

Прощай, моя любовь, что может быть банальней,
Страшнее чем «прощай» есть только пустота.
Там плачет старый пёс с глазами нет печальней.
Отныне навсегда он круглый сирота.

Но сквозь беду, сквозь камень, дым и пепел,
Который шелестел, гонимый сквозняком,
Зажёгся день седьмой. Он ясен был и светел.
Светись, воскресный день, сегодня, а потом

Наступит день другой, и ночь придёт другая,
И станет ясен смысл того, что больше нет.
И будет жизнь лететь, обрывки лет листая,
Растаяв под конец, как самолёта след.

Не жми на тормоза, пусть будет то, что будет.
На разных поездах уедем налегке.
Любовь моя, прощай. Нас только Бог рассудит.
И ветром разнесёт все замки на песке.

* * *

(Zum Thema: »Abschied«)

Wie straff gespannte Sehne eines Bogens,
erklang die Nacht im ewigen Gesang
der Liebe und des Todes, die uns folgen
das ganze Leben Hand in Hand entlang.

Die Liebe und der Tod, die Untrennbaren,
die kommen ungebeten, ungeplant
dorthin, wo einst wir glücklich waren,
dorthin führt kein Weg mehr, kein Pfad.

Leb wohl, Du Liebste! Noch mehr als die Leere
schreckt uns nur Wort „Leb wohl!“. In diesem Schlund,
dem düstren Land des Leids, wie einem Tränenmeere,
heult Einsamkeit wie ein verwaister Hund.

Der grauer Dunst – so grausam, kalt und grau,
wie Asche meines Glücks – umhüllt mich dicht.
Nun siehe da am Horizont, im Tau
Der Siebte Tag erstrahlt im stillen Licht.

Der Siebte Tag, der Tag von Ruh und Frieden...
Er kommt und geht, wie auch ein jeder Tag,
und jedes mal sich etwas verabschiedet
und etwas kommt, aber das Glück ist karg.

Verweile nicht, leb wohl, lass alles so vergehen,
wie es geleitet wird von Gottes Hand
Die Wege trennen uns, so wird's geschehen,
zerstreuen wird sich unserer Träume Sand.

Übersetzung: Eugenia Komarova

Евгений
КАГАН
Eugen
KAGAN

Из Райнера Марии РИЛЬКЕ

И ВОСПОМИНАНИЕ
(Тема: «Скорбь»)

И всё ждёшь-ожидаеть ты Нечто –
то, что множит ток жизни самой
на необщее, в бесконечность;
камень будишь извечный,
полнишь мощь глубиной.

Мерцают на книжных полках
тома в золотом и беж,
и ты вспомнишь о турах долгих,
о снах, подзабытом шёлке
ушедших женщин одежд.

И поймёшь вдруг стремглав: умерший.
Вознесёшься, а в очи – ах! –
один из годов прошедших:
молитва, фигура, страх.



Rainer Maria RILKE

ERINNERUNG

(Zum Thema: »Trauer«)

Und du wartest, erwartest das Eine,
das dein Leben unendlich vermehrt;
das Mächtige, Ungemeine
das Erwachen der Steine,
Tiefen, dir zugekehrt.

Es daemmern in Buecherstaender
die Baende in Gold und Braun;
und du denkst an durchfahrene Laender,
an Bilder, an die Gewaender
wiederverlorener Frau.

Und da weisst du auf einmal: das war es.
Du erhebst dich, und vor dir steht
eines vergangenen Jahres
Angst und Gestalt und Gebet.

ДВЕ ПОПЫТКИ ПОГОВОРИТЬ СО СВОИМИ ДЕТЬМИ

I

Я
во гневе
хотел рассказать тебе,
сын мой,
о каком-то твоём
равнодушии,
о пресловутой
отчуждённости
между нами,
я хотел тебе рассказать,
например,
о моей войне,
о моём голоде,
о бедности моей,
о том, как выжали из меня все соки,
содрали шкуру
и как я не знал, что дальше;
хотел упрекнуть тебя
в неведении,
в спокойствии твоём и твоей сытости,
в твоей благополучности,
которые все
и мои тоже;
и в то время как я уже
говорил,
хлестал,
полосовал,
стегал,

ZWEI VERSUCHE, MIT MEINEN KINDERN
ZU REDEN

I

Ich wollte dir erzählen,
mein Sohn,
im Zorn
über deine scheinbare
Gleichgültigkeit,
über die eingeredete
Fremde
zwischen uns,
wollte ich dir erzählen,
zum Beispiel,
von meinem Krieg,
von meinem Hunger,
von meiner Armut,
wie ich geschunden wurde,
wie ich nicht weiter wußte,
wollte dir
deine Unkenntnis
vorwerfen,
deinen Frieden,
deine Satttheit,
deinen Wohlstand,
die auch
die meinen sind,
und während ich schon
redete,
dich mit Erinnerung
prügelte,
begriff ich, daß

отдельвал
тебя своими воспоминаниями,
сообразил я вдруг,
открыл,
понял, что
ничему тебя не обучил бы
кроме страха и ненависти,
ограниченности и зависти,
трусости, смерти.
Моё воспоминание
не твоё.
Как должен объяснить я тебе
непостижимое?
Так говорят
о вещах понятных.

Но есть у меня,
сын,
желание тихое,
тайное,
чтоб тебе, сын,
твои воспоминания
от твоего сына
скрывать,
умалчивать
не пришлось,
чтобы ты
просто мог сказать:
Делай
как я.
Пробуй
бороться, жить,
любить
как я,
сын.

ich dir nichts beibrächte
als Haß und Angst,
Neid und Enge,
Feigheit und Mord.
Meine Erinnerung ist
nicht die deine.
Wie soll ich
dir das Unverständliche erklären?
So reden wir
über Dinge,
die wir kennen.

Nur wünsche ich
insgeheim,
Sohn, daß du, Sohn,
deinem Sohn
deine Erinnerung
nicht verchweigen muß,
daß du
einfach sagen kannst:
Mach es so
wie ich.
versuche
zu kämpfen,
zu leben,
zu lieben
wie ich,
Sohn.

II

Ich wollte dir erzählen,
meine Tochter,
von meiner ersten
Liebe,

II

Я хотел рассказать тебе,
дочь моя,
о моей первой
любви,
об испуге
чужой кожи,
об иссохших
и ищущих
жаждущих
влажнеющих плавно
устах,
о кончающемся
дыхании,
о словах, коренящихся в небе,
о мании и страсти
мгновенного
вместе
посреди Земли
в эпицентре земного шарика
упокоения;
ядро,
стержень,
вокруг которого
всё вертится.

А в конце,
дочь,
обонял я пот наш,
труд
любви
нашей,
и был он не свой как бы;
я понял,
что счастье
вот так незнакомо
чужим пахнет.
Тебе это следует тоже узнать,
дочь.

von dem Schrecken
einer
fremden Haut,
von trockenen
suchenden
allmählich
feucht werdenden
Lippen,
vom Atem,
der einem
ausgeht,
von Wörtern,
die Luftwurzeln haben,
von der Sehnsucht,
für einen Augenblick
so zusammen
in der Mitte der Erde,
der Kugel Erde,
ruhen zu können,
der Kern,
um den alles
sich dreht.

Und am Ende.
Tochter,
roch ich unsern Schweiß,
die Mühe unserer
Liebe,
wie den von Fremden
und wußte.
daß Glück
so fremd riecht.
Du sollst es auch wissen,
Tochter.

Владимир

АВЦЕН

Volodymyr

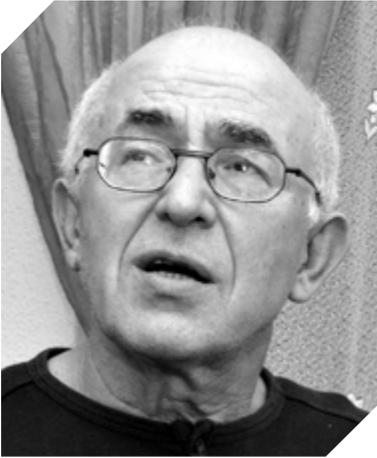
AVTSEN

С

КРАЙНОСТИ

(Тема: «Нетерпимость»)

емит говорит: «Мы против смешанных браков».
Антисемит говорит: «Мы против смешанных браков».
Ну просто в один голос, ну прямо слово в слово!
А ведь не любят друг друга...
Друг друга любят те, что смешиваются.
Любят – и смешиваются, смешиваются – и любят...
От любви рождаются дети. От нелюбви – крайности.
А крайности, как мы только что видели, сходятся.
И это плохо. Особенно для тех, на ком они сходятся.



DIE GEGENSÄTZE

(Zum Thema: »Intoleranz«)

Der Semit sagt: »Wir sind gegen die Mischehen«.
Der Antisemit sagt: »Wir sind gegen die Mischehen«.
Was für Einstimmigkeit – gerade wortwörtlich!
Und dabei können die Beiden einander nicht leiden...
Einander gut leiden können diejenigen, die sich vermischen.
Sie können einander so gut leiden, dass sie sich verlieben
Sie verlieben sich – und vermischen sich.
Sie vermischen sich – und verlieben sich.
Die Früchte der Liebe sind die Kinder.
Die Früchte der Lieblosigkeit – die Gegensätze.
Und die Gegensätze ziehen sich bekanntlich an – bis zur Explosion...
Und am härtesten trifft sie die Armen,
die sich mittendrin umarmen.

МОНАСТЫРСКОЕ

(Тема: «Влюблённость»)

Оттого, что у монашки
влажен взгляд и нежесток,
я невольно дал промашку –
взял её за локоток.

Ты прости меня, касатка,
надо б ведать, дураку,
что монашенки касаться
не пристало мужику,

что сносить тебе, девице,
эти мансы не резон:
можно благости лишиться,
потерять покой и сон.

Спят амёба и букашка,
роща, речка и луна.
Спит безгрешная монашка.
Я ворочаюсь без сна.

DAS KLÖSTERLICHE

(Zum Thema: »Verliebtheit«)

Der Blick der jungen Nonne
war so offen, weich und warm,
dass ich mich vergaß und griff sie
an dem schwarz umhüllten Arm.

Bitte herzlich um Verzeihung
Dich, unschuldige Schönheit!
Müsste wissen ich, der Tölpel,
dass es Dich verletzen kann!

Müsste wissen, dass der Unfug
Deine Keuschheit nun befleckt,
Deinen Seelenfrieden raubt,
Gnade Gottes Dir verwehrt!

...Alles schläft unter dem Monde:
Groß und Klein, Jung und Alt,
schläft die Nonne, rein und ruhig...
Ich mich wälze durch die Nacht!

ВОЛЧОК

(Тема: «Преходящее»)

Жизнь всё больше походит на заведённый волчок:
утро и день крутишься, а вечером
беспомощный, обессиленный валишься набок...
И никогда точно не знаешь –
заведёт тебя завтра незримый шалун или нет.

* * *

(Тема: «Печаль»)

Ольге Бешенковской

Шаги мои неспешны и негулки,
бреду сквозь рощу, пью покоя хмель.
Я полюбил бесцельные прогулки,
в бесцельности которых вся их цель.
Всего-то и работы – дотянуться
до ягоды какой-нибудь съестной,
всего-то и заботы не споткнуться
о ржавый корень, спящий под травой,
всего-то и делов – не оглянуться
на жизнь, что притаилась за спиной.

DER KREISEL

(Zum Thema: »Vergänglichkeit«)

Das Leben ähnelt sich immer mehr und mehr
einem Kreisel :
tagsüber drehst Du dich im Kreis, um dann am Abend,
hilflos, erschöpft, auf die Seite fallen,
nicht wissend, ob es Morgen wieder
der Unsichtbarer Spieler
den Kreisel noch einmal ankurbeln würde...

* * *

(Zum Thema: »Leid«)

An Olga Beschenkowskaja

Mein Gang ist weder hastig noch nachhallend,
ich schreite durch den Wald, in Ruhe versunken.
Ich hab' zielloses Schlendern lieb gewonnen,
Des Zieles fehl'n, ist ganzer Sinn und Zweck.

Die ganze Müh', die Hand bloß auszustrecken
Nach essbar' Beere dort an einem Busch
Die ganze Sorg', dem stolpern zu entgehen
An einer Wurzel, so verträumt ich bin.
Oh, nur sich nicht umdreh'n, um nicht zu treffen
den Blick des Lebens hinter meiner Schulter!

Übersetzung: Eugenia Komarova

Рената
ВОЛЬФ

Renate
WOLF

МОСТЫ

(Тема: «Непонимание»)

А жизнь не терпит пустоты,

И снова строятся мосты.
Мостов ажурные одежды.
Мосты – как символы надежды,
Они всегда ложатся между,
Соединяя то и это,
Закат с рассветом,
Вопрос с ответом.
Мосты из снов – полоски света,
Мосты из слов в стихах поэта.
Я строю мост к мечте
Над морем суеты,
Я строю мост к тебе.
А ты?



BRÜCKEN

(Zum Thema: »Unverständnis«)

Das Leben erträgt keine Leere und Lücken
Und wieder bauen wir die Brücken.
In luftiger Kleidung
sind sie Symbole der Hoffnung.
Sie liegen immer zwischen,
verbinden dieses und jenes,
Sonnenuntergang mit Morgenrot,
die Frage mit der Antwort.
Lichtstreifen sind Brücken der Träume.
Aus Worten baut Brücken der Dichter.
Ich baue eine Brücke zu meinem Traum
über ein Meer unwichtige Dinge.
Ich baue Brücke zu dir.
Und du?

Übersetzung: Autorin

* * *

(Тема: «Печаль»)

Счастье за окном на ветке,
А не в этой тесной клетке,
Будет петь с утра до ночи,
Если сердце очень хочет.

Есть у птах своя свобода,
Что от крыш до небосвода,
Черной ночью тенью белой
Взмах крыла – и улетела...

Растворилась в небе птица,
Может, счастье возвратится,
Может, в дальней стороне
Будет петь уже не мне.

* * *

(Zum Thema: »Leid«)

Das Glück ist ein Singvogel auf dem Ast,
nicht im Käfig – hinter dem Fenster..
Er singt Tag und Nacht ohne Hast
aus Herzenslust, selbstvergessen.

Diese Freiheit der Vögel reicht vom Dach
bis zum Horizont, über die Wolken.
Wie ein weißer Schatten in dunkler Nacht.
Nur ein Flügelschlag, wenn er wollte,

und der Vogel verschwindet im Himmel.
Vielleicht kommt er später zu mir zurück,
kann auch sein – er verschwindet für immer
und bringt andern das große Glück.

Übersetzung: Agnes Gossen-Giesbrecht

Марта
КОГАН

Marta
KOGAN

* * *

(Тема: «Непонимание»)

Кому ты птица свиристишь,
И перья дышат?
Зачем ты нарушаешь тишь?
Тебя не слышат.

Зачем ты напрягаешь дых,
Тревожить смеешь?
Что, кроме песенок чудных,
Ещё умеешь?

Не упади на вираже,
Не суйся в пламя,
Поберегись. В тебя уже
Запущен камень.



* * *

(Zum Thema: »Unverständnis«)

Was zwitscherst du, Vöglein,
 Und die Federn atmen?
Wofür unterbrichst du die Stille?
 Dich hört man nicht!

Wozu spannst du die Atmung an,
 Und wagst zu beunruhigen?
Was noch – außer seltsamen Liedchen,
 Kannst du denn?

Stürz nicht herunter von der Kurve,
 Steckt dich nicht in Flammen hinein,
Sieh dich vor! In dich ist schon
 Ein Stein geschleudert!

* * *

(Тема: «Любовь»)

А ты всегда в пути, в полете, в разговоре
На берег устремлен, покинутый тобой,
И я тебе свечу, как лампа в коридоре
(В решетчатом чехле, чтоб не унес чужой).

Не ставил ты замков (ну унесут – и ладно),
И не просил гореть (мерцает – ну и пусть),
Но я, чтоб ты свой путь потом нашел обратно,
Свечу и каждый миг перегореть боюсь.

* * *

(Тема: «Разлука»)

Касания, улыбки, шепоточки,
Оборванность воздушных полужраз
Счастливым продолженьем, многоточьем
Ловили и опутывали нас.

Игры непредсказуемы законы,
Как джазовых импровизаций лёт.
Нам время потакало благосклонно,
И был медовым бесконечный год.

И плыли где-то в стороне печали...
Быть ближе не могли, чем в этот час.
И о разлуке мы ещё не знали –
Она вдали оплакивала нас.

* * *

(Zum Thema: »Liebe«)

Und du bist immer unterwegs, im Flug, im Gespräch
Strebst zum Ufer, der du verlassen hast,
Und ich leuchte dir, wie eine Lampe im Flur
(Im Schutzgitter, damit ein Fremder sie nicht forttragen kann).

Du hast keine Absicherung für die Lampe gebaut
(wird gestohlen – egal!)
Und du hast nicht darum gebeten – zu brennen
(es flimmert – ist schon gut),
Doch ich, damit du den Weg nach Hause finden kannst,
Ich leuchte und habe jeden Moment Angst auszugehen.

* * *

(Zum Thema: »Abschied«)

Die Berührungen, die Lächeln, die Flüsternchen,
Das Abreißen der luftigen Halbphrasen
Mit glücklicher Fortsetzung, mit Gedankenpunkte
Haben uns gegriffen und um gearnt.

Die Spielgesetze sind unberechenbar,
Wie ein Flug der Jazzimprovisationen.
Die Zeit hat uns geneigt gebilligt,
Und ganze Jahr war wie die Flitterwochen.

Und alle Traurigkeiten sind irgendwo geschwommen...
Wir könnten nicht noch näher sein, als in dieser Stunde.
Wir hatten über dem Abschied noch keine Ahnung –
Der hat in der Ferne über uns geweint.

* * *

(Тема: «Печаль»)

Потеряна, как пуговка без ушка,
Что обратилась вдруг в ненужный хлам.
Не нравится мне больше комнатушка,
Где я пишу стихи по вечерам.

Прочь из неё! Но мне и тут постыло –
Среди прохожих чуждых и чужих.
Я даже город этот разлюбила –
Он пуст и скучен без шагов твоих.

* * *

(Zum Thema: »Leid«)

Verlorene, wie ein Knöpfchen ohne Ohrchen,
Das sich plötzlich zum unnützlichen Kramm verwendet hat.
Gefällt mir nicht mehr meine Stübchen,
Wo ich abends meine Gedichte schreibe.

Weg von hier! Aber mir ist übel auch da -
Unter Menschen – fremd und fern.
Ich liebe sogar diese Stadt nicht mehr –
So ist leer und langweilig ohne deine Schritte.

Übersetzung: Oxana Ringelmann

Евгения
КОМАРОВА

Eugenia
KOMAROVA

DER VERLUST

(Zum Thema: »Trauer«)

Lch habe mich verloren
und finde nicht zurück –
zu meiner Stimme nicht,
zu meiner Sprache nicht.
Sprachlos bin ich geworden,
stumm und stumpf.

Die Worte sind zu schwerwiegend,
um mit ihnen zu jonglieren,
und gleichwohl so schwerelos,
dass sie ein Herz
zum Himmel tragen können
wie die Luftballons.



УТРАТА

(Тема: «Скорбь»)

Я потеряла себя
и не нахожу дороги назад –
ни к своему голосу,
ни к своему языку.
Я потеряла дар речи,
онемела и стала бесчувственной.

Слова слишком весомы,
чтобы ими жонглировать,
и настолько невесомы,
что могут подобно воздушным шарам
сердце
унести в небеса.

Aber mir fehlen die Worte...
Und wie die mir fehlen!
Ich leide an einem Herzfehler –
ich habe die Worte verloren.
Ich habe verloren...
Ich bin verloren.

БАХ. МЕССА

(Тема: «Скорбь»)

– Что это, Господи, что это значит?
– Это душа потихонечку плачет,
плачет душа и в слезах отмокает,
отогревается и отмякает.

Нежно, и остро, и сладко, и больно...
Боже, продли! – Нет, помилуй, довольно!
Муки рожденья и смертные муки,
соединенье любви и разлуки...

– Что это, Господи, бьётся так жарко –
птица в силках или зверь под кинжалом?
– Песня ли, кровь ли из горла нахлынет –
это душа твоя пробует крылья.

– Что это, Господи, лёгкость такая!
– Это душа твоя в небо взлетает,
и отлетает, и след замечает,
и плачет, и тает, и плачет, и тает...

Но у меня нет слов...
О, как же мне их не хватает!
У меня сердечная недостаточность –
я потеряла слова.
Я проиграла...
Я пропала.

Перевод: автор

J.S. BACH. DIE MESSE

(Zum Thema: »Trauer«)

– Was heißt das, Herr, was ist damit gemeint?
– Das ist die Seele, die so leis' vor sich hin weint,
Sie weint und sich in Tränensee erweicht,
Erwärmt und aus dem Winterschlaf erwacht.

Die Pein dringt ein ins Herz und dort verharret,
So herrisch und so herrlich, zart und hart...
So darf's nicht ewig sein! Ich sterbe! – Nein:
So wird die Seele mit dem Geist vereint.

– Was heißt das, Herr? Ich schmeck' in meinem Munde
Des Herzens Blut. Es schmeckt nach Todessünde.
– Die Seele strömt mit Strophen durch den Rachen –
Dem Gotteswerk gebührt die Gottesrache.

– Was heißt das, Herr? So federleicht geworden...
– Das ist die Seele, die entweicht gen Wolken,
Sie schwebt und weint, und sie entschwindet weiter,
Und löst sich los, und wird erlöst im Weinen.

Übersetzung: Autorin

Марина
БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

Marina
BILOTSERKIVSKA

ПЕСНИ ИЗ КИНОТРИЛОГИИ
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

из Фрэн УОЛШ

В МЕЧТАХ

(Тема: «Зов»)

Если властвует зима
И царит над миром ночь,
Если солнце скроет тьма,
Мы пойдем сквозь мрак и дождь.

Но в мечтах
Я слышу имя твое.
И в мечтах
Я вижу – солнце встает.

Сгинут горы и моря,
Если шага утрашусь.
Там во тьме зовут меня –
Я слышу зов,
И я пойду,
И я вернусь.



SONGS AUS DEM SOUNDTRACK ZUM FILM »DER HERR DER RINGE«

Fran WALSH

IN DREAMS

(Zum Thema: »Ruf«)

When the cold of Winter comes
Starless night will cover day
In the veiling of the sun
We will walk in bitter rain

But in dreams
I can hear your name
And in dreams
We will meet again

When the seas and mountains fall
And we come, to end of days
In the dark I hear a call
Calling me there
I will go there
And back again.

МОЖЕТ БЫТЬ

(Тема: «Вера»)

Может быть, вечерней звезды
Проливается свет.
Может быть, среди темноты
В твоём сердце брезжит рассвет.
Ты идёшь одиноким путем,
Как далёко остался дом!

Mornië utúlië¹,
Ты только верь, что найдёшь свой путь.
Mornië alantië²,
И клятву исполнишь когда-нибудь.

Может быть, это зов теней –
Улетит от света тень.
Может быть, ты вышел затем,
Чтоб зажечь новый день.
Если ночь преодолена,
Солнце встанет, уснет луна...

Mornië utúlië,
Ты только верь – и найдёшь свой путь.
Mornië alantië,
И клятву исполнишь когда-нибудь,
Ты клятву исполнишь когда-нибудь.

¹ Mornië utúlië – Квенья (один из эльфийских языков): Тьма настала

² Mornië alantië – Квенья: Тьма упала

MAY IT BE

(Zum Thema: »Glaube«)

May it be an evening star
Shines down upon you
May it be when darkness falls
Your heart will be true
You walk a lonely road
Oh! How far you are from home

Mornië utúlië¹
Believe and you will find your way
Mornië alantië²
A promise lives within you now

May it be the shadow's call
Will fly away
May it be your journey on
To light the day
When the night is overcome
You may rise to find the sun

Mornië utúlië
Believe and you will find your way
Mornië alantië
A promise lives within you now
A promise lives within you now

¹ Mornië utúlië – Quenya: Darkness has come.

² Mornië alantië – Quenya: Darkness has fallen.

ПЕСНЯ ГОРЛУМА

(Тема: «Скорбь»)

Там пала тьма, где раньше лился свет,
Душа пуста, любви там больше нет.
Но все ж не вышел срок,
Хоть путь мой одинок.

Мой крик навзрыд обрушится, как дождь,
Моей беде твоя виною ложь.
Будем рыдать над пропащей судьбой –
Нам не вернуться домой.

В конце концов, я тот, каков я есть.
Нет у меня друзей, врагов – не счесть.
Прощай, нам вышел срок,
Попыткой ты пренебрег.

Твой крик навзрыд навеки опоздал,
К тебе вернулись ложь, вина, беда,
И, встретив смерть наедине с собой,
Ты не вернешься домой.
Ты не вернешься домой...

Перевод с английского

GOLLUM'S SONG

(Zum Thema: »Trauer«)

Where once was light, now darkness falls
Where once was love, love is no more
Don't say goodbye
Don't say I didn't try

These tears we cry are falling rain
For all the lies you told us, the hurt, the blame
And we will weep to be so alone
We are lost, we can never go home

So in the end, i'll be what I will be
No loyal friend was ever there for me
Now we say goodbye
We say you didn't try

These tears you cry, have come too late
Take back the lies, the hurt, the blame
And you will weep when you face the end alone
You are lost, you can never go home
You are lost, you can never go home

Ромен
НУДЕЛЬМАН
Romen
NUDELMANN

из Вольфганга БОРХЕРТА

ЛУНА ЛЖЕТ
(МОАБИТ)
(Тема: «Нацизм»)

У

зоры на стене рисует свет луны.
На темном фоне выглядят гротескно
Квадраты светлые, что чуть искривлены,
Из тонких линий, проходящих тесно.
Рыбачья сеть? Ловушка паука?
Чертеж начерчен четко.
Я поднял взгляд, чтобы узнать наверняка:
А на окне – решетка!



Wolfgang BORCHERT

**DER MOND LÜGT
(MOABIT)**

(Zum Thema: »Nazismus«)

Der Mond malt ein groteskes Muster an die Mauer.
Grotesk? Ein helles Viereck, kaum gebogen,
von einer Anzahl dunkelgrauer
und schmaler Linien durchzogen.
Ein Fischernetz? Ein Spinnwebgewebe?
Doch ach, die Wimper zittert,
wenn ich den Blick zum Fenster hebe:
Es ist vergittert!

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636

(Тема: «Война»)

Все громче торжество грабительства и гнета.
Народов дикий сброд, тромбон – губитель мира,
От крови жирный меч, гремящая мортира,
И закрома, где нет плодов труда и пота.

На башнях все в огне, и рухнули ворота,
В руинах ратуша и кирха смотрит сиром.
Позор невест и жен, а воинам – секира.
Огонь, чума и смерть берут людей без счета.

По улицам в кювет и на плацу широком
Уж трижды по шесть лет стекает кровь потоком,
И трупы пачками плывут в речной тиши.

Но я молчу о том, что хуже ран телесных,
Чумы и голода, и всех мучений крестных.
Страшней, что гибнут в нас сокровища души.

THRÄNEN DES VATERLANDES,
ANNO 1636

(Zum Thema: »Krieg«)

Wir sind doch nunmehr ganz, ja mehr den ganz verheeret!
Der frechen Völker Schar, die rasende Posaun
Das vom Blut fette Schwert, die donnernde Karthaun
Hat aller Schweiß, und Fleiß, und Vorrat auf gezehret.

Die Türme stehn in Glut, die Kirch' ist umgekehret.
Das Rathaus liegt im Graus, die Starken sind zerhaun,
Die Jungfern sind geschänd't, und wo wir hin nur schaun,
Ist Feuer, Pest, und Tod, der Herz und Geist durchfähret.

Hier durch die Schanz und Stadt, rinnt allzeit frisches Blut.
Dreimal sind schon sechs Jahr, als unser Ströme Flut,
Von Leichen fast verstopft, sich langsam fort gedrungen,

Doch schweig ich noch von dem, was ärger als der Tod,
Was grimmer denn die Pest, und Glut und Hungersnot,
Dass nun der Seelen Schatz so vielen abgezwungen.

Татьяна
ИВЛЕВА

Tatiana
IVLEVA

(Тема: «Иммиграция»)

С

* * *

олнце уходит на запад,
Чтоб утром с востока прийти –
Края родимого запах
В охапке лучей принести.

Солнце приходит с востока,
На запад уходит оно.
Тонкое горло истока
Устью забыть не дано.

И не дано нам родиться
Дважды, чтоб в Божью тетрадь
Все черновые страницы
Набело переписать.



(Zum Thema: »Einwanderung«)

* * *

Die Sonne zieht weiter nach Westen
Um morgen von Osten zu kommen –
Den Duft meiner Heimat zum Trost ich
Im Strauß der Strahlen bekomme.

Die Sonne kommt immer von Osten,
Im Westen verschwindet sie immer.
Die Mündung trägt innen die Quelle –
Vergessen kann sie nie und nimmer.

Und wird man nicht zweimal geboren
Um all' die mit Fehlern voll Seiten
Im Gottesheft, auserkoren,
noch einmal ins Reine zu schreiben.

* * *

Ручей убегающий!
Тебя не догнать...
И я остаюсь.

* * *

Сторонюсь Рождественских ярмарок,
где продают мишуру золотую,
жареные колбаски с пивом
и младенца Христа.

* * *

В Китай улетають пёстрые утки.
И с ними одна, что меня приручила...

* * *

День и ночь держу открытым окно.
Иногда прилетает усталый ангел.
Пока он спит, я сушу у огня его крылья.

* * *

Дождь, говорящий на всех языках, –
эмигрант, вечный беженец.
Беспаспортный гражданин мира.

* * *

Четыре шипа у Розы Ветров –
на четыре стороны света.
Цветок эмигранта.

* * *

Поэты и ангелы
в одном похожи:
не уживаются в стае,
летают поодиночке.
Храни их Господь.

* * *

Fortlaufender Bach!
Unmöglich dich einzuholen...
Und ich bleibe.

* * *

Ich meide Weihnachtsmärkte,
wo goldener Tand verkauft wird,
Bratwurst, Bier
und das Christkind.

* * *

Nach China fliegen die bunten Enten.
Und eine, die mich zähmte, ist auch dabei...

* * *

Tag und Nacht lasse ich mein Fenster offen.
Manchmal fliegt ein ermüdeter Engel herein,
und während er schläft, trockne ich seine Flügel am Feuer.

* * *

Der Regen, alle Sprachen sprechend,
lebt ewig im Exil und sucht Asyl.
Passloser Weltbürger.

* * *

Vier Dornen hat die Windrose,
in vier Himmelsrichtungen zeigend.
Emigrantenblume!

* * *

Poeten und Engel
sind in einem ähnlich:
vertragen kein Leben im Schwarm.
Sie fliegen alleine.
Möge Gott sie beschützen!

Übersetzung: Valentina Apro